

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 21. No. 1

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2022

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 21. № 1

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2022

Volume 21. No. 1

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2022

Том 21. № 1

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2022. Vol. 21. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

***Mainstream issue: “The Modern State in the Paradigm of Law:
Geopolitical and Jurisdictional Staples”***

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **ReadERA** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, M.V. Gayval, N.V. Goreva, E.S. Reshetnikova, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *E.A. Agarkova*
Making up and technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Febr. 4, 2022.

Date of publication: May 5, 2022. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.6. Published pages 18,9.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).
Order 49. «C» 10.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2022. Т. 21. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Современное государство в парадигме права: геополитические и юрисдикционные скрепы»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), ReadERA (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иниакова – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова, М.В. Гайваль, Н.В. Горева, Е.С. Решетникова, И.В. Сметанина
Редактор английских текстов Е.А. Агаркова
Верстка и техническое редактирование
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 04.02.2022 г.

Дата выхода в свет: 05.05.2022 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,6.
Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.).
Заказ 49. «С» 10.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Иншакова А.О. Институционально-правовая парадигма как основа построения цивилизованного геополитического пространства 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Грачев Н.И. Геополитика как концептуальная парадигма содержания и сущности государства и права 13

Терехов Е.М. К вопросу о творческом и механическом видах официального толкования норм права 23

Ушаков А.В. Политико-правовые аспекты защиты конституционных социальных прав граждан в России 30

Бочков А.А., Сухарев А.А. Концептуально-методологические основы толкования правового нигилизма 37

Каршиева Э.Р. Приоритет международного или национального права 47

Яковлева О.А. Преступления против общественной безопасности: проблемы законодательной регламентации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) 52

Шарипова А.Р. Концепция конвергенции уголовно-процессуального права с иными отраслями процессуального права 57

Севостьянов В.В., Минеев О.А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития 64

Фархутдинов Р.Д. Баланс публичного и частного в договорных правоотношениях 70

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Сарычев А.В., Архипцев И.Н., Кандабарова К.С. Действия сотрудников полиции на массовых мероприятиях 75

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики ... 84

Балтутите И.В. Правовое регулирование развития цифровой образовательной среды и коммерциализация результатов научных разработок в образовании 91

Гончаров А.И., Гончарова М.В. Основные направления и принципы применения технологий 4.0 внешнеторговыми компаниями юрисдикций ЕАЭС и БРИКС 99

Дерюшева О.И. О правовой природе совместного завещания супругов 110

Инжиева Б.Б. Актуальные проблемы аренды земельных участков как объектов недвижимости в Российской Федерации 115

Казаченок С.Ю. Правовые вопросы погашения требований конкурсных кредиторов в контексте реформирования Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» 122

Матыцин Д.Е. Понятие дистанционно-цифровой инвестиционной сделки в информационном пространстве 129

Севостьянов М.В. Оказание культурных услуг как предмет договора 137

Ситников М.С. Добросовестность субъекта предпринимательской деятельности при заверении об обстоятельствах 142

Скрыпник Д.Ю. Изменение правового механизма подключения к электрическим сетям: электронно-дистанционная модель 147

Усанова В.А. Особенности реализации права на занятие предпринимательской деятельностью несовершеннолетними 152

Садков В.А. Договор обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, и его разновидности 159

Агибалова Е.Н., Рыжова А.А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации 166

Зайцева Е.В., Молчанов А.А. Содержание патентных прав на служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы 171

Матыцин Д.Е. Интернет-пространство и искусственный интеллект: проблемы предпринимательской деятельности и правоприменения [На англ. яз.] 178

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

<i>Inshakova A.O.</i> The Institutional and Legal Paradigm As the Basis for Building a Civilized Geopolitical Space	6
---	---

MAINSTREAM ISSUE

<i>Grachev N.I.</i> Geopolitics As a Conceptual Paradigm of the Content and Essence of the State and Law	13
<i>Terekhov E.M.</i> Revisiting the Creative and Mechanical Types of Official Interpretation of the Norms of Law	23
<i>Ushakov A.V.</i> Political and Legal Aspects of the Protection of Constitutional Social Rights of Citizens in Russia	30
<i>Bochkov A.A., Sukharev A.A.</i> Conceptual and Methodological Foundations of the Interpretation of Legal Nihilism	37
<i>Karshieva E.R.</i> Priority of International or National Law	47
<i>Yakovleva O.A.</i> Crimes Against Public Safety: Problems of the Legislative Regulation (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)	52
<i>Sharipova A.R.</i> The Concept of Convergence of Criminal Procedure Law with Other Branches of Procedural Law	57
<i>Sevostyanov V.V., Mineev O.A.</i> Digitalization of Civil Turnover in the Context of the Digital Socio-Economic Paradigm: Main Problems and Prospects of Development	64
<i>Farkhutdinov R.D.</i> The Balance of Public and Private in Contractual Legal Relations	70

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

<i>Sarychev A.V., Arkhitektsev I.N., Kandabarova K.S.</i> Police Action at Mass Events	75
--	----

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu.</i> Protection of Property Rights of Minors: The Analysis of the Consistency of Law Enforcement Practice	84
<i>Baltutite I.V.</i> Legal Regulation of the Development of the Digital Educational Environment and the Commercialization of the Results of Scientific Developments in Education	91

<i>Goncharov A.I., Goncharova M.V.</i> Main Directions and Principles of Applying Technology 4.0 by Foreign Trade Companies of the EAEU and BRICS Jurisdictions	99
<i>Deryusheva O.I.</i> On the Legal Nature of the Joint Will of Spouses	110
<i>Injieva B.B.</i> Actual Problems of Land Lease As Real Estate Objects in the Russian Federation	115
<i>Kazachenok S.Yu.</i> Legal Issues of Satisfying Bankruptcy Creditors' Claims in the Context of Reforming the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)"	122
<i>Matytsin D.E.</i> The Concept of a Remote Digital Investment Transaction in the Information Space	129
<i>Sevostyanov M.V.</i> Provision of Cultural Services As the Scope of Agreement	137
<i>Sitnikov M.S.</i> The Integrity of a Business Entity in Representations	142
<i>Skrypnik D.Yu.</i> Changing the Legal Mechanism of Connection to Electric Networks: Electronic Remote Model	147
<i>Usanova V.A.</i> Peculiarities of the Realization of the Right to Engage in Entrepreneurial Activity by Minors	152
<i>Sadkov V.A.</i> The Agreement for the Exchange of Rights Certified by the Construction of Digital Financial Assets and Its Types	159
<i>Agibalova E.N., Ryzhova A.A.</i> Modern Notary in the Era of Digital Transformation	166
<i>Zaitseva E.V., Molchanov A.A.</i> The Scope of Patent Rights for Service Inventions, Service Utility Models, Service Industrial Designs	171
<i>Matytsin D.E.</i> Internet Space and Artificial Intelligence: Problems of Entrepreneurship and Law Enforcement	178

www.volsu.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.1>

UDC 342

LBC 67.4

THE INSTITUTIONAL AND LEGAL PARADIGM AS THE BASIS FOR BUILDING A CIVILIZED GEOPOLITICAL SPACE

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The main topic of the current issue of the journal “Legal Concept” = “Pravovaya paradigma” – “The modern state in the paradigm of law: geopolitical and jurisdictional staples” deals with the study of the significance of such a category as a legal paradigm for the scientific world and the building of civilized international relations, taking into account the current state of the geopolitical space, as well as their interdependence and mutual influence. It is argued that confidence-building and the stability of international relations will be promoted not by deterrence or confrontation, but by effective global governance, which is only possible through the institutional building. It is argued that civilized international relations should be built following the principles and norms of law, which determines the importance of the institutional and legal paradigm. According to the author, the concept of “institution” is a key element in building the geopolitical space, and law is one of the most important institutions of the geopolitical paradigm, representing the most important mandatory regulator of human activity, determining for all subjects of the jurisdiction to which they belong the full functionality of their material and immaterial existence and organizing their time and space. The specific jurisdictional staples of geopolitics and legal paradigms from different branches of law are investigated. The logic of the editorial board of the journal is substantiated in the construction of the heading “The main topic of the issue”, which opens with a paper on the study of the influence of geopolitical factors on the state and legal organization of countries and peoples. The stages of the development of geopolitics are determined. It is argued that scientific and technological progress has put an end to the previous classical period of geopolitics, and the main key factor of modern geopolitics is the socio-economic factor that determines the possibilities of the economy in improving the standard of living of the population. It is revealed that the influence of individual states on the geopolitical process is measured by modern geopolitics, taking into account the state of the economy, the prosperity of society, and the stability of the political system. That is why, according to the author, the modernization of the legal system of modern Russia is impossible without taking into account geopolitical factors, since its state plays a decisive role in world geopolitics along with geographical location, climate, soil, and other natural conditions, population density, etc. The level of development of the security infrastructure of the state is determined not only by socio-economic factors but also by legal ones. It is proved that the process of increasing the level of economic security is a continuous process, which means that improving the geopolitical situation of Russia is a permanent matter that requires ensuring sustainable economic growth, carrying out some organizational and economic measures and creating an adaptive legal infrastructure for their implementation.

Key words: paradigm, legal paradigm, institution, institutional and legal paradigm, geopolitics, state, international relations, international law.

Citation. Inshakova A.O. The Institutional and Legal Paradigm As the Basis for Building a Civilized Geopolitical Space. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 6-12. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.1>

УДК 342
ББК 67.4

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Главная тема очередного номера журнала «Legal Concept» = «Правовая парадигма» – «Современное государство в парадигме права: геополитические и юрисдикционные скрепы» посвящена исследованию значимости такой категории как правовая парадигма для научного мира и построения цивилизованных международных отношений с учетом современного состояния геополитического пространства, а также их взаимозависимости и взаимовлияния. Утверждается, что укреплению доверия и стабильности международных отношений будет способствовать не сдерживание или конфронтация, а эффективное глобальное управление, которое возможно лишь посредством институционального строительства. Обосновывается, что цивилизованные международные отношения должны строиться в соответствии с принципами и нормами права, что определяет значимость институционально-правовой парадигмы. По мнению автора, понятие «институт» является ключевым элементом в построении геополитического пространства, а право выступает одним из важнейших институтов геополитической парадигмы, представляя собой важнейший общеобязательный регулятор человеческой деятельности, определяющий для всех субъектов юрисдикции, к которой те принадлежат, полный функционал их материального и нематериального существования и организуя их время и пространство. Исследуются конкретные юрисдикционные скрепы геополитики и правовой парадигмы из разных отраслей права. Обосновывается логика редакционной коллегии журнала в построении рубрики «Главная тема номера», которая открывается статьей, посвященной исследованию влияния геополитических факторов на государственную и правовую организацию стран и народов. Определяются этапы развития геополитики. Утверждается, что конец предыдущему – классическому периоду геополитики положил научно-технический прогресс, а основным ключевым фактором современной геополитики является социально-экономический фактор, определяющий возможности экономики в повышении уровня жизни населения. Выявлено, что влияние отдельных государств на геополитический процесс измеряется современными геополитиками с учетом состояния экономики, процветания общества и стабильности политической системы. Именно поэтому, по мнению автора, модернизация правовой системы современной России невозможна без учета геополитических факторов, так как ее состояние играет определяющую роль в мировой геополитике наравне с географическим положением, климатом, почвенными и другими природными условиями, плотностью населения и т. д. Уровень развития инфраструктуры безопасности государства определяется не только социально-экономическими факторами, но и правовыми. Доказано, что процесс повышения уровня экономической безопасности непрерывный, а значит и улучшение геополитического положения России дело перманентное, требующее обеспечения устойчивого экономического роста, проведения целого ряда организационно-экономических мероприятий и создания для их реализации адаптивной правовой инфраструктуры.

Ключевые слова: парадигма, правовая парадигма, институт, институционально-правовая парадигма, геополитика, государство, международные отношения, международное право.

Цитирование. Иншакова А. О. Институционально-правовая парадигма как основа построения цивилизованного геополитического пространства // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.1>

Главная тема очередного номера журнала «Legal Concept» = «Правовая парадигма» звучит как «Современное государство в парадигме права: геополитические и юрисдикционные скрепы». Категория метатеоретического уровня «парадигма» исторически прежде вошла в понятийно-категориальный

аппарат философской науки и лишь потом получила свое активное распространение и в юриспруденции. Т. Кун как первоисследователь понятия парадигмы определяет ее как общепризнанное научное достижение, которое в течение определенного времени дает научному сообществу модель постановки проблем

и их решений [6, с. 11]. Таким образом, основная значимость парадигмы для научного мира заключается в ее способности генерировать новое знание, а также создавать условия для интеграции ученых коллабораций [10, с. 41–44].

Правовая парадигма не является исключением и также, приобретая черты традиционности и догматичности, способна формировать стиль научного мышления. Так, В.В. Шаханов определяет правовые парадигмы как совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т. п.). Эти постулаты используются учеными правоведами без сомнений и разногласий, составляют основу деятельности по приращению научных знаний, создают определенное видение правовой реальности и в конечном счете формируют соответствующую своему времени юридическую систему [12, с. 262].

Е.А. Войниканис утверждает, что парадигма права представляет собой органическое единство осознанных и неявных представлений (взглядов, убеждений) о праве, обществе, государстве и их взаимосвязи, основанных на данных представлениях ценностных и целевых установок, а также профессионального опыта (навыков, приемов и стандартов), общее для всех членов юридического сообщества или его подгруппы. По мнению ученого, парадигма права объективируется в правовой науке и доктрине, законодательстве и практике правоприменения [2, с. 18–21]. Таким образом, правовая парадигма является главным связующим звеном между системой права и юридическими доктринальными подходами, общепринятыми мировоззренческими установками и профессиональными навыками правоведов. Ученые предостерегают от некорректного восприятия правовых парадигм в качестве тех или иных концепций правопонимания и правосприятия, что не всегда корректно, так как это роднит их с категорией научного правосознания и влечет неоднозначное понимание правовой парадигмы в науке и возможности ее внедоктринального восприятия [9, с. 114–116]. В зависимости от предметной области теоретико-правовых ис-

следований ученые выделяют следующие виды парадигм: парадигма правового мышления, парадигма правопонимания, парадигма правовой догматики и парадигма правовой культуры.

Цивилизованные международные отношения должны строиться в соответствии с принципами и нормами права, что определяет значимость институционально-правовой парадигмы.

Вместе с тем мы видим, как меняется мир в сторону обострения геополитической ситуации. Хотя в возникновении и обострении международного кризиса и задействованы различные переменные, геополитическая переменная имеет особый и важный вес. Геополитика – это гибридная концепция, изучающая роль географии, власти и политики в международных делах. Геополитика и международный кризис исследуют пересекающиеся пути при обсуждении эскалации международных кризисов и их причин. Исследователи считают, что между этими двумя предметами существует тесная связь [13, р. 225–253]. Напряженность эта растет, по мнению политологов, по мере того, как усиление Китая сталкивается с решимостью США предотвратить появление «равного конкурента» в Азии. Баланс отношений пытаются воссоздать регионы и мощные региональные союзы, которые берут на себя роль разрушителей мирового порядка. Однако эти затруднения могут способствовать сотрудничеству между конкурирующими державами, что потребует готовности и способности государств разрешать геополитические споры. В деле укрепления доверия и стабильности главная роль будет отведена не сдерживанию или конфронтации, а эффективному глобальному управлению, которое возможно лишь посредством институционального строительства [15, р. 53–681]. Таким образом, понятие «институт» является ключевым элементом в построении геополитического пространства. Право же, в свою очередь, выступает одним из важнейших институтов геополитической парадигмы, представляя собой важнейший общеобязательный регулятор человеческой деятельности, определяющий для всех субъектов юрисдикции, к которой те принадлежат, полный функционал их материального и нема-

териального существования и организующий их время и пространство.

В связи с этим логичным представляется редакционной коллегии журнала, что открывающая рубрику «Главная тема номера» статья посвящена исследованию влияния геополитических факторов на государственную и правовую организацию стран и народов. В статье «Геополитика как концептуальная парадигма содержания и сущности государства и права» утверждается, что в современном мире право не может выступать «мерой всех вещей», оно должно исчерпывающим образом быть поставлено на службу геополитике. Таким образом, по мнению автора, право способно помогать государству, претендующему на реальный суверенитет, реализовывать такую стратегию освоения собственного и окружающего пространства, которая позволила бы ему извлечь наибольшие позитивные результаты из своей географической структуры и достичь в дальнейшем развитии естественных границ, адекватно определяя тем самым место существования и развития государствообразующего народа.

Социально-правовая теория породила ряд убедительных грандиозных теорий о развитии права как совокупности знаний, поэтому, анализируя правовую парадигму, нельзя не затронуть вопросы эволюции [16, р. 1–191].

В развитии геополитики ученые выделяют 3 этапа: предысторию геополитики, классическую геополитику и современную геополитику [5, с. 69–85]. Современный этап развития геополитики связывают со временем окончания Второй мировой войны. Исследователи полагают, что основным фактором, определяющим становление нового геополитического мышления послужило послевоенное переустройство мира. Коренную перестройку структуры мира, международных отношений и геополитической парадигмы связывают, прежде всего, с изобретением атомной бомбы и ракетного двигателя, что сыграло огромную геостратегическую роль. В эпоху научно-технологических революций и глобальной цивилизации использование в праве старых парадигм оказалось неуместным [11, с. 6–19]. Таким образом, конец классическому периоду геополитики положил научно-технический прогресс.

Современная парадигма права как совокупность идей и концепций должна была обеспечить юридическую деятельность новыми методами. Помимо принятия законов и подзаконных нормативных правовых актов нужны были принципиально новые подходы. Глобальные угрозы, среди которых изменение климата, пандемия COVID-19, а также негативные последствия применения технологий индустрии 4.0 выходят за границы национальной юрисдикции и требуют реакции многих стран и унифицированного международного регулирования [15, р. 53–681]. Под влиянием таких факторов современной действительности как интернет, цифровизация общественной деятельности, искусственный интеллект, блокчейн-технологии и др., право кардинально изменилось [4, с. 62–67].

Одним из ключевых факторов современной геополитики является социально-экономический, определяющий возможности экономики в повышении уровня жизни населения. Влияние отдельных государств на геополитический процесс измеряется современными геополитиками с учетом состояния экономики, процветания общества и стабильности политической системы. Действительно, основными ориентирами геополитики являются экономика и энергоносители, обеспечивающие тотальный политический контроль над государственными процессами в странах мира и международных интеграционных объединениях, что подтверждается кризисами в процветании единого экономического пространства в Европе, Латинской Америке и т. д. [1, с. 79–85]. Торговля энергией является важной опорой развития каждой страны, компенсирующей дисбаланс в производстве и потреблении ископаемого топлива. Геополитические риски в определенной степени влияют на торговлю энергоносителями различных стран, но их причины сложны, и торговля энергоносителями также включает в себя множество аспектов, в числе которых немаловажное место отведено международному правовому регулированию [14].

Таким образом, к числу основных факторов, влияющих на выбор той или иной геополитической стратегии, наравне с географическими факторами, лояльностью населения, борьбой за ресурсы, относится и международ-

ное право. Учет правового фактора играет значимую оценочную роль при определении рационального или иррационального характера той или иной геополитической стратегии. Особая ценность норм международного права как фактора, влияющего на выбор той или иной геополитической стратегии, а также их анализ, будет способствовать выбору стратегии, учитывающей согласованное волеизъявление ратифицировавших его государств, а основы выбранной геополитической стратегии, соответствующей нормам международного права, или, по крайней мере, не противоречащей ей, благоприятным образом скажутся на современном мироздании в целом [8, с. 721–732]. Модернизация правовой системы современной России также невозможна без учета геополитических факторов. Таким образом, процессы социально-экономических трансформаций взаимосвязаны и взаимозависимы с трансформациями в системе как международного, так и национального права и в правовой парадигме [2, с. 18–21].

В последние 2 года геостратегические тенденции претерпели изменения, повлиявшие на обеспечение мира и безопасности. Так, ранее уже упоминалось, что в 2020 г. планета столкнулась с пандемией коронавируса (COVID-19), которая перевернула с ног на голову ряд политических аксиом, далее вывод войск США / НАТО из Афганистана в конце августа 2021 года. В связи с этими событиями отмечается усиление процессов регионализации [17, р. 1–5]. Роль великой мировой державы, унаследованная от СССР, предполагает необходимость учитывать не только такие традиционные показатели, определяющие роль страны в мировой геополитике, как географическое положение, климат, почвенные, природные ресурсы и другие природные условия, плотность населения, уровень развития инфраструктуры и т. д., но и произошедшие кардинальные изменения в обеспечении безопасности государства: экономической, социальной и, конечно же, правовой [7, с. 10–19]. Несмотря на то что, по мнению ученых [3, с. 13–20], Россия занимает одно из ведущих мест в мире по степени экономической безопасности, повышение уровня экономической безопасности процесс непрерывный, а значит и улучшение геополитического положения России дело перманентное, требующее обеспечения устойчивого экономического роста, проведения целого ряда организационно-экономических мероприятий и создания для их реализации адаптивной правовой инфраструктуры.

Именно поэтому в рубрике «Главная тема номера» представлены исследования, посвященные таким вопросам, как: «Политико-правовые аспекты защиты конституционных социальных прав граждан в России»; «Концептуально-методологические основы толкования правового нигилизма»; «Преступления против общественной безопасности: проблемы законодательной регламентации». Взаимозависимость и интеграция государств не позволяют рассматривать проблему безопасности, в том числе и правовой, в границах только одной страны, вопросы соотношения, взаимозависимости и взаимовлияния международного и национального права имеют особую актуальность в свете комплексного анализа тесного тандема геополитики и правовой парадигмы. Поэтому в рубрике также рассматриваются вопросы приоритета международного и/или национального права.

Нарастающие тенденции протекционизма и регионализации требуют переоценки традиционных представлений о национальной геополитике, как и о национальной правовой парадигме, сложившихся в последние годы. На сегодняшний день внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты России выстроены в качестве самостоятельного игрока в глобальном мировом пространстве, а также с учетом интеграционных процессов и регионализации. Однако какова должна быть правовая модель в данных внешнеэкономических и внешнеполитических условиях? Какое место занимает Россия в современных геополитических взаимоотношениях? Как влияет современная геополитика на национальную правовую парадигму? И какие правовые механизмы выполняют сегодня роль геополитических юрисдикционных скреп? На эти вопросы постарались ответить авторы рубрики «Главная тема номера» посредством изучения отдельных аспектов согласно своей профильной направленности и отраслевой принадлежности.

Помимо вышеуказанных работ, в главной теме номера рассмотрены также вопросы творческого и механического официального толкования норм права; концептуальных подходов к конвергенции уголовно-процессуального права с иными отраслями процессуального права; основные проблемы и перспективы развития цифровизации гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы; баланса публичного и частного в договорных правоотношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Броварь, А. В. Геополитика: история и современная трансформация / А. В. Броварь, А. Ю. Гордеева // IX южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности»: материалы всерос. конф. с междунар. участием. – 2019. – С. 79–85.
2. Войниканис, Е. А. Парадигма права как предмет теоретико-правового исследования / Е. А. Войниканис // Право и Государство: теория и практика. – 2015. – № 11 (131). – С. 18–21.
3. Воронков, А. Н. Влияние геополитики на экономическую безопасность России / А. Н. Воронков // На страже экономики. – 2019. – № 4 (11). – С. 13–20.
4. Голоскоков, Л. В. О парадигме современного права в свете угроз гибридных войн / Л. В. Голоскоков // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 1. – С. 62–67.
5. Исаев, Б. А. Геополитика классическая и геополитика современная / Б. А. Исаев // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 69–85.
6. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
7. Межевич, Н. М. Современность и традиция в российской геополитике. (Статья первая) / Н. М. Межевич, В. А. Шамахов // Управленческое консультирование. – 2020. – № 1 (133). – С. 10–19.
8. Осипов, М. Ю. Геополитика и международное право: проблемы взаимодействия / М. Ю. Осипов // Политика и общество. – 2016. – № 6 (138). – С. 721–732.
9. Парадигмальность Правосознания / Н. А. Шейфетдинова [и др.] // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 114–116.
10. Свинин, Е. В. Парадигмы исследования правового порядка / Е. В. Свинин, И. Т. Берестюк // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 2 (12). – С. 41–44. – DOI: <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-202-41-44>.

11. Стельмах, Е. Старые и новые интерпретации юридического натурализма / Е. Стельмах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 4 (333). – С. 6–19.
12. Шаханов, В. В. Парадигмальные основания юридической науки / В. В. Шаханов // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. – 2006. – № 1. – С. 262–264.
13. Deheshyar, H. The Role of Geopolitics in Escalating International Crises (A Case Study: Syrian Crisis) / H. Deheshyar, S. M. Aminabadi // Geopolitics Quarterly. – 2022. – Winter. – Vol. 65. – P. 225–253.
14. Does Geopolitics Have an Impact on Energy Trade? Empirical Research on Emerging Countries / F. Li [et al.] // Sustainability (Switzerland). – 2021 (May). – Vol. 91.
15. Hanson, T. Geopolitics: Competition in an Age of Shared Global Threats / T. Hanson // Global Governance Futures. – 2021 (Jan.). – P. 53–681.
16. Tans, O. Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law's Evolution in Practical Discourse / O. Tans // International Journal for the Semiotics of Law. – 2018 (March). – Vol. 1 (31). – P. 1–191.
17. Werther-Pietsch, U. Prologue: The Interplay of Geopolitics and Law / U. Werther-Pietsch // Global Power Shift. – 2022. – P. 1–5.

REFERENCES

1. Brovar' A.V., Gordeeva A.Ju. Geopolitika: istorija i sovremennaja transformacija [Geopolitics: History and Modern Transformation]. IX *juzhno-rossijskij politologicheskij konvent «Lidery, gruppy, massy: rossijskaja politika i vyzovy sovremennosti»*: materialy vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem [The 9th South Russian Political Science Convention "Leaders, Groups, Masses: Russian Politics and Modern Challenges". Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation], 2019, pp. 79-85.
2. Vojnikanis E.A. Paradigma prava kak predmet teoretiko-pravovogo issledovanija [The Paradigm of Law As a Subject of Theoretical and Legal Research]. *Pravo i Gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 2015, no. 11 (131), pp. 18-21.
3. Voronkov A.N. Vlijanie geopolitiki na jekonomicheskiju bezopasnost' Rossii [The Influence of Geopolitics on the Economic Security of Russia]. *Na strazhe jekonomiki* [On the Guard of the Economy], 2019, no. 4 (11), pp.13-20.
4. Goloskokov L. V. O paradigme sovremennogo prava v svete ugroz gibridnyh vojn [On the Paradigm of Modern Law in the Light of Threats of Hybrid Wars]. *Zhurnal prikladnyh issledovanij* [Journal of Applied Research], 2021, no. 1, pp. 62-67.

5. Isaev B.A. Geopolitika klassicheskaia i geopolitika sovremennaja [Classical Geopolitics and Modern Geopolitics]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2011, no. 2, pp. 69-85.

6. Kun T. *Struktura nauchnyh revoljucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress, 1977. 300 p.

7. Mezhevich N.M., Shamahov V.A. *Sovremennost' i tradicija v rossijskoj geopolitike. (Stat'ja pervaja)* [Modernity and Tradition in Russian Geopolitics (Article One)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2020, no. 1 (133), pp. 10-19.

8. Osipov M.Ju. Geopolitika i mezhdunarodnoe pravo: problemy vzaimodejstvija [Geopolitics and International Law: Problems of Interaction]. *Politika i obshhestvo* [Politics and Society], 2016, no. 6 (138), pp. 721-732.

9. Shejafetdinova N.A., Zavadskaja L.N., Gostev S.S., Ermakov E.G. *Paradigmatal'nost' Pravosoznaniya* [Paradigmality of Legal Consciousness]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 2020, no. 3 (183), pp. 114-116.

10. Svinin E.V., Berestjuk I.T. *Paradigmy issledovanija pravovogo porjadka* [Paradigms of Legal Order Research]. *Ius Publicum et Privatum*, 2021, no. 2 (12), pp. 41-44. DOI: <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-202-41-44>.

11. Stel'mah E. *Starye i novye interpretacii juridicheskogo naturalizma* [Old and New Interpretations of Legal Naturalism]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2017, no. 4 (333), pp. 6-19.

12. Shahanov V.V. *Paradigmatal'nye osnovanija juridicheskoi nauki* [Paradigmatic Foundations of Legal Science]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2006, no. 1, pp. 262-264.

13. Deheshyar H., Aminabadi S.M. *The Role of Geopolitics in Escalating International Crises (A Case Study: Syrian Crisis)*. *Geopolitics Quarterly*, 2022 (Winter), vol. 65, pp. 225-253.

14. Li F., Yang C., Li Z., Failler P. *Does Geopolitics Have an Impact on Energy Trade? Empirical Research on Emerging Countries*. *Sustainability (Switzerland)*, 2021 (May), vol. 91.

15. Hanson T. *Geopolitics: Competition in an Age of Shared Global Threats*. *Global Governance Futures*, 2021 (January), pp. 53-681.

16. Tans O. *Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law's Evolution in Practical Discourse*. *International Journal for the Semiotics of Law*, 2018 (March), vol. 1 (31), pp. 1-191.

17. Werther-Pietsch U. *Prologue: The Interplay of Geopolitics and Law*. *Global Power Shift*, 2022, pp. 1-5.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

UDC 342.22
LBC 67.0

Submitted: 23.12.2021
Accepted: 26.01.2022

GEOPOLITICS AS A CONCEPTUAL PARADIGM OF THE CONTENT AND ESSENCE OF THE STATE AND LAW

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the dominance of liberal ideology in modern jurisprudence eliminates the concept of an exclusive state and legal space. Under the basic postulates of theoretical geopolitics, on the contrary, the formation and development of any viable state organism occur by linking it to a certain part of the earth's surface and is determined by its geographical properties. The **subject** of the paper is the study of the impact of geopolitical factors on the state and legal organization of countries and peoples. Its **purpose** is to establish the degree of conditionality of the internal legal order of states by the properties of spatial localization of the peoples forming them. **Methods:** the methodological framework for the research was a set of methods of scientific cognition, among which the dialectical method and the civilizational approach took the main place in the systematic analysis of the main trends in the development of sovereign statehood in historical retrospect and in the modern world. **Results:** modern jurisprudence and positive law, including international law, are increasingly correlated with liberal ideology, claiming the universality of its values and meanings and their spread on a global scale, which leads to an increasing weakening of sovereignty, chaos, and anomie in the internal life of states and international relations. **Conclusions:** in the current conditions, the law cannot act as a "measure of all things". It should be exhaustively put at the service of geopolitics, helping the state, claiming real sovereignty, to implement such a strategy for the development of its own and surrounding space, which would allow it to extract the greatest positive results from its geographical structure and achieve natural borders in the further development, thereby adequately defining the place of existence and development of the state-forming people.

Key words: geopolitics, state, law, international law, localization, sovereignty, state-forming people.

Citation. Grachev N.I. Geopolitics As a Conceptual Paradigm of the Content and Essence of the State and Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 13-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

УДК 342.22
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 23.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

ГЕОПОЛИТИКА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СОДЕРЖАНИЯ И СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: господство либеральной идеологии в современной юриспруденции элиминирует понятие эксклюзивного государственного и правового пространства. В соответствии с основными постулатами геополитической геополитики, наоборот, формирование и развитие любого жизнеспособного государственного

организма происходит путем его привязки к определенной части поверхности земли и определяется ее географическими свойствами. **Предметом** настоящей статьи является исследование влияния геополитических факторов на государственную и правовую организацию стран и народов. Ее **целью** – установление степени обусловленности внутреннего правопорядка государств свойствами пространственной локализации народов, их образующих. **Методологическую основу** работы составила совокупность методов научного познания, среди которых основное место заняли диалектический метод и цивилизационный подход при системном анализе основных тенденций развития суверенной государственности в исторической ретроспективе и в современном мире. **Результаты:** современные юриспруденция и позитивное право, включая международное, все более коррелируют с либеральной идеологией, претендующей на универсальность своих ценностей, смыслов и их распространение в глобальном масштабе, что ведет ко все большему ослаблению суверенитета, хаосу и аномии во внутренней жизни государств и международных отношениях. **Выводы:** в сложившихся условиях право не может выступать «мерой всех вещей». Оно должно исчерпывающим образом быть поставлено на службу геополитике, помогая реализовать государству, претендующему на реальный суверенитет, такую стратегию освоения собственного и окружающего пространства, которая позволила бы ему извлечь наибольшие позитивные результаты из своей географической структуры и достичь в дальнейшем развитии естественных границ, адекватно определяя тем самым место существования и развития государствообразующего народа.

Ключевые слова: геополитика, государство, право, международное право, локализация, суверенитет, государствообразующий народ.

Цитирование. Грачев Н. И. Геополитика как концептуальная парадигма содержания и сущности государства и права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 13–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.2>

Геополитика как наука складывается в начале XX века. Однако как практическая деятельность она ведет свое начало с момента образования первых протогосударственных образований, когда различные племена, этносы и их объединения вели борьбу за наиболее удобные и выгодные для своего существования и жизнедеятельности территории. Позднее, после разделения земного пространства между различными странами и народами, геополитика в своей практической ипостаси становится искусством управления государством путем эмпирического освоения закономерностей, на основе которых происходит не только локализация государствообразующих народов и устанавливается территориальная организация власти и управления ими, но и распределение, и перераспределение сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений по отношению к окружающему миру, а затем и территории всего земного шара. В современных условиях изучение таких закономерностей и постановка их на службу своему государству является, на наш взгляд, задачей не только геополитики, но и всех обществоведческих наук, в том числе, и юриспруденции, поскольку территориальное пространство земли и есть «настоящий фундамент, на который опирается и на котором развивается государство» [14, с. 609], место,

где реализует себя нация, и являющееся основой событий, создающих ее историю.

Связь между территорией как определенной природной средой и государственной организацией, существующей в ее рамках народа, давно является достаточно очевидной и, можно сказать, стала общим местом в юридических науках. Хотя понятие территории рассматривается в них прежде всего как пространственная основа политико-правовой организации государства, сфера распространения его суверенитета и область юрисдикции верховной государственной власти, в то же время не отрицается и ее качество конститутивного, первичного элемента государства, бытие которого вне пространственной определенности невозможно. Однако обычно в юридических исследованиях дальше этого не идут. Повсеместное господство либеральной идеологии практически во всех основных школах современной юриспруденции фактически элиминирует в ней понятие эксклюзивного государственного (национального или цивилизационного) и правового пространства. Оно давно рассматривается как некий пустой, в ментальном плане, контейнер, способный вместить в себя любой господствующий в настоящее время политико-правовой дискурс. Пространство, с этой точки зрения, восходящей к Г. Зиммелю [20, с. 64–117], выступавшему

против всех форм географического детерминизма, есть не более, чем форма социальной деятельности, которая вполне произвольна и может быть наполнена любым этническим и политико-правовым содержанием, обусловленным представлениями и рациональным выбором членов гражданского общества, а по сути, правящего слоя (элиты). Отсюда происходит доминирующий в юридической науке взгляд, что государственная власть при своем пространственном распространении воздействует не на саму территорию как таковую, а на людей, находящихся в ее пределах, и может это делать в любом направлении вполне произвольно и независимо от географических и геоэкономических условий местонахождения. То есть пространство как таковое не является действующим, а тем более определяющим фактором форм и содержания государства и права того или иного народа или цивилизации, оно зависит от политико-правовых концептов, продуцируемых или разделяемых правящими элитами.

Поэтому отношение государства к территории исчерпывается в правоведении описанием исключительно формально-правовых аспектов. Между тем роль пространственного фактора в исследовании практически любого государства, или государственности как явления в целом заслуживает куда более серьезного внимания и требует освещения не с одной лишь юридической точки зрения, но, как минимум, еще и с позиций геополитики. Это вытекает из того очевидного факта, что право, будучи лишь одной из сторон жизни общества, в основном его внешней, формальной стороной, не может быть обосновано изнутри, свойственными исключительно ему, имманентными методами, которыми оно собственно и было формализовано. Его действенный анализ возможен только с позиций общественного целого [16, с. 93–102; 24, с. 74–76], обеспечения его выживания и развития. Но в этом своем качестве историческое общество складывается и развивается как государственный организм, привязанный к определенной части поверхности земли и все его характеристики, структуры и институты детерминированы вмещающим ландшафтом [7, с. 33–35], который является местом обитания государствообразующего народа, его идей, норм и ценностей, определяющих

его национальную (цивилизационную) идентичность [8, с. 123–125]. Соответственно, внутренний правопорядок любого государства, как и международно-правовой порядок, изначально обусловлены измерением и размежеванием полезной почвы и ведут свое происхождение от первоначального захвата земель, основания государств и колоний, выступающих первичными (учредительными) правовыми актами, прямо связанными с территориальной локализацией [25, с. 12–16].

На это прямо указывает в пятой книге своих «Этимологий» еще Исидор Севильский (ок. 560–631 гг.), последний латинский отец Церкви и основатель средневекового энциклопедизма: «Международное право (дословно *jus gentium* – право народов. – *Н. Г.*) – это захват места жительства, сооружение зданий, возведение укреплений, войны, захват в плен, рабство, возвращение из плена, мирные договоры, перемирие, святость неприкосновенности послов, запрещение браков между иностранцами. И оттого это право называется международным, что этим правом пользуются почти все народы» [9]. Дж. Вико, обладавший глубокими знаниями мифологии и эзотерики, также связывает происхождение государства и права с размежеванием земли («разделом полей»), указывая, что «здесь же следует искать Возникновение деления на Города и Народы и конце концов Нации» [3, с. 10]. В учении И. Канта о праве, первоначальное приобретение «прямой» собственности государства на землю является главным условием всех остальных вещных прав, которые производны от суверенных правомочий верховного правителя как хозяина территории («*dominus territorii*»). На этом приобретении или захвате основывается полномочие верховной власти налагать поборы на частных земельных собственников, то есть, взимать с них налоги в виде земельной подати, акцизных сборов, пошлины или услуг, а также покоится экономическое, финансовое и полицейское право государства, как и само деление права на частное и публичное [10, с. 246–248]. Согласно работам Дж. Локка, сущность верховной государственной власти заключается в первую очередь в юрисдикции над землей и лишь вследствие этого она приобретает господство над обитающими на этой земле людьми [13,

с. 333]. Как видно, это полностью противоречит современным представлениям о характере соотношения публичной власти, территории и населения как основных элементов государства, сложившихся в юриспруденции в последние 1,5–2 столетия.

Захват или/и (при-)соединение территорий как определение мест пространственной локализации народов, образующих государства, выступают в каждую историческую эпоху первейшими геополитическими актами, содержа в себе зародыши всех процессов структуризации и институционализации общества, а следовательно, изначальными актами учреждения всякого последующего права и правопорядка, как во внутреннем, так и во внешнем аспекте их жизнедеятельности. Во внутреннем (внутригосударственном) – посредством разделения территории страны, определения статуса региональных единиц, закрепления порядка земельных и имущественных отношений среди населения. Во внешнем – посредством определения государственных границ, установления фактического суверенитета над подконтрольной территорией и отношений с другими странами и народами в качестве полноценных субъектов международного права.

Таким образом, первоначальное политическое деление земного пространства («номос земли», по выражению К. Шмитта) оказалось одновременно геояридическим фактом, изначальным радикальным основанием и отправным пунктом процесса конституирования права и правового порядка [25, с. 15, 17–18], вытекающим из установления целого ряда различных локальных внутригосударственных политико-правовых режимов, выражавших тесную связь и определенное соответствие между вполне конкретным народом и ландшафтными особенностями занимаемого им пространства, что всегда достаточно быстро находило свое проявление в его государственных и юридических институтах и формах.

Причем в данном случае речь должна вестись как о внешней, так и о внутренней геополитике, где предметом выступают не только вопросы статуса государства в глобальных процессах и зависимость его внешнеполитической стратегии от местоположения, ресурсной базы и иных географических условий, но

и проблемы контроля государством собственного геопространства в максимальном объеме на основе внутренних природных, экономических, культурных и иных факторов, которым должны соответствовать организация публичной власти, формы и методы управления ближней и дальней периферией и характер взаимоотношения центральной, региональной и местной элит.

В основе внутренней геополитики в ее практической плоскости объективно находится не формально-правовое деление государственной территории, а ее геоэкономическая и геополитическая структура, в которой, исходя из роли тех или иных географических регионов страны в становлении государства, их хозяйственного и культурного значения, возможностей влияния на содержание и характер актов управления, особенностей проявления центростремительных и центробежных тенденций на протяжении его исторического существования выделяются: *центр*, выступающий местом нахождения верховной государственной власти и принятия важнейших политических решений; *неотчуждаемое ядро (паттерн)* как территория происхождения государства, давшая импульс его формирования и дальнейшей эволюции, центральная зона, обеспечивающая его устойчивость и воспроизводство; *периферия* (периферийные образования) – окраинные составные части государства, культурно-цивилизационно близкие ядру, но находящиеся за его пределами, где обращают на себя внимание *ближняя (внутренняя) сфера*, тесно связанная с центром, и *дальняя (внешняя) сфера*, которую центр не всегда может контролировать в необходимой степени; *лимитроф(-ы)*, или *фронтир* – территории по окраинам, с размытым или неопределенным культурным и правовым статусом, опосредующие отношения государства с миром других стран, народов и цивилизаций [6, с. 206–207]. Не все государства приобретали в процессе своего становления и развития именно такую территориальную структуру, а лишь те, которые претендовали на великодержавный имперский статус и участвовали в политическом разделе современного им мира. В этом процессе между государствами такого типа и внутри них, между указанными территориальными частями, возникают и дол-

гое время сохраняются, с одной стороны, весьма устойчивые и разнообразные связи, с другой – многочисленные экономические, юридические, культурные и иные противоречия, характеризующиеся оппозициями типа: «расширение – сжатие»; объединение (присоединение) – размежевание; интеграция – дезинтеграция (регионализация или фрагментация); централизация – децентрализация; близость – удаленность, относительно центра верховной власти; моноцентричность – полицентричность, при наличии нескольких претендентов на верховную власть. Эти оппозиции, с которыми любое фактически суверенное государство постоянно сталкивается и преодолевает, выстраивая социальные, политико-правовые и административные иерархии, почти никогда не находят адекватных аналогов в языке юриспруденции и законодательстве. Так, в условиях империалистической стадии развития капитализма и современного глобализирующегося мира, границы формально суверенных государств никак не объясняют собой реальной картины их внутренней жизни и всей системы международных отношений, поскольку понятие суверенитета для многих из них становится эвфемизмом, скрывающим их фактическое положение сателлитов, протекторатов и полуколоний великих держав или транснациональных кластеров. Исходя из этого, например, «крупнейшая геополитическая катастрофа века» [17], какой стал распад СССР, в конституционно-правовой терминологии постсоветской России превратилась в «возрождение суверенной государственности», «утверждение незыблемости ее демократической основы» и «сохранение исторически сложившегося государственного единства» [12], хотя «в политико-географическом отношении» она представляет собой «своеобразное возвращение к допетербургской фазе истории русского государства» [23, с. 39], и только с 2008 г. наметилась, а в 2014 г. получила дальнейшее развитие, тенденция к восстановлению ею державного статуса.

Другими словами, внутренняя геополитика государства не совпадает по объему с правовым регулированием, административной и юрисдикционной деятельностью государственных органов или его региональной политикой, также как и со всеми ими в совокупно-

сти. В отличие от них, решающих чаще всего тактические управленческие задачи, она призвана гарантировать выполнение стратегических целей общей глобальной геополитики государства и потому направлена прежде всего на обеспечение территориальной целостности и единства его политического, экономического и духовно-культурного пространства, воспрепятствование центробежным тенденциям и распаду, защиту от внешней экспансии и сохранение суверенитета, что позволяет ему выступать субъектом мировых геополитических процессов. Такие цели не могут быть достигнуты исключительно правовыми средствами и быть осуществлены в рамках правовой деятельности государственного аппарата. Здесь фактические акты управления и контроля над пространствами своей страны выходят на передний край, обеспечивая внутреннюю интеграцию государственно организованного общества, его адаптацию к глобально-мировому сообществу, определение достойного места и значимой роли в нем. Получается, что позитивное право государства и его геополитика, в том числе и внутренняя, существуют в разных плоскостях бытия или того хуже – расходятся в своих внутренних императивах, воздействуя на общество в различных направлениях.

Геополитика в своем научном и практическом аспектах, в отличие от юриспруденции и правовой политики, «предполагает государствоцентричный взгляд на проблему пространства» [15, с. 15], моделируя консервативное отношение к территории как сакральному телу нации, месту обитания ее смыслов и ценностей, ядру цивилизационной идентичности, основе ее политического суверенитета, утрата границ которой либо отступление от них равносильна собственной духовной, а затем и физической гибели. Возникновение и территориальное расширение имперских держав является, с этой точки зрения, естественной экспансией более мощных социально-политических организмов, присоединяющих к себе и (или) включающих в свой состав иные земли и населяющие их этнические группы, но почти никогда не растворяющие их в себе полностью и не подавляющие их культурную самобытность. Но такая пространственная эскалация имеет естественные географические

и/или цивилизационные пределы и всегда предполагает наличие других государств и цивилизаций, в геополитической борьбе с которыми и за счет которых они осуществляют расширение сферы собственного суверенитета. Сам качественный признак суверенитета может получить свое основополагающее значение только в традиционном для геополитики смысле, связанном с определением жизненного пространства государствообразующего народа и установлением постоянного надлежющего контроля над ним.

Суверенитет остается по преимуществу геополитической категорией и в эпоху конституционных (либерально-демократических) режимов, поскольку конституция любого государства может действовать только внутри его границ, за которыми начинается верховенство иной конституции. Тем самым, пространственное размежевание сфер контроля и влияния между государствами осуществляется не только правовыми, но и, в первую очередь, политическими средствами, и народу, желающему быть субъектом, а не объектом политики и права, необходимо конституировать себя не просто в качестве государства, но государства могущественного, обладающего «внешней мощью, ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство <...> является в возможности (потенциально) и в действительности (defacto) добычей для государства сильного» [18, с. 787]. Поэтому геополитический подход в науке и практике государственного управления исходит из возможности и необходимости существования многополярного мира. Однако современные национальные государства, которых на международной арене насчитывается более двухсот, в подавляющем большинстве не обладают реальным суверенитетом и не подходят на роль полюсов геополитической многополярности. Они утрачивают монополию на правовое регулирование и применение легитимного физического насилия на своей территории, теряют способность к проведению необходимой экономической и социально-политической модернизации общества, становятся совершенно не способными отвечать на вызовы современности и проводить необходимые преобразования.

Явная и интенсивная политизация цивилизационных факторов, обозначившаяся на пороге XXI в., привела к возникновению нескольких центров силы в лице так называемых региональных держав, «стержневых государств», по выражению С. Хантингтона, способных интегрировать на основе экономического или/и военного доминирования и политического лидерства крупные географические регионы, народы и страны которых имеют сходный культурный код, что способствует формированию метагосударственных образований неоимперского типа (Китай – в Юго-Восточной Азии, Индия – в Южной Азии, Бразилия – в Южной Америке, ЮАР – в Африке, Россия – в Евразии) [1, с. 671–672; 11, с. 734–735; 22, с. 238–280]. Они, разумеется, не могут быть абсолютной копией прежних империй, но целый ряд их качественных и статусных характеристик вновь оказывается востребованным и воспроизводится в новых условиях лишь с незначительными модификациями. Другая возможность территориальной трансформации современных государств заключается в тенденции к образованию наднациональных макрорегиональных союзов, которые по мере дальнейшего усиления интеграционных процессов будут постепенно обретать черты государственно-правовых образований. Такие союзы способны управлять обществом в масштабах даже не нескольких стран, а целого континента или крупного географического района (Европейский Союз, Арабская Лига, Африканский Союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – АСЕАН, Южноамериканский единый рынок). Их также можно рассматривать в качестве формирующихся империй, которые могут состояться только на основе геополитической гегемонии «стержневых государств».

О том, что империя как государственная форма в условиях XXI в. вновь «обретает плоть», свидетельствует и тот факт, что в настоящее время имперские формы контроля пытаются использовать в тех обществах, где нации-государства по существу так и (или еще) не сложились или оказались в кризисе. В данном аспекте, прежде всего, следует указать на Польшу и Турцию. В руководящих кругах первой мечтают о восстановлении Речи Посполитой от Черного до Балтийского моря

(«od morza do morza») и активно обсуждают проект «Междуморья» – гипотетического надгосударственного объединения из собственно Польши, а также Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Венгрии, Румынии, Югославии, Чехии, Словакии и, возможно, даже Финляндии, при руководящей роли Польской республики [4; 5, с. 95–107]. В Турции начиная с 90-х гг. XX в. руководители страны, возродив пантюркизм в его радикальных формах, грезят о воссоздании нового «великого Турана», включающего в себя все тюркоязычные народы, в том числе российского Северного Кавказа – балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев, а также татар, башкир и др. [21, с. 149]. Вновь победивший на президентских выборах в Турции в июне 2018 г. Р. Эрдоган внес на рассмотрение в парламент свой первый после избрания законопроект о переименовании Турции в Османскую империю, а должности президента – в султана. Согласно тексту проекта турецкий лидер должен будет пожизненно носить титул «Великий халиф и Султан Османской империи» [26]. Мечты о восстановлении былого имперского величия будоражат общественное сознание Японии и Ирана. Проект воссоздания нового Арабского Халифата существует у правящей в Саудовской Аравии семьи Саудитов [2]. С учетом попытки создания однополярного мира на основе экономического, информационного, военного и геостратегического господства США, можно констатировать, что империи и имперскость как определенное состояние государственности и геополитического расклада на международной арене никуда не уходили и не уходят, они лишь меняют свои формы, а иногда и акторов.

В свою очередь, юриспруденция и позитивное право, как внутригосударственное, так и международное, по мере своей эволюции, все более коррелируя напрямую с либеральной идеологией, претендует на универсальность и объективность своих ценностей и смыслов и их распространение в глобальном масштабе, несмотря на то, что они свойственны исключительно индивидуалистической культуре западной цивилизации. Право в современных условиях экономической, информационной и культурной глобализации все более теряет не только национальную, цивилизационно-

культурную специфику, но и конкретнополитическую, государственно-пространственную идентичность.

Исходя из этого, право не может выступать в отношении внутренней и внешней государственной политики мерой всех вещей, к чему стремятся юснатурализм и другие либеральные течения юриспруденции. Скорее наоборот, оно должно исчерпывающим образом быть поставлено им на службу [19, с. 609], помогая реализовать такую стратегию и тактику освоения государством собственного пространства, которая при опоре на четко установленный паттерн позволила бы извлечь наибольшие позитивные результаты из его географической структуры [23, с. 38], достичь в своем объективном развитии естественных границ, адекватно определяя, тем самым, место существования и развития государствообразующей нации или суперэтноса.

К сожалению, пока такая задача ни перед отечественной юридической наукой, ни перед законодательством высшим руководством страны не ставится. Хотя инициированные Президентом РФ и принятые в 2020 г. поправки к Конституции РФ создают определенную правовую базу для начала такой работы. Давно известно, что конституция как основной закон государства является не только правовым, но и важнейшим политическим документом. Однако в конституционно-правовой науке соотношение политики и права ставится исключительно в плоскости соответствия управленческих практик тексту и духу конституции. Тогда как в настоящее время проблема состоит в том, чтобы определить насколько текст основного закона сочетается с цивилизационными особенностями российского государства и отвечает его геополитическим целям и задачам, задаваемым объективно. С принятием Конституции РФ 1993 г. развитие российского законодательства пошло по пути рецепции основных ценностей евроатлантической правовой идеологии, что выглядело как попытка изменения всей геополитической парадигмы российской государственности. Однако достаточно скоро обнаружилась цивилизационная несовместимость условий жизни в России с классическими западными институтами. За внешним копированием заимствованных политико-правовых форм ста-

ло проявляться совсем иное, автохтонное, смысловое содержание, явившееся основанием нового расширения России и возвращения ею своего державного статуса. Это, в свою очередь, потребовало внесения соответствующих изменений в текст действующей Конституции РФ, закрепляющих курс на укрепление государственного суверенитета, умеренный консерватизм как основу национальной идеологии и защиту традиционных ценностей, собственных российской цивилизации на протяжении ее многовекового существования.

Несмотря на известную содержательную скупость и лаконизм поправок, внесенных в Конституцию РФ летом 2020 г., они в целом отвечают сущностным особенностям российской цивилизации, ее имперским политико-правовым традициям и указывают перспективы для возвращения России в ту нишу, которую она в последние 400–500 лет занимала в мировом геополитическом раскладе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2005. – 770 с.
2. Борьба империй. Попытки современных держав поделить мир. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html>. – Загл. с экрана.
3. Вико, Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико. – М. : «REFL-book» ; Киев : ИСА, 1994. – 656 с.
4. В Польше хотят возродить Речь Посполитую. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2018/04/06/v-polshe-hotyat-vozrodit-rech-pospolituyu>. – Загл. с экрана.
5. Гольцов, А. Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации / А. Г. Гольцов // Сравнительная политика. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 95–107.
6. Грачев, Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика / Н. И. Грачев. Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 524 с.
7. Дугин, А. Г. Геополитика : учеб. пособие для вузов / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект : Гаудеамус, 2011. – 523 с.
8. Ионин, Л. Г. Апдейт консерватизма / Л. Г. Ионин. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 304 с.
9. Исидор Гиспальский (Севильский). «Этимологии» или «Начала» / Исидор Гиспальский (Севильский). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/text3.phtml?id=8239. – Загл. с экрана.
10. Кант, И. Метафизика нравов в двух частях. Часть первая. Метафизические начала учения о праве. В 6 т. Т. 4. Ч. 2 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – С. 107–438.
11. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 849 с.
12. Конституция Российской Федерации. – М. : АЙРИС-пресс, 2020. – 96 с.
13. Локк, Дж. Два трактата о правлении. В 3 т. Т. 3 / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – С. 135–405.
14. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.
15. Нурышев, Г. Н. Россия в современной геополитике / Г. Н. Нурышев. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 276 с.
16. Орехов, В. В. Социология и правоведение / В. В. Орехов, Л. И. Спиридонов // Спиридонов Л. И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ин-та права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2002. – С. 93–102.
17. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2005. – 25 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>. – Загл. с экрана.
18. Струве, П. Великая Россия (Из размышлений о проблеме русского могущества) / П. Струве // Русский мир. – М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 786–798.
19. Устрялов, Н. В. Элементы государства / Н. В. Устрялов // Классики геополитики, XX век. – М. : АСТ, 2003. – С. 599–652.
20. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 285 с.
21. Ханалиев, Н. У. Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке / Н. У. Ханалиев // Власть. – 2017. – № 9. – С. 143–152.
22. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
23. Цымбурский, В. Л. «Остров Россия» за семь лет. Приключения одной геополитической концепции / В. Л. Цымбурский // Конъюнктуры Земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М. : Европа, 2011. – С. 32–60.
24. Честнов, И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века / И. Л. Честнов // Юриспруденция XXI века: горизонты развития:

Очерки. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2006. – С. 69–110.

25. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 670 с.

26. Эрдоган объявил о переименовании Турции в Османскую империю, а должности президента в султана. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://panorama.pub/4541-erdogan-obyavil-ob-osmanskoj-imperii.html>. – Загл с экрана.

REFERENCES

1. Baburin S.N. *Mir imperij: territoriya gosudarstva i mirovoj poryadok* [The World of Empires: The Territory of the State and the World Order]. Saint Petersburg, Yuridicheskij tsentr «Press» Publ., 2005. 770 p.

2. *Bor'ba imperij. Popytki sovremennyh derzhav podelit' mir* [Struggle of Empires. Attempts of Modern Powers to Divide the World]. URL: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html>.

3. Vico D. *Osnovaniya novej nauki ob obshchej prirode nacij* [Foundations of a New Science of the General Nature of Nations]. Moscow, «REFL-book» Publ.; Kyiv, «ISA» Publ., 1994. 656 p.

4. *V Pol'she hotyat vozrodit' Rech' Pospolituyu* [Poland Wants to Revive the Commonwealth]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/04/06/v-polshe-hotyat-vozrodit-rech-pospolituyu>.

5. Goltsov A.G. Regional'nyj geopoliticheskij proekt «Mezhdumor'e»: perspektivy realizacii [Regional Geopolitical Project “Intermarium”: Implementation Prospects]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2016, vol. 7, no. 4, pp. 95-107.

6. Grachev N.I. *Formy gosudarstvennogo ustrojstva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitucionno-pravovaya praktika* [Forms of Government in the Modern World: Foundations of Theory and Constitutional and Legal Practice]. Volgograd, VA MVD Rossii, 2020. 524 p.

7. Dugin A.G. *Geopolitika: ucheb. posobie dlya vuzov* [Geopolitics. Textbook for Universities]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.; Gaudeamus Publ., 2011. 523 p.

8. Ionin L.G. *Apdejt konservatizma* [Update of Conservatism]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vysshey shkoly ekonomiki, 2010. 304 p.

9. Isidore Hispalsky (Seville). «*Etimologii*» ili «*Nachala*» [“Etymology” or “Beginnings”]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/text3.phtml?id=8239.

10. Kant I. *Metafizika npravov v dvuh chastyah. Chast' pervaya. Metafizicheskie nachala ucheniya o*

prave. V 6 t. T. 4. Ch. 2 [Metaphysics of Morals in Two Parts. Part One. Metaphysical Principles of the Doctrine of Law. In 6 Vols. Vol. 4. Part 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, pp. 107-438.

11. Kissinger G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Ladimir Publ., 1997. 849 p.

12. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow, AIRIS-press Publ., 2020. 96 p.

13. Locke J. *Dva traktata o pravlenii. V 3 t. T. 3* [Two Treatises on Government. In 3 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 135-405.

14. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [The Diagnosis of Our Time]. Moscow, Jurist Publ., 1994. 700 p.

15. Nuryshev G.N. *Rossiya v sovremennoj geopolitike* [Russia in Modern Geopolitics]. Vologda, ISERTAN, 2012. 276 p.

16. Orekhov V.V., Spiridonov L.I. *Sociologiya i pravovedenie* [Sociology and Jurisprudence]. Spiridonov L.I. *Izbrannye proizvedeniya: Filosofiya i teoriya prava. Sociologiya ugovnogo prava. Kriminologiya* [Selected Works. Philosophy and Theory of Law. Sociology of Criminal Law. Criminology]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. in-ta prava im. Printsya P.G. Ol'denburgskogo, 2002, pp. 93-102.

17. *Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii* [Message from the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation], 2005, April 25. URL: <https://rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>.

18. Struve P. *Velikaya Rossiya (Iz razmyshlenij o probleme russkogo mogushchestva)* [Great Russia (From Reflections on the Problem of Russian Power)]. *Russkij mir* [Russian World]. Moscow, Eksmo; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003, pp. 786-798.

19. Ustryalov N.V. *Elementy gosudarstva* [Elements of the State]. *Klassiki geopolitiki, XX vek* [Classics of Geopolitics. 20th Century]. Moscow, Izd-vo AST, 2003, pp. 599-652.

20. Filippov A.F. *Sociologiya prostranstva* [Sociology of Space]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008. 285 p.

21. Khanaliev N.U. *Prioritety nacional'noj bezopasnosti Rossii na bol'shom Blizhnem Vostoke* [Russian National Security Priorities in the Greater Middle East]. *Vlast'* [Power], 2017, no. 9, pp. 143-152.

22. Huntington S. *Stolknovenie civilizacij* [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.

23. Tsymbursky V.L. «*Ostrov Rossiya*» za sem' let. *Priklucheniya odnoj geopoliticheskoy koncepcii* [“Island of Russia” in Seven Years. Adventures of One Geopolitical Concept]. *Konyunktury Zemli i vremeni. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya* [Conjunctures of the

Earth and Time. Geopolitical and Chronopolitical Intelligence Investigations]. Moscow, Evropa Publ., 2011, pp. 32-60.

24. Chestnov I.L. Problemy i perspektivy yuridicheskoy nauki XXI veka [Problems and Prospects of Legal Science of the 21st Century]. *Yurisprudenciya XXI veka: gorizonty razvitiya: Ocherki* [Jurisprudence of the 21st Century: Development Horizons: Essays]. Saint Petersburg, S.-Peterb. un-t MVD Rossii, 2006, pp. 69-110.

25. Schmitt K. *Nomoc Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomoc of the Earth in the Law of Peoples Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008. 670 p.

26. *Erdogan obyavil o pereimenovanii Turcii v Osmanskuyu imperiyu, a dolzhnosti prezidenta v sultana* [Erdogan Announced the Renaming of Turkey to the Ottoman Empire, and the Presidency to the Sultan]. URL: <https://panorama.pub/4541-erdogan-obyavil-ob-osmanskoj-imperii.html>.

Information About the Author

Nikolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.3>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 30.12.2021
Accepted: 26.01.2022

REVISITING THE CREATIVE AND MECHANICAL TYPES OF OFFICIAL INTERPRETATION OF THE NORMS OF LAW

Evgeny M. Terekhov

Department of State and Legal Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo Branch),
Balakovo, Russian Federation

Introduction: the official interpretation of the norms of law occupies an important place in the mechanism of legal regulation. Despite this, its system is not fully understood today. One of the elements of the system of the official interpretation of the norms of law is its individual varieties, the ideas of which can be developed and improved today. **Purpose:** to establish the truth in the issue of distinguishing creative and mechanical types as independent varieties of the official interpretation of the norms of law. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which are consistency, analysis, and comparative-legal, formal legal, historical. **Results:** the author's position justified in the work is based on the need to develop ideas about the specific types of the official interpretation of the norms of law. This fact is confirmed by the conducted historical analysis, the high rate of development of public relations, speeches of state officials, as well as individual interpretative acts. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it was found that depending on the possibility of semantic adaptation of the norms of law to the current legal situation in society, it is advisable to distinguish creative and mechanical varieties of the official interpretation of the norms of law. The motive for such a classification is the extremely rapid pace of development of public relations and the failure of the legislator to keep up with these changes. However, an essential condition for the viability of such a concept is the prohibition of the subject going beyond the semantic meaning of the specific legal norms.

Key words: legal activity, legal interpretation activity, interpretation of law, elucidation, clarification, interpretative act, interpretative practice.

Citation. Terekhov E.M. Revisiting the Creative and Mechanical Types of Official Interpretation of the Norms of Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 23-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.3>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 30.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ И МЕХАНИЧЕСКОМ ВИДАХ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА

Евгений Михайлович Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, г. Балаково, Российская Федерация

Введение: официальное толкование норм права занимает важное место в механизме правового регулирования. Несмотря на это, его система в настоящее время изучена не в полной мере. Одним из элементов системы официального толкования норм права выступают отдельные его разновидности, представления о которых сегодня можно развивать и совершенствовать. **Цель:** установление истины в вопросе выделения творческого и механического видов в качестве самостоятельных разновидностей официального толкования норм права. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический и исторический методы. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на необходимость развития представлений о конкретных видах официального толкования норм права. Данный факт подтверждается проведенным историческим анализом, высоким темпом развития

общественных отношений, выступлениями должностных лиц органов государственной власти, а также отдельными интерпретационными актами. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что, в зависимости от возможности смысловой адаптации норм права к действующей правовой обстановке в обществе, целесообразно выделять творческую и механическую разновидности официального толкования норм права. Мотивом подобной классификации служит чрезвычайно быстрый темп развития общественных отношений и неспешание законодателя за этими изменениями. Однако существенным условием жизнеспособности подобной концепции выступает запрет выхода субъекта за пределы смыслового значения конкретных норм права.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, уяснение, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

Цитирование. Терехов Е. М. К вопросу о творческом и механическом видах официального толкования норм права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 23–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.3>

Введение

Официальное толкование норм права выступает самостоятельным видом юридической деятельности. Этому способствует наличие собственной рабочей системы, ключевыми элементами которой служат понятие, методы, принципы, функции, пределы реализации и т. п. Среди элементов особое место занимают конкретные разновидности официального толкования норм права.

Вопрос анализа отдельных видов официального толкования норм права уже не раз становился объектом исследования широкого круга ученых, причем не с позднего периода ее становления, а буквально с момента появления представлений о ней и продолжает исследоваться вплоть до сегодняшнего дня. Активные дискуссии, а также выдвижение новых точек зрения относительно возможности выделения новых видов официального толкования норм права – все это имеет большой интерес и неугасающую актуальность, особенно в период цифровизации общества и активного развития технологий искусственного интеллекта.

Творческий вид официального толкования норм права

Стоит сразу обратить внимание, что предметом настоящей статьи является исследование реальности выделения творческого и механического видов в качестве самостоятельных разновидностей официального толкования норм права, наравне, например, с легальным, делегированным и аутентичным, а для этого целесообразно провести небольшой ис-

торический анализ. Критерием, позволяющим выделить творческую и механическую разновидности, служит возможность смысловой адаптации норм права к действующей правовой обстановке в обществе.

Творческий вид официального толкования норм права представляет собой раскрытие смысла норм права субъектами, наделенными государственно-властными полномочиями, в ситуациях, когда общественные отношения развиваются стремительно, а буквальным смыслом действующего законодательства не способен их урегулировать в необходимых объемах, хотя регулятивный потенциал позволяет содержательно приспособить нормы права к потребностям текущего уровня развития общественных отношений, не выходя при этом за рамки смысла толкуемых норм права. Отдельно оговоримся, что выход за рамки смысла толкуемых норм при творческой разновидности официального толкования норм права стоит рассматривать, как интерпретационное правотворчество – самостоятельную проблему правовой науки. Именно поэтому реализовывать творческий вид официального толкования норм права должны наиболее квалифицированные его субъекты, например, органы судебной власти, поскольку это большая ответственность.

Первичные предпосылки к появлению представлений о творческом виде официального толкования норм права имели место быть еще в трудах дореволюционных ученых, несмотря на то, что отдельно, в качестве самостоятельного вида толкования, анализируемый вид не выделялся. Важно подчеркнуть, что одним из существенных недочетов пра-

ва, на который обращали внимание дореволюционные исследователи, было его традиционное отставание от темпов развития общественных отношений и имеющаяся неспособность их своевременного полноценного регулирования.

Например, Н.А. Гредескул подчеркивал, что «норма права играет роль изображения некоторой действительной величины, одной из существенных черт которой является ясность подобного изображения от чего в сильнейшей степени зависит возможность лучше или хуже усмотреть то, что подлежало обозначению» [2, с. 125]. Иными словами, делается акцент на том, что конструкция нормы права уже изначально выстроена таким образом, что позволяет лицу, ее толкующему использовать творческий подход при раскрытии ее смысла. Ученый убежден, что правовая воля выражается словом, которое «отличается чрезвычайной гибкостью, всюду следует за мыслью, повинуетя ее малейшим изгибам. В руках мастера оно способно к величайшей изобразительности. Однако есть направление, в котором слово в значительной степени теряет присущие ему достоинства – это направление к будущему. Обратите слово к будущему, и оно натолкнется на непреодолимые для него затруднения» [2, с. 126–127].

Г.Ф. Шершеневич солидарен с мнением, что зависимость правовой науки от жизни не может быть безусловной. Это аргументируется тем, что, если известное слово употребляется в нескольких значениях, создавая спутанность понятий, то «его можно сделать пригодным, только отняв у него часть его многозначных значений и ограничить его применение предметами, обладающими некоторыми общими свойствами, значение которых можно ему придать» [12, с. 276].

И.В. Михайловский отмечал, что «благодаря воле законодателя закон получает жизнь, но обнародованный закон отделяется от своего творца и получает самостоятельное существование, вступая в связь с другими законами и возникают правовые последствия о коих законодатель и даже думать не мог» [5, с. 415].

По мнению Ф. Регельсбергера, «представляется возможным такое содержание за-

кона, которое при его издании не было ясно самому законодателю. Таким образом закон может иметь содержание, не покрываемое тем конкретным представлением законодателя, которое может быть обнаружено» [10, с. 141].

Таким образом, первые предпосылки возможности выделения творческой разновидности официального толкования норм права образуются в дореволюционный исторический период. Несмотря на то, что представители той научной эпохи не выделяют анализируемого вида толкования в качестве самостоятельного, они создают надежную научную основу для этого в контексте будущего времени.

В советский период развития официального толкования норм права, представления о нем существенно совершенствуются. Это обусловлено изменением концептуальной модели официального толкования норм права от обычной деятельности по раскрытию смысла норм права в сторону творческого характера самого процесса уяснения и разъяснения. Тем не менее существенных сдвигов в этом вопросе не наблюдается.

А.Ф. Черданцев полагает, что толкованию права, в том числе и его официальному виду, свойственен творческий характер, что дает новизну знаний о содержании смысла норм права [11, с. 10].

Н.Н. Вопленко приходит к выводу, что «уяснение и разъяснение смысла нормы права, совершаемое интерпретатором, имеет своей целью не просто последующее компилятивное изложение нормы, а ее творческий анализ в связи с необходимостью дать ответ на те вопросы, понимание которых на практике является затруднительным» [1, с. 33].

Однако выделить творческий вид официального толкования норм права в качестве самостоятельной разновидности в советский период не получилось. Это связано с действовавшим на тот момент устройством государственной власти и определением ей содержания режима законности. В этой связи А.С. Пиголкин пишет, что «при строгом режиме социалистической законности понимать и объяснять смысл правовых норм необходимо, как правило, точно в соответствии с текстом нормативных актов» [7, с. 35].

Советский правовой режим не мог допустить творчества в функционировании интерпретационной деятельности и подавлял любые попытки его проявления.

В условиях современного периода развития официального толкования норм права происходит скачок представлений о его творческой разновидности реализации, что объясняется сменой советской правовой системы современной российской и необходимостью разумного раскрытия смысла норм права в условиях стремительного эволюционирования общественных отношений. Одним из аргументов в пользу этого служит создание и функционирование Конституционного суда РФ – специального органа власти, в задачу которого входит «приспособление» правовых норм, без изменения при этом их смысла и содержания, под нужды правового регулирования нынешних общественных отношений.

Впервые председателем Конституционного суда РФ делается акцент на возможности творческого официального толкования не какого-либо закона, а Конституции РФ, имеющей высшую юридическую силу на территории страны.

По мнению В.Д. Зорькина, «заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет Конституционному Суду интерпретировать Конституцию применительно к потребностям развития России, то есть осуществлять творческое толкование Конституции с позиций принятой в общемировой практике доктрины “живой Конституции”» [4]. Примечательно, что Конституционный суд РФ «уже давно ориентируется на такой подход к толкованию Конституции. Нужно и дальше идти по этому пути, стремясь глубже понимать, раскрывать и постоянно развивать правовой потенциал нашего Основного закона» [3].

Примерами творческой разновидности официального толкования норм права могут служить определение Конституционного суда РФ от 15 января 2015 г. № 7-О [6], а также постановление Конституционного суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П [9], которые изданы с использованием смысловой адаптации норм права к действующей правовой обстановке в обществе.

Механический вид официального толкования норм права

Механический вид официального толкования норм права представляет собой раскрытие смысла норм права субъектами, наделенными государственно-властными полномочиями, в ситуациях, когда общественные отношения развиваются стремительно, а регулятивный потенциал законодательства позволяет разъяснять его смысл применительно к потребностям текущего уровня развития общественных отношений, не используя при этом творческую разновидность официального толкования.

Механический вид официального толкования норм права выступает противоположным образом творческого и может быть отождествлен некоторыми исследователями с буквальным видом официального толкования норм права, однако, все же, это не так по следующим причинам:

1. У механического и буквального видов официального толкования разные критерии разграничения. Так, механическое предоставляется, когда появляется возможность раскрытия смысла норм права, исходя из действующих правовых потребностей общества (без учета условия адаптации смысла нормы права к действующей правовой потребности общества), а буквальное – это вид толкования по объему.

2. Механический вид официального толкования норм права может сочетать в себе, в отличие от буквального, различные системные связи между нормами права. Например, письмо ФНС России от 01.09.2021 г. № БВ-4-7/12350@ относится как раз к механическому виду официального толкования норм права [8].

Реализовывать механический вид официального толкования норм права могут абсолютно все его субъекты, поскольку уровень ответственности здесь, в сравнении с творческим видом, гораздо меньше.

Безусловно, механическая разновидность официального толкования норм права в юридической науке представляет не такой большой интерес, как творческое, но, тем не менее, имеет полное право на существование, поскольку позволяет удовлетворять по-

требность смысловой поддержки законодательства.

Механический вид толкования обусловлен самой идеей раскрытия смысла норм права в официальном контексте. Если творческая разновидность характеризует официальное толкование права в динамике, то механическая – в статике, а для работоспособности механизма правового регулирования важны и нужны обе эти разновидности. Однако еще раз подчеркнем, что использовать творческий вид официального толкования норм права нужно с особой осторожностью, чтобы минимизировать риски становления интерпретационного правотворчества.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в зависимости от возможности смысловой адаптации норм права к действующей правовой обстановке в обществе, целесообразно выделять творческую и механическую разновидности официального толкования норм права. Это следует из сравнения дореволюционного, советского и современного этапов развития официального толкования норм права; изучения некоторых интерпретационных актов; анализа интервью отдельных субъектов официального толкования норм права.

Мотивом подобной классификации служит чрезвычайно быстрый темп развития общественных отношений и непоследование законодателя за этими изменениями. Однако существенным условием жизнеспособности подобной концепции выступает запрет выхода субъекта за пределы смыслового значения конкретных норм права. Иными словами, если регулирующее значение нормативного правового акта не позволяет проецировать его смысл на формирующиеся общественные отношения, то творческое толкование использовано быть не может ни при каких обстоятельствах.

Как правило, в силу значимости и важности, под действие творческого вида официального толкования норм права подпадают, в первую очередь, нормы основного закона страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопленко, Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М. : Юридическая литература, 1976. – 118 с.

2. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Социально-юридическое исследование / Н. А. Гредескул. – Харьков : Типография А. Дарре. 1900. – 235 с.

3. Зорькин, В. Буква и Дух Конституции / В. Зорькин // Российская газета. – 2018. – 10 окт.

4. Зорькин, В. Под знаком Основного закона. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Зорькин // Российская газета. – 2021. – 28 окт.

5. Михайловский, И. В. Очерки философии права. Т. 1 / И. В. Михайловский. – Томск : Изд-во В.М. Посохина, 1914. – 604 с.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 г. № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина А.В. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 333 ГК РФ». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012015-n-7-o-ob/>

7. Пиголкин, А. С. Толкование нормативных актов в СССР / А. С. Пиголкин. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1962. – 165 с.

8. Письмо ФНС России от 01.09.2021 г. № БВ-4-7/12350@ «О направлении разъяснений» // Официальные документы. – 2021. – 28 сент.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью “Барышский мясокомбинат” и “ВОЛМЕТ”, открытых акционерных обществ “Завод Реконд”, “Эксплуатационно-технический узел связи” и “Электронкомплекс”, закрытых акционерных обществ “ГЕОТЕХНИКА П” и “РАНГ” и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики “Детская городская больница № 3 ‘Нейрон’ Министерства здравоохранения Удмуртской Республики”» // Российская газета. – 2014. – 5 марта.

10. Регельсбергер, Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; пер. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. – М. : Типография И.Д. Сытина, 1897. – 295 с.

11. Черданцев, А. Ф. Основные проблемы теории толкования советского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Александр Федорович

Черданцев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 35 с.

12. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд-во Братьев Башмаковых, 1910. – 805 с.

REFERENCES

1. Voplenko N.N. *Oficial'noe tolkovanie norm prava* [Official Interpretation of the Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 118 p.

2. Gredeskul N.A. *K ucheniyu ob osushchestvlenii prava. Intellektual'nyj process, trebuyushchijsya dlya osushchestvleniya prava. Social'no-yuridicheskoe issledovanie* [To the Doctrine of the Exercise of Law. The Intellectual Process Required for the Exercise of the Right. Socio-Legal Research]. Kharkiv, Tipografiya A. Darr, 1900. 235 p.

3. Zorkin V. Bukva i Duh Konstitucii [The Letter and Spirit of the Constitution]. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, October 10.

4. Zorkin V. Pod znakom Osnovnogo zakona. Konstitucionnyj Sud na rubezhe chetvertogo desyatiletia [Under the Sign of the Basic Law. Constitutional Court at the Turn of the Fourth Decade]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, October 28.

5. Mikhailovsky I.V. *Ocherki filosofii prava. T. 1* [Essays on the Philosophy of Law. Vol. 1]. Tomsk, Izd-vo V.M. Posokhina, 1914. 604 p.

6. *Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.01.2015 g. № 7-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Parshina A.V. na narushenie ego konstitucionnyh prav ch. 1 st. 333 GK RF»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-O Dated January 15, 2015 “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Citizen A.V. Parshin for Violation of His Constitutional Rights, Part 1 of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation”]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15012015-n-7-o-ob>.

7. Pigolkin A.S. *Tolkovanie normativnyh aktov v SSSR* [Interpretation of Normative Acts in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1962. 165 p.

8. Pis'mo FNS Rossii ot 01.09.2021 g. № BV-4-7/12350@ «O napravlenii razyasnenij» [Letter of the

Federal Tax Service of Russia No. BV-4-7 / 12350@ Dated September 1, 2021 “On the Direction of Clarifications”]. *Oficial'nye dokumenty* [Official Documents], 2021, September 28.

9. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.02.2014 g. № 4-P «Po delu o provere konstitucionnosti ryada polozhenij statej 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 i 19.7.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zaprosom Arbitrazhnogo suda Nizhegorodskoj oblasti i zhalobami obshchestv s ogranichennoj otvetstvennost'yu “Baryshskij myasokombinat” i “VOLMET”, otkrytyh akcionerных obshchestv “Zavod Rekond”, “Ekspluatacionno-tehnicheskij uzел svyazi” i “Elektronkompleks”, zakrytyh akcionerных obshchestv “GEOTEKHNIKA P” i “RANG” i byudzhethnogo uchrezhdeniya zdavoohraneniya Udmurtskoj Respubliki “Detskaya gorodskaya bol'nica № 3 ‘Nejron’ Ministerstva zdavoohraneniya Udmurtskoj Respubliki”» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P Dated February 25, 2014 “In the Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of Articles 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 and 19.7.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Connection with the Request of the Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region and Complaints from the Baryshsky Meat Processing Plant and VOLMET Limited Liability Companies, Zavod Rekond Open Joint Stock Companies, Operational and Technical Communication Center and Elektronkompleks, GEOTEKHNIKA P and RANG Closed Joint Stock Companies and the Budgetary Health Care Institutions of the Udmurt Republic “Children’s City Hospital №. 3 ‘Neuron’ of the Ministry of Health of the Udmurt Republic”]. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, March 5.

10. Regelsberger F. *Obshchee uchenie o prave* [The Universal Doctrine of Law]. Moscow, Tipografiya I.D. Sytina, 1897. 295 p.

11. Cherdantsev A.F. *Osnovnye problemy teorii tolkovaniya sovetskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Main Problems of the Theory of Interpretation of Soviet Law. Avtor. Dr. juris. sci. abs. diss.]. Sverdlovsk, Izd-vo Sverdl. yurid. in-ta, 1972. 35 p.

12. Shershenovich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [The Universal Theory of Law]. Moscow, Izd-vo Brat'ev Bashmakovykh, 1910. 805 p.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.4>

UDC 341.231.14
LBC 67.400.3

Submitted: 27.12.2021
Accepted: 26.01.2022

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL SOCIAL RIGHTS OF CITIZENS IN RUSSIA

Alexey V. Ushakov

Volgograd Interdistrict Bar Association, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the legal features of the formation of the legal positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of protection of social rights of citizens in the Russian Federation. As the practice of law enforcement and human rights activities shows, the constitutional social rights of Russian citizens are most often violated. For this purpose, the court rulings issued in the field of protection of social rights by citizens have been studied. Using the **methods** of scientific cognition, first of all, the system analysis of judicial and regulatory legal acts, the peculiarities of the formation of legal positions of judicial legal instances of the Russian and international level are revealed. **Results:** the study has revealed the existence of controversial issues in the formulation of legal positions of the interstate human rights body and the Constitutional Court of the Russian Federation. **Conclusions:** during the formulation of legal positions by the Constitutional Court of the Russian Federation, the principles of protection of social rights of citizens are formulated; however, when making decisions by the European Court of Human Rights, a political aspect is often manifested.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, protection of rights and freedoms, resolution, Constitution of the Russian Federation, European Court of Human Rights, legal positions.

Citation. Ushakov A.V. Political and Legal Aspects of the Protection of Constitutional Social Rights of Citizens in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 30-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.4>

УДК 341.231.14
ББК 67.400.3

Дата поступления статьи: 27.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ

Алексей Викторович Ушаков

Волгоградская межрайонная коллегия адвокатов, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье проанализированы правовые особенности формирования правовых позиций Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ в области защиты социальных прав граждан в Российской Федерации. Как показывает практика правоприменения и правозащитной деятельности, конституционные социальные права граждан России наиболее часто подвергаются нарушениям. С этой целью изучены вынесенные судебные постановления в области защиты социальных прав гражданами. С помощью **методов научного** познания, в первую очередь системного анализа судебных и нормативно-правовых актов, выявлены особенности формирования правовых позиций судебных правовых инстанций российского и международного уровня. **Результаты:** в ходе исследования выявлено наличие спорных вопросов при формулировании правовых позиций межгосударственного правозащитного органа и Конституционным судом РФ. **Выводы:** в ходе определения правовых позиций Конституционным судом РФ формулируются принципы защиты социальных прав граждан, однако при принятии решений Европейским судом по правам человека нередко проявляется и политический аспект.

Ключевые слова: Конституционный суд РФ, защита прав и свобод, постановление, Конституция РФ, Европейский суд по правам человека, правовые позиции.

Цитирование. Ушаков А. В. Политико-правовые аспекты защиты конституционных социальных прав граждан в России // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 30–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.4>

Введение

Согласно Докладу о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. «...граждане традиционно на первое место ставят состояние признания и соблюдения социально-экономических прав. В России отмечается высокая степень расслоения населения на бедных и богатых. 19,2 млн человек, или 13,1 % от общей численности населения страны, по уровню доходов продолжают находиться за чертой прожиточного минимума (в 2018 г. – 18,9 млн человек, или 12,9 % от общей численности населения). В основном это пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды. По-прежнему наибольшее значение россияне отводят правам в сфере здравоохранения, образования, жилищного и социального обеспечения, трудовых правоотношений» [1, с. 2; 2].

Такого рода тенденции характерны и для состояния социально-правовой защиты граждан в иные периоды.

Приведенные статистические сведения свидетельствуют о том, что Российская Федерация не в полной мере обеспечивает реализацию задач социального государства, провозглашенного Конституцией РФ, и о наличии проблем правового регулирования на этапе определения нормативного порядка реализации прав в целом на территории государства, а также по причинам, хотя и не являющимся правовыми, но в то же время оказывающими серьезное влияние на реализацию индивидуального права гражданина.

Конституционно-правовое регулирование социальных прав граждан России

Конституционные нормы о социальных правах граждан изложены достаточно лаконично. Так, в силу ч. 1 ст. 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное госу-

дарство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1, с. 5]. Свободное же развитие можно обеспечить в том случае, если человеку позволено решать за себя и отвечать за последствия своих решений. Социальное государство в российском конституционном изложении сторонится системы «социального попечения» и позиционирует себя правовым государством.

Социальное обеспечение гарантировано в ч. 1 ст. 39 Конституции РФ тем, кто в силу болезни или старости, утраты кормильца или получения инвалидности утратил возможность получить минимальный уровень благосостояния. Кроме того, обеспечение гарантировано в случае воспитания детей. Федеральное законодательство не распространяет социальное обеспечение на тех, кто в состоянии трудиться и кого нельзя считать так или иначе нуждающимся в социальной защите. Более того, государство стимулирует взаимопомощь членов социального общества. В силу ч. 3 ст. 39 Конституции Российской Федерации предписано «поощрять частное партнерство в защите от неблагоприятия – добровольное социальное страхование и благотворительность». Положения, предусмотренные ч. 3 ст. 37, гарантируют занятость граждан и признают право на защиту от безработицы. Право на жилище изложено в ч. 1 ст. 40 Конституции Российской Федерации как обобщение различных вещных прав на жилые помещения – собственности или пользования, а эти права лицо приобретает по договору, наследству и по другим законным основаниям. Конституцией РФ (ч. 2 ст. 40) также корреспондируется обязанность органов власти поощрять жилищное строительство, а также содействовать приобретению вещных прав на жилье силами граждан, предусматривая обеспечение социальным жильем только незащищенные слои населения [3, с. 12].

Таким образом, Конституция Российской Федерации предусматривает тот уровень социальной защиты своих граждан, который предоставляет возможность пользоваться предоставленными социальными благами и имеющимися возможностями, не допуская «социального иждивенчества» и в случае необходимости по причине утраты здоровья, сиротства и других причин обеспечить гарантируемый уровень социальной защиты.

Так, рассуждая об уровне социальной защищенности гражданина в Российской Федерации, Т.Я. Хабриева отмечает: «Социальное государство не ставит перед собой задачу достижения абсолютной социальной справедливости, оно призвано лишь обеспечить такую социальную компенсацию, которая позволила бы исключить возникновение социальных конфликтов вследствие неравномерного распределения ресурсов, не допуская правовой, социальной, культурной изоляции определенных социальных групп» [5, с. 4].

Однако иногда отсутствие эффективных правовых механизмов защиты нарушенного социального права со стороны органов власти и обеспечения не способствует процессу его восстановления.

Проведенный анализ показывает, что судебная практика рассмотрения обращений заинтересованных лиц, судебных органов по вопросам нарушения социальных прав граждан, принятия итоговых постановлений и определений достаточно обширна и является достаточно значимой применительно к вопросу конституционности норм различных отраслей российского права.

Из правовых позиций, непосредственно затрагивающих конституционные права на защиту материнства, отцовства и детства, а также на равные условия по воспитанию детей и отсутствия дискриминации по половому признаку следует отметить еще одну, которой дана правовая оценка нормам Трудового кодекса РФ, регламентирующим порядок увольнения граждан, имеющих семейные обязанности.

Постановлением Конституционного суда РФ от 15.12.2011 № 28-П определено, что исходя из содержания «...ч. 4 ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации расторже-

ние трудового договора с женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет, одинокими матерями, воспитывающими ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида до восемнадцати лет), другими лицами, воспитывающими указанных детей без матери, по инициативе работодателя не допускается (за исключением увольнения по правовым основаниям, предусмотренным ст. ст. 81 и 336 ТК РФ)» [4, с. 2].

Из содержания рассматриваемого постановления следует, что гражданин А.Е. Остаев является отцом троих детей, один из которых не достиг трехлетнего возраста, а другой является инвалидом. Жена заявителя, осуществляющая уход за детьми, не работала, а сам Остаев был уволен с занимаемой должности по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Не согласившись с увольнением, он обратился в судебные органы за защитой. При этом различные судебные инстанции при рассмотрении спора не нашли оснований к удовлетворению заявленных им исковых требований, не найдя нарушений процедуры увольнения, а истец не относится к кругу лиц, имеющих гарантии при увольнении, предусмотренные ч. 4 ст. 261 ТК РФ.

Вместе с тем из ранее сформулированной Конституционным судом правовой позиции следует, что «... конституционный принцип свободы труда, который в трудовых отношениях проявляется, прежде всего, в договорном характере труда, обуславливая свободу трудового договора, вместе с тем предполагает обеспечение каждому возможности на равных с другими гражданами условиях и без какой-либо дискриминации вступать в трудовые отношения, реализуя свои способности к труду» [4, с. 2].

Проанализировав практику Европейского суда по правам человека, а также ранее сформулированные правовые позиции, суд предусмотрел гарантии и льготы для такой категории работников, не имеющих возможность в полном объеме выполнять свои трудовые обязанности при наличии обстоятельств, связанных с обеспечением ухода за детьми.

Следует отметить, что изменения в правовое регулирование ситуаций, связанных с необходимостью расторжения трудового до-

говора по инициативе работодателя с отцами – единственными кормильцами в многодетной семье, были внесены в Трудовой кодекс Российской Федерации. Согласно Федеральному закону от 12.11.2012 № 188-ФЗ «О внесении изменений в статью 261 Трудового кодекса РФ» введен запрет на расторжение трудового договора по инициативе работодателя с отцами, являющимися единственными кормильцами в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе в возрасте до 3 лет, если матери указанных детей не состоят в трудовых отношениях и занимаются уходом за детьми [4, с. 2].

Конституционным судом сформулированы правовые позиции по ряду вопросов трудовых правоотношений:

– в сфере реализации гарантий прав на разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров (Постановление КС РФ от 17.05.95 № 5-П);

– по вопросу реализации права на труд без какой-либо дискриминации (Постановление КС РФ от 27.12.99 № 19-П);

– по вопросу обеспечения прав работника и работодателя при заключении трудового договора, определения требований к претендентам на должности в системе государственной (муниципальной) службы (Постановление КС РФ от 15.12.2003 № 19-П);

– по вопросу выплаты денежной компенсации при увольнении работника (Постановление КС РФ от 25.02.2018 № 38-П);

– по вопросу гарантий сохранения среднего месячного заработка (Постановление КС РФ от 19.12.2018 № 45-П);

– по вопросу справедливой оплаты труда (Постановление от 28.06.2018 № 26-П/2018, от 11.04.2019 № 17-П) и ряда других вопросов правоприменения.

Практика ЕСПЧ

по рассмотрению жалоб граждан о защите своих социальных прав

Практика рассмотрения жалоб межгосударственным судебным органом нередко носит ярко выраженный политический аспект.

В качестве иллюстрации, наряду с делом «Маркин против России», приведем ссылки на Постановления ЕСПЧ от 20.09.2011 по

делу «ОАО “НК “Юкос”” против России», а также Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против РФ», которыми на государственные органы Российской Федерации возложено выполнение ряда действий по внесению изменений в федеральное законодательство.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что по причине существующих политических преобразований в рамках развития европейских государств, а также в результате распада СССР, у некоторых политических деятелей и общественно значимых фигур нередко встречаются мнения о необходимости переоценки правовых выводов судебных инстанций. Нам известен пример с резонансным делом ветерана-антифашиста В.М. Кононова. Бывший советский борец с фашизмом, родившийся в Латвии, был обвинен властями этой страны в совершении «военных преступлений» в годы Второй мировой войны. В данном случае налицо некорректность предъявленных требований, имеющих явную политическую подоплеку, с одной стороны, и очень опасный прецедент – с другой.

Более того, практика толкования Конвенции позволяет ЕСПЧ достаточно вольно определять, исходя из представлений, сформированных нередко по политическим мотивам отношения к государству, исполнения им обязательств Конвенции, а также устанавливаемых самим ЕСПЧ. При этом ситуации, описанные выше и возникшие при принятии решений Суда, требуют от Российской Федерации необходимости принятия мер по защите ее конституционного правопорядка, которая должна осуществляться Конституционным судом.

Рассмотрим подробнее пример из практики Европейского суда, когда он вмешивался в компетенцию конституционного правосудия без учета ранее вынесенных решений Конституционного суда РФ и изложенных в них правовых позиций.

Такая ситуация сложилась в 2010 г., когда по делу «Маркин против России» Европейским Судом было вынесено решение, в котором констатировано, что запрет военнослужащему-мужчине на получение отпуска по уходу за ребенком является дискриминацией по половому признаку. В марте 2012 г. Большая

палата ЕСПЧ в постановлении по жалобе Маркина установила нарушение Россией ст. 8 (право на частную жизнь) и ст. 14 (запрет дискриминации) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вместе с тем при рассмотрении дела Европейским судом по правам человека, не было учтено, что эту ситуацию уже ранее рассматривал Конституционный суд РФ, который установил, что заниматься своими детьми лицо может только в случае ухода с военной службы. То есть, рассматривая правовой спор, возникший при реализации социального права военнослужащего на отпуск по уходу за ребенком до 3-х лет, Конституционный суд руководствовался интересами государства, а именно необходимостью обеспечения защиты безопасности и обеспечения его обороны.

При этом, формулируя свою правовую позицию, Конституционный суд исходил из содержания ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая прямо предполагает ситуацию, когда федеральным законом ограничиваются права и свободы человека в случае обеспечения всесторонней безопасности государства [3, с. 14].

Решение ЕСПЧ, поставившее под сомнение правовую позицию Конституционного суда, вызвало резкое неприятие в Российской Федерации.

Полагаясь на вынесенное решение, Маркин обратился с заявлением о пересмотре прежних решений военных судов. Президиум Ленинградского окружного военного суда, который рассматривал данное дело, обратился за разъяснением в Конституционный суд.

Основываясь на позиции заявителя, ключевым основанием для рассмотрения дела явились постановления Европейского суда по правам человека и Конституционного суда. Одновременно с этим, военные судьи считают, что оспариваемые нормы не определяют порядок действий судов при условии наличия противоречий, возникающих у российской и международной инстанции в оценке обстоятельств дела. По этой причине заявители требуют провести проверку относительно спорных положений, которые должны соответствовать ст. 15 Конституции Российской Федерации.

Разрешая возникшую правовую коллизию по вопросу применения сформулированных судебными инстанциями правовых позиций, Конституционный суд подтвердил свое право на толкование Конституции Российской Федерации. Кроме того, в рамках проводимой конституционно-правовой реформы получила правовое оформление политическая воля законодателя, которая выразилась в расширении полномочий Конституционного суда РФ, предусмотренных п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ, направленных на разрешение вопросов исполнения решений межгосударственных органов, иностранных или международных (межгосударственных) судов или третейских судов (арбитража), налагающих обязанности на Российскую Федерацию, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации, либо вынесены на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ [3, с. 51].

Выводы

В заключение представляется целесообразным сделать следующие выводы, исходя из проведенного анализа. Складывающаяся практика защиты прав граждан трудовых, семейных, иных социальных правоотношений, а также сформулированные Конституционным судом РФ правовые позиции относительно конституционности правовых актов, являются предметом активного конституционно-правового обсуждения.

При этом, проведенный правовой анализ конституционной судебной практики свидетельствует, в ряде случаев, об изменении правового регулирования в указанной сфере. Так, возможность реализации своего права не должна зависеть от выполнения обязанностей со стороны иных участников этих правоотношений. Государство должно гарантировать такой правовой режим, который позволял бы гражданам равноправно пользоваться своими социальными правами. Если же государством вводятся законодательные ограничения в сфере реализации права, то такие ограничения должны соответствовать целям защиты интересов и кон-

ституционных прав человека и гражданина. Взвешенной с учетом практики рассмотрения споров ЕСПЧ, а также нередко носящей политический подтекст в своих постановлениях представляется и позиция, указывающая на соблюдение принципов равноправия мужчины и женщины, а также наличия правовых гарантий при увольнении с работы по инициативе работодателя. Определяя правовые направления правозащитной деятельности в области защиты социальных прав в правовых позициях, суд указывает на возможность гражданина ставить вопрос об индексации размера сумм возмещения вреда здоровью с учетом инфляционных процессов в экономике государства. Причем указанная мысль излагается судом достаточно последовательно и формулируется им в ряде итоговых постановлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. – 2019. – 11 июня (№ 125).
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. – 2020. – 14 апр. (№ 80).
3. Конституция Российской Федерации. – М. : Проспект, 2020. – 32 с.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.12.2011 № 28-П. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 52. – Ст. 7639.
5. Хабриева, Т. Я. Российская конституционная модель социального государства / Т. Я. Хабри-

ева // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф. Москва, 1 дек. 2008 г. – М. : Юриспруденция, 2009. – С. 3–11.

REFERENCES

1. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2018 god [Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2018]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2019, June 11, no. 125.
2. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2019 god [Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019]. *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, April 14, no. 80.
3. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 2020. 32 p.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15.12.2011 № 28-P. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 4 stat'i 261 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.E. Ostaeva [In the Case of Checking the Constitutionality of Part 4 of Article 261 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen A.E. Ostaev. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 28-P Dated December 15, 2011]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 52, article 7639.
5. Khabrieva T.Ya. Rossijskaya konstitucionnaya model' social'nogo gosudarstva [The Russian Constitutional Model of the Social State]. *Konstituciya, zakon i social'naya sfera obshchestva: materialy nauch.-prakt. konf. Moskva, 1 dek. 2008 g.* [Constitution, Law and Social Sphere of Society. Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Moscow, December 1, 2008)]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009, pp. 3-11.

Information About the Author

Alexey V. Ushakov, Lawyer, Volgograd Interdistrict Bar Association, Chuikova St, 11, 400131 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ushakov_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0282-7602>

Информация об авторе

Алексей Викторович Ушаков, адвокат, Волгоградская межрайонная коллегия адвокатов, ул. Чуйкова, 11, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ushakov_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0282-7602>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.5>

UDC 340.114.5
LBC 67.05

Submitted: 11.01.2022
Accepted: 26.01.2022

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE INTERPRETATION OF LEGAL NIHILISM

Alexander A. Bochkov

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Andrey A. Sukharev

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Introduction: the paper considers the conceptual and methodological interpretation of legal nihilism as a complex interdisciplinary and intersectoral phenomenon. The **purpose** of the study is to show legal nihilism as a result of the deformation of state-legal reality and to identify ways to combat it. The **objectives** of the work are to give a terminological characterization of legal nihilism as a dialectically contradictory integral socio-cultural phenomenon; to identify its nature, meaning, forms, and causes generating consequences. **Methods:** the convergent methodology combining general, general scientific and specific scientific research methods. The main methods are the methods of dialectical materialism, the synergetic, interdisciplinary methods, analysis, synthesis, interpretation of the law, comparative studies. **Results:** legal nihilism as a direction of socio-political thought and legal practice is a catastrophogenic factor of society, due to its mass character, oppositional power, and destructiveness. The authors believe that the results and consequences can be foreseen, they need to be managed with the help of information and communication technologies, artificial intelligence. The hypothesis of the natural “predisposition” of Russians and Belarusians to legal nihilism has not been confirmed, however, it has shown a historical, national, cultural peculiarity of the perception of state and law. **Conclusions:** the growth of the omnipotence of the state in the conditions of an external military threat, sanctions, and pandemics leads to the growth of legal nihilism at all levels of social reality. The way out is to improve objective and subjective factors related to the legality, legitimacy, social orientation of the state, social cohesion, the improvement of ideological, patriotic, civil, legal education. It is required to develop doctrinal, legislative, law enforcement aspects of the problem at the state level; to create a digital monitoring mechanism for the objective, representative determination of the level of legal nihilism in society and a list of urgent measures to overcome negative consequences.

Key words: state-legal reality, legal consciousness, deformation, nihilism, legal nihilism, overcoming mechanism.

Citation. Bochkov A.A., Sukharev A.A. Conceptual and Methodological Foundations of the Interpretation of Legal Nihilism. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 37-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.5>

УДК 340.114.5
ББК 67.05

Дата поступления статьи: 11.01.2022
Дата принятия статьи: 26.01.2022

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Александр Александрович Бочков

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Андрей Александрович Сухарев

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Введение: статья посвящена концептуально-методологическому толкованию правового нигилизма как сложного междисциплинарного и межотраслевого феномена. **Цель** исследования – показать правовой нигилизм как результат деформации государственно-правовой действительности и определить пути борьбы с ним. **Задачи** работы: дать терминологическую характеристику правового нигилизма как диалектически противоречивого целостного социально-культурного феномена, выявить его природу, содержание, формы, причины порождающие, а также последствия. **Методы:** конвергентная методология, объединяющая всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы исследования. Основными методами выступили методы: диалектического материализма, синергетический, междисциплинарный, анализа, синтеза, толкования права, компаративистики. **Результаты:** правовой нигилизм как направление общественно-политической мысли и юридической практики, является катастрофогенным фактором общества, ввиду его массовости, оппозиционности власти, деструктивности. Считаем, что результаты и последствия можно предвидеть, ими нужно управлять с помощью информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта. Гипотеза природной «предрасположенности» россиян и белорусов к правовому нигилизму не подтвердилась, однако показала историческую, национальную и культурную особенность восприятия государства и права. **Выводы:** рост всевластия государства в условиях внешней военной угрозы, санкций, пандемий ведет к росту правового нигилизма на всех уровнях социальной действительности. Выход – совершенствование объективных и субъективных факторов, связанных с легальностью, легитимностью, социальной направленностью государства, сплочением общества, улучшением идеологического, патриотического, гражданского, правового воспитания. Требуется разработать на государственном уровне доктринальный, законодательный, правоприменительный аспекты проблемы. Создать цифровой механизм-мониторинг объективного, репрезентативного определения уровня правового нигилизма в обществе и перечень неотложных мер по преодолению негативных последствий.

Ключевые слова: государственно-правовая действительность, правосознание, деформация, нигилизм, правовой нигилизм, механизм преодоления.

Цитирование. Бочков А. А., Сухарев А. А. Концептуально-методологические основы толкования правового нигилизма // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 37–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.5>

Введение

Правовой нигилизм как элемент правосознания и правовой реальности, мотив и побуждение противоправного поведения является сложным междисциплинарным и межотраслевым феноменом, влияющим на все стороны общественной жизни. Он включает идеальный и материальный основания, публично-правовые и частноправовые аспекты, затрагивает вопросы легальности и легитимности государственной власти, качество и эффективность ее ветвей, развитость общей и правовой культуры, взаимоотношение государства и гражданского общества и др. Его проявление в основном латентное, поддающееся лишь косвенному измерению. Отсутствуют четкие и общепринятые методики измерения в социальной, политической, психологической, правовой сферах. Чаще всего о нем вспоминают на вершине цикла правового внимания в период избирательных компаний, социальных потрясений, кризисов, революций, пандемий.

Правовой нигилизм как отражение государственно-правовой действительности

Будучи проявлением правовой реальности, правосознания, правовой нигилизм играет важную роль в государственно-организованном обществе. Отражая государство и право, правосознание выступает необходимым условием их существования и развития. Именно правосознание ближе других форм общественного сознания соприкасается с государством и правом, властными правоотношениями, где зачастую форма доминирует над содержанием, зависит от них, а материальные интересы побеждают духовно-нравственные. Поэтому трудно оставаться объективным, истинным и правдивым, осознавая и оценивая государственно-правовую действительность.

С момента своего возникновения и до настоящего времени, правоведение испытывает противоречие между научной объективностью и ценностными, идеологическими установками, прикладной направленностью по

обслуживанию государственно-властных интересов. Юриспруденция (Фемида) во все времена испытывала давление власти и богатых (олигархических) кругов, стремящихся использовать ее в своих целях.

Определяет правосознание правовая реальность, а субъективное восприятие, ощущение, осознание, направлено на принятие или непринятие ее, одобрение или отрицание, согласие или несогласие, вызывает позитивные, либо негативные оценки и поступки.

Позитивный путь, по мнению русского философа конца XIX – первой половины XX в. И.А. Ильина (1903–1981), направлен на формирование «нормального», здорового, законопослушного правосознания, самовоспитание аристократа духа. Высокому уровню правосознания способствуют демократизм, легитимность, легальность, социальная направленность государства и права, духовные качества личности.

Среди важнейших аксиом развитого правосознания И.А. Ильин выделял: чувство собственного достоинства человека, честь, совесть, правоту перед лицом Бога, единство внутренней (духовной) и внешней (через внутреннее самоосвобождение) свободы, уважение и взаимное доверие между людьми, человеком и государством [9, с. 388–390].

С точки зрения создателя оригинальной психологической концепции права дореволюционного профессора Л.И. Петражицкого (1867–1931), здоровое и сильное правосознание делает человека гражданином и предохраняет от противоправного поведения [14, с. 131–132].

Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» писал о том, что благородному, честному и здравомыслящему человеку органически присуще чувство права на уровне здравого смысла и голоса совести, даже если оно не записано в юридическом кодексе [7, с. 308].

Правосознание существует как в виде объективных, истинных, реальных, правдивых правовых знаний, чувств и оценок, соответствующих праву, так и искаженных, извращенных, мнимых, иллюзорных и ложных. Деформация государственно-правовой реальности влечет за собой деформацию правосознания в виде правовых мифологии, нигилизма и инфантилизма, юридического неве-

жества (дилетантизма), правовых фетишизма, демагогии и перерождения, а также некомпетентной критики права. Объединяет их несоответствие правовой реальности и искаженная оценка права.

Этимология понятия «нигилизм» и его формы

Следует согласиться с философом Н.А. Бердяевым (1874–1948), что в основе русского нигилизма лежит религиозный феномен, несмотря на то, что нигилизм отрицает Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности, он возникает на духовной почве православия [1, с. 37–38].

Он вызван неудовлетворенностью материальной и духовной жизни, поисками религиозных и мирских идеалов, бунтом против биологической природы человека, борьбой с греховным миром и надеждой на его спасение.

Теократическая тема христианства рассматривалась в России, в отличие от Запада, не как примат духовной власти над светской, а как осуществление государственной властью священной миссии Промысла Божия, принятие на себя церковных задач. Царь в этом случае был ответственен не только за себя, но и за любого человека в своем царстве, а неправедный царь – «не Божий слуга, но диавол», писал русский религиозный философ и богослов В.В. Зеньковский (1881–1962) [8, с. 44–51]. Если власть нарушает Божьи заповеди, то она выступает богонеугодной представительницей.

Проведенные в России в 2008 г. опросы свидетельствуют о том, что большинство граждан относятся к религии в значительной степени интуитивно и неосознанно следуют семейным религиозным традициям [5].

Первичный источник права и власти в их непосредственной авторитетности, близости к правде, истине, соразмерности, писал видный дореволюционный российский философ, социолог С.Л. Франк (1877–1950). Только объединение, гармония религиозных, моральных и правовых норм приведет к достижению этого результата.

Выделяют различные виды социального нигилизма: политический, идеологический, нравственный, религиозный, правовой и др.

Правовой нигилизм – это оборотная сторона правового максимализма, идеализма, ситуация, когда надежды на право не оправдали себя и вызвали ответную реакцию. Он представляет собой отрыв права от объективной реальности, связанный с завышенными амбициями, разочарованием в нем.

Корни правового нигилизма – государственно-правовая неустроенность, юридическое невежество, неразвитость и деформация права, невоспитанность, косность, дефицит политико-правовой культуры [11]. Право не может быть выше культуры, поэтому низкий уровень последней губителен для первого.

Нигилизм (*nihil* от лат.) – ничто, ничего. В словаре В. Даля «нигилизмъ» определяется как безобразное и безнравственное учение, отвергающее все [4, с. 544]. В словаре С.И. Ожегова нигилизм – это полное отрицание всего, полный скептицизм [13, с. 355].

Считается, что впервые понятие «нигилизм» появляется у немецкого религиозного философа второй половины XVIII – начала XIX в. Ф.Г. Якоби (1743–1819). Постепенно произошло расширение смысла данного понятия. У Ф.В. Ницше (1844–1900) – это утрата высшими ценностями своей значимости, их развенчание, несовместимость с действительностью. В стороне от рынка и славы, он призывал изобрести новые ценности.

Главная причина нигилизма по Ф.В. Ницше – «обезбоживание» мира, деление его на «потусторонний» (истинный) и «посюсторонний» (неистинный, греховный). Для Ф.В. Ницше покончить с христианством значит покончить с нигилизмом и встать «по ту сторону добра и зла», что приведет к торжеству новой эры – культу «сверхчеловека», сильной личности («молния и безумие»), индивидуалистически преодолевающей мир вне всяких моральных норм. Человек – есть нечто, что должно быть побеждено, потому что для сверхчеловека он посмешище и мучительный позор, канат между животным и сверхчеловеком, – писал Ф.В. Ницше в работе «Так говорил Заратустра» [12, с. 7–10]. Для экзистенциалистов М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю нигилизм – это «метафизика», «истинная коммуникация», «смерть бога», «бунтующий человек», как результат разочарования, кризиса западного мира [22, с. 64–66].

Выделяют нигилизм как общественное явление и личностный, индивидуальный нигилизм. В качестве мягкой формы нигилизма часто рассматривают любое инакомыслие, свойственное человечеству в целом. К нигилистам относят: Аристотеля, Архимеда, Демокрита, Платона, Сократа, Гиппократу, Иисуса Христа, Леонардо да Винчи, Николая Коперника, М.В. Ломоносова, Петра I Великого, Жан-Жака Руссо, Карла Маркса, Ф.В. Ницше, Альберта Эйнштейна и др. [10].

Нигилизм означает отрицание, непризнание абсолютных, объективных ценностей, таких как научная истина, художественная красота, религиозная вера, государственное могущество, национальное достояние, – утверждал С.Л. Франк в «Этике нигилизма» [23, с. 85–87]. Он видел смысл нигилистического морализма русской интеллигенции в служении народу и аскетической ненависти к тому, что препятствует или не содействует осуществлению этой задачи. Следует согласиться с профессором Н.И. Матузовым, что нигилизм может быть прогрессивным и регрессивным, позитивным и негативным. Когда он становится естественным (объективным), закономерным отрицанием старого, отжившего, консервативного, он перестает быть нигилизмом. Без такого нигилизма нет развития, совершенствования, освобождения от старого, движения вперед. Нигилизм в крайних проявлениях смыкается с анархизмом, радикализмом, национализмом, шовинизмом, экстремизмом, терроризмом [11, с. 252–253].

Нужно отказаться от упрощения данного явления, рассмотрения его только в негативном плане как антиобщественную, социальную ересь, направленную на разрушение, причинение страданий, нанесение ущерба и боли. Действительно, нигилизм, с одной стороны – это несогласие, неверие, разочарование, отрицание и протесты людей против государственно-правовых и общественных институтов, с другой, он связан с проявлением пассионарности, жертвенности, бескорыстности, желания бороться за идеалы (истинные и мнимые, общественные и личные). Данное явление многолико (по субъектам, уровням, содержанию), массовое, постоянное и изменчивое, явное и латентное. Согласно исследо-

ваниям, 80–90 % людей хотя бы раз в жизни совершают деяния, запрещенные уголовным кодексом [15, с. 603]. Проступки – почти 100 % населения.

Правовой нигилизм как порождение государственно-правовой действительности

Полагаем, что рассматривать правовой нигилизм только как результат деформации, искажения правосознания, значит упрощать проблему и переносить ее с «больной головы на здоровую», винить во всем низкий уровень правовой культуры населения, его пассивность и меркантилизм. Представляется, что правовой нигилизм порождает, поддерживает и укрепляет, прежде всего, государственно-правовая реальность, а уже затем просчеты в области гражданско-патриотического, нравственного, правового воспитания и в формировании правовой культуры.

Можно утверждать, что положительный правовой нигилизм больше характерен для тех личностей, которые успешно прошли социализацию и позитивно воспринимают свой социально-правовой статус, негативный же в значительной степени, относится к личностям, имеющим асоциальную или антисоциальную направленность как результат острого конфликта с обществом. Авторы ролевой теории (Дж.Г. Мид, Р. Липтон, Т. Шибутани, Р. Мертон) исходят из того, что, если индивид, действующий в соответствии с ролевыми ожиданиями, не получает достойного, справедливого социального вознаграждения, то он испытывает стресс, который может толкать к радикальным взглядам и действиям.

Известный французский социолог-позитивист, глава французской социологической школы Э. Дюркгейм (1858–1917) ввел понятие «аномия» (от фр. *anomie* – отсутствие нормы, закона) для обозначения кризисного состояния общества, когда для личности утрачивается значимость социальных регламентаций, которые заменяются индивидуальными регуляторами, направленными на удовлетворение собственных безудержных желаний и страстей [20, с. 100].

Правовой нигилизм особенно опасен на доктринальном, законодательном и правопри-

менительном уровнях, когда получил научное, нормативное и практическое формально-властное воплощение.

Массовое «заболевание» населения социальным (правовым) нигилизмом, недоверие, неверие в право и нежелание повиноваться государственной власти ведет к кризисам, катастрофам, революциям, войнам, оплачиваемым многочисленными человеческими жертвами и лишениями.

Правовой нигилизм – это направление общественно-политической мысли и юридической практики, либо вообще отрицающее социальную ценность права, либо считающее его наименее эффективным способом регулирования. Он представляет собой одну из форм мироощущения, миропонимания и социального поведения.

Нигилизм власти по отношению к народу носит более опасный и разрушительный характер, так как ставит под сомнение государственно-правовую справедливость и в целом целесообразность власти. Только история СССР выдает множество незаконных действий советского государственного аппарата: раскулачивание крестьян, сталинские репрессии, игнорирование итогов всесоюзного референдума 17 марта 1991 г., нарушение норм международного права.

И в настоящее время на международной арене политика силы, угроз, диктата, санкций заменяет нормы международного права. Нигилизм стран Запада и США по отношению к РФ и Республике Беларусь носит тотальный, агрессивный характер, не укладывающийся в рамки рационального обоснования.

Десоциализация общественных отношений в религиозной форме имеет богатую историю (юродство, монашество, отшельничество, иночество, старообрядчество, духоборство, жизнь в скитах «счастливых людей»), как результат конфликта культуры и цивилизации [18]. По мнению дореволюционного религиозного философа В.В. Розанова (1856–1919), в середине XIX в., по официальным сведениям Министерства Внутренних Дел Российской империи, только численность консервативной школы раскола – «буквенников» (охранителей «древляго» благочестия целостной «старины») составляла 9 млн человек, не считая «духоборцев» – искателей новой святости,

куда входили бесчисленные мелкие секты – молокояны, бегуны, хлысты, монтаны и др. [16, с. 47].

По мнению Б.А. Кистяковского (1868–1920), русскому народу были противны юридические начала, и он руководствовался исключительно внутренним сознанием. Для подъема правосознания, нужно преобразовать государственную власть, превратив ее из «государства – силы» во «власть – права» [21, с. 466–467].

Для С.Л. Франка первичный источник права и власти лежит в их непосредственной авторитетности, заражающей своей близостью к правде. Разрушение авторитета власти ведет к ее гибели, от которой не удержит никакой внешний аппарат принуждения.

**«Предрасположенность»
российского и белорусского народа
к правовому нигилизму**

Вопрос о предрасположенности РФ и Беларуси к правовому нигилизму, наличии особой «русской, белорусской идеи, души», основанной на этикоцентризме, давно волнует исследователей. Практически невозможно создать обобщенный портрет, потому что он не существует в чистом виде, специфические черты внешне не проявляются или утрачены. До сих пор значимые события советского и постсоветского периода, связанные с Октябрьской революцией, Гражданской, Великой Отечественной и Второй мировой войнами, развалом СССР (которую называют геополитической катастрофой мирового значения), «цветными революциями» в странах бывшего СССР, способствовали потере веры в закон, справедливость, демократическую сущность государства и права. Центробежные силы разбросали некогда «единую историческую общность советский народ» по государственным «квартирам», в угоду властным амбициям национальных элит, сдержав «расцвет и сближение» национальных культур и народов.

Еще Н.А. Бердяев отмечал, что русская душа «ушиблена» ширью (просторами), отсюда ее широта, безграничность, неоформленность, максимализм (крайности), противоречивость (деспотизм и анархизм), аскетизм,

устремленность к трансцендентному, потустороннему миру, открытость («нараспашку») в работе, любви, борьбе, праздниках. Будучи устремленными в будущее, русские люди легко шли на жертвы, каторгу и виселицу. Кроме того, он выделял особую женственность русской души, жалость, ее сострадательность и человеколюбие. Философ полагал, что в силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты [1, с. 9].

Правовому нигилизму русского народа способствовали исторические традиции коллективистского, общинного, соборного, «патриархального» сознания. Данное положение закреплялось абсолютистским характером власти царского самодержавия, рассматривавшего право как дарованные обществу привилегии.

Марксистская концепция «отмирания» права (эксплуататорского, классового, насильственного, на смену которого должна прийти высокая сознательность граждан коммунистического общества) в совокупности с авторитарными методами управления в советские времена, формированием панического чувства страха перед Гулагом, также не способствовала росту уважения к государственно-правовым институтам. Невыполнение государством своих обязательств перед гражданами негативно влияет на правовой менталитет народа.

Среди черт российской ментальности можно выделить: иррациональность, мистицизм, алогичность, импульсивность, внушаемость, наивную идеалистичность (ярко проявляющуюся в правовом идеализме как оборотной стороне правового нигилизма), стремление к справедливости, терпимость, а также связь с религиозными ценностями.

Беларусь, находящаяся на геополитическом (и религиозном) разломе между Востоком и Западом, оказывается в еще более трудном положении, чем Россия, учитывая ее историческое прошлое и современную борьбу за сохранение национальной государственности и самобытности. При этом белорусский этнос прошел сложный путь становления и развития в составе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Рос-

сийской империи, Советского Союза, Республики Беларусь.

Многочисленные войны приводили к значительному сокращению коренного населения и переселению жителей других регионов. Например, во второй половине XVII в. на территории нынешней Беларуси произошли войны: казацко-крестьянская (1648–1654), русско-польская (1654–1667), польско-шведская (1655–1660). Потери белорусского населения составили 1 870 310 человек, или 48,4 % [24, с. 200]. В период Северной войны (1702–1710) между Швецией и Северным союзом (Россия, Дания, Саксония) население Беларуси сократилось с 2,2 млн человек до 1,5 млн, то есть на одну треть [19, с. 325]. Войну 1812 г. вообще называют трагедией белорусского народа. Участник войны, русский поэт и будущий декабрист Ф. Глинка писал, что когда проезжаешь Оршу, Дубровно, Борисов, Минск ничего не заметишь, кроме бедности в народе, повсеместного разрушения – неминуемого последствия войны [2, с. 249]. Последовавшие затем неурожайные годы (1818, 1820–1822) и голод серьезно уменьшили численность народонаселения и негативно отразились на социально-экономической жизни. Витебский генерал-губернатор в своем отчете в 1828 г. указывал на недостаток капиталов, низкие цены, упадок торговли и промышленности, невозможность помещикам улучшить свое сельское хозяйство по причине неимения денег, наличие долгов банкам, исполнение рекрутской повинности [3, с. 73, 77]. Первая мировая война, революция, Гражданская война, Великая Отечественная война, на которой погиб каждый третий житель Белоруссии, нанесли огромный ущерб народному хозяйству, социализации и полноценному воспитанию подрастающего поколения. В первую очередь погибало социально активное, пассионарное население. Были утрачены многие важные традиции и обычаи, оказавшие негативное воздействие на преемственность поколений.

Накопление негативных факторов привело к коммулятивному эффекту и способствовало деформации национального самосознания. Последствиями было снижение востребованности белорусского языка, национальной культуры, утрата в значительной степени религиозности.

Однако, несмотря на это, можно говорить о специфике белорусского характера. Самобытность белорусского народа включает в себя упорство, трудолюбие, скромность, надежность, уважительное отношение к старшим, верность в дружбе, неприхотливость, дисциплинированность (некоторые исследователи связывают с покорностью), толерантность к различным религиям, национальностям, взглядам, как сознательное уважение инакомыслия [25]. Для белорусов не свойственно проявление национализма, высокомерия по отношению к другим культурам и языкам. В советский период происходит оформление государственности, объединение Западной и Восточной Беларуси, ликвидация неграмотности, возрождение национальной культуры, развитие науки, искусства, формирование белорусской интеллигенции.

Нельзя утверждать, что уровень правового нигилизма населения России и Беларуси по сравнению с ЕС и США является более высоким.

Поэтому можно говорить об удивительной стойкости, жертвенности, патриотизме, самодостаточности русского и белорусского правосознания. Яркие исторические примеры высокой гражданственности и самоотверженности были во многом обусловлены социальными и духовно-нравственными качествами народов. Речь идет о более глубоком понимании права, наполнении его духовным, религиозным и нравственным содержанием. Представляется, что наше правосознание, испытало меньшую коммерциализацию общественных отношений, поэтому в большей степени оно является коллективистским. Опасен доктринальный нигилизм, связанный с политической, ненаучной, необъективной фальсификацией многих событий истории. Он направлен на духовное разложение (перерождение) подрастающего поколения и имеет стратегические планы ослабления и уничтожения нашей государственности.

2022 г. объявлен в Республике Беларусь годом исторической памяти, народного единства. Он направлен на консолидацию, развитие белорусского общества. В его основе лежит конституционно-законодательная реформа, связанная с социально-экономическим и духовным возрождением. В январе 2022 г.

Президентом Республики Беларусь был подписан закон «О геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны».

Результаты

П.А. Сорокин (1889–1968) – русский и американский социолог, культуролог и юрист, говоря о кризисе этических и правовых норм, с горечью признавал, что ядовитые бактерии чувственной этики и права были заложены в утилитарной и гедонистической, то есть релятивистской и условной, природе этических и юридических ценностей. Это привело к грубой силе и обману, деградированному, современному эрзацправу сильного. По его мнению, лишая человека всего божественного, чувственное умонастроение, этика и право понизили его до уровня электронно-протонового комплекса и рефлекторного механизма, не имеющего никакой святости и телоса [17, с. 503–504]. Именно эту опасность задолго предсказывал Ф.В. Ницше, характеризуя «последнего человека», который приземлился в своем маленьком потребительском мире и уже не знает, что такое любовь, творчество, тоска, звезда [12, с. 11–13].

Правовой нигилизм имеет многопрофильные (в том числе психологические) детерминанты, поэтому его следует изучать на междисциплинарном и мультидисциплинарном уровне, с привлечением современных информационно-коммуникационных технологий. А учитывая массовость и многофакторность, катастрофогенность – с использованием BigData. Считаем, что результаты и последствия данного деструктивного явления можно предвидеть, ими нужно управлять.

Нужно уходить от сложившихся стереотипов и традиций понимания правового нигилизма только как негативного явления. Позитивность его в том, что он является своеобразной «лакмусовой бумажкой» выражения качества государства и права, степени их легитимности и эффективности в деле служения народу. Уровень правового нигилизма показывает степень оппозиционности последнего к власти и предупреждает о нарастающих негативных кризисных явлениях. Заставляет изучать и совершенствовать механизм функционирования государственно-гражданских

институтов, юридическую теорию и практику, активизирует борьбу с опасными для социума явлениями.

Заключение

Увеличение всевластия государства в условиях внешней военной угрозы, санкций, пандемий ведет к росту правового нигилизма на всех уровнях социальной действительности. Выход – совершенствование объективных и субъективных факторов, связанных с легальностью, легитимностью, социальной направленностью государства, улучшением идеологического, патриотического, гражданского, правового воспитания. Необходимо разработать на государственном уровне доктринальный, законодательный, правоприменительный аспекты решения проблемы. Создать цифровой механизм-мониторинг объективного, репрезентативного определения уровня правового нигилизма и перечень неотложных мер по преодолению негативных последствий, направленных на оздоровление общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
2. Глинка, Ф. Н. Письма русского офицера / Ф. Н. Глинка. – Смоленск : [б. м.], 1946. – 381 с.
3. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Т. II (1772–1903) / пад рэд. Н. М. Нікольскага, Д. А. Дудкова, І. Ф. Лочмеля. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – 939 с.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1989. – 779 с.
5. Дворникова, О. А. Законы и религия: поиск компромиссов / О. А. Дворникова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 9. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-i-religiya-poisk-kompromissov> (дата обращения: 10.01.2022). – Загл. с экрана.
6. Демичев, Д. М. Деформация правосознания. Правовой нигилизм / Д. М. Демичев, А. А. Бочков // Общая теория права : учеб. пособие. – Минск : Вышэйшая школа, 2019. – С. 466–470.
7. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Лениздат, 2012. – 704 с.

8. Зеньковский, В. В. История русской философии. Т. I. Ч. 1 / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – 221 с.

9. Ильин, И. А. О сущности правосознания. В 10 т. Т. 4 / И. А. Ильин. – М. : [б. м.], 1993. – 235 с.

10. Ильичев, И. Е. Нигилизм: понятие и классификация / И. Е. Ильичев, С. А. Лазарева // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2017. – № 1 (73). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nigilizm-ponyatie-i-klassifikatsiya/viewer> (дата обращения: 10.01.2022). – Загл. с экрана.

11. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 528 с.

12. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Избранные произведения. Книга первая / Ф. Ницше. – М. : Итало-советск. изд-во «Сирин», 1991. – С. 3–258.

13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.

14. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Лань, 2000. – 608 с.

15. Поляков, А. В. Правонарушение и юридическая ответственность / А. В. Поляков // Общая теория права : курс лекций. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2001. – С. 599–621.

16. Розанов, В. В. Психология русского раскола / В. В. Розанов // Религия и культура. Т. I. – М. : Правда, 1990. – С. 47–81.

17. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

18. Сухарев, А. А. Услышать тихий шепот Вселенной / А. А. Сухарев. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машиера, 2018. – 152 с.

19. Тарас, А. Е. Краткий курс истории Беларуси IX–XXI вв. / А. Е. Тарас. – Минск : Харвест, 2016. – 542 с.

20. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2 / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская Энциклопедия, 1962. – 576 с.

21. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 3 / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская Энциклопедия, 1964. – 584 с.

22. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 4 / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Советская Энциклопедия, 1967. – 592 с.

23. Франк, С. Л. Этика нигилизма : (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) / С. Л. Франк. – М. : Правда, 1990. – С. 77–110.

24. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. – Мінск : БелЭн, 1994. – 537 с.

25. Этнопсихологический словарь. Белорусы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rus-ethnopsychology-dict.slovaronline.com/70-белорусы> (дата обращения: 10.01.2022). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.

2. Glinka F.N. *Pis'ma russkogo oficera* [Letters of a Russian Officer]. Smolensk, s. n., 1946. 381 p.

3. *Dokumenty i materialy pa gistoryi Belarusi. T. II (1772–1903)* [Documents and Materials of the History of Belarus. Vol. 2 (1772–1903)]. Minsk, Vydavstvo Akademii navuk BSSR, 1940. 939 p.

4. Dahl V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989. 779 p.

5. Dvornikova O.A. *Zakony i religiya: poisk kompromissov* [Laws and Religion: The Search for Compromises]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-i-religiya-poisk-kompromissov> (accessed 10 January 2022).

6. Demichev D.M., Bochkov A.A. *Deformaciya pravosoznaniya. Pravovoj nigilizm* [Deformation of Legal Consciousness. Legal Nihilism]. *Obshchaya teoriya prava : ucheb. posobie*. Minsk, Vyshejschaya shkola Publ., 2019, pp. 466–470.

7. Dostoevsky F.M. *Idiot*. Saint Petersburg, Lenizdat Publ., 2012. 704 p.

8. Zenkovsky V.V. *Istoriya russkoj filosofii. T. I. Ch. 1* [History of Russian Philosophy. Vol. 1. Part 1]. Leningrad, Ego Publ., 1991. 221 p.

9. Ilyin I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya. V 10 t. T. 4* [On the Essence of Legal Consciousness. In 10 Vols. Vol. 4]. Moscow, s. n., 1993. 235 p.

10. Ilyichev I.E., Lazareva S.A. *Nigilizm: ponyatie i klassifikaciya* [Nihilism: Concept and Classification]. *Vestnik S.-Peterb. un-ta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nigilizm-ponyatie-i-klassifikatsiya/viewer> (accessed 10 January 2022).

11. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Izd. dom «Delo» RANKhiGS, 2016. 528 p.

12. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra. Izbrannye proizvedeniya. Kniga pervaya* [Thus Spoke

Zarathustra. The First Book]. Moscow, Italo-sovetsk. izd-vo «Sirin», 1991, pp. 3-258.

13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka : ok. 57 000 slov* [Dictionary of the Russian Language. Approximately 57,000 Words]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1987. 797 p.

14. Petrazhitsky L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti* [Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morality]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2000. 608 p.

15. Polyakov A.V. *Pravonarushenie i yuridicheskaya otvetstvennost'* [Offense and Legal Responsibility]. *Obshchaya teoriya prava : kurs lektsyi* Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press» Publ., 2001, pp. 599-621.

16. Rozanov V.V. *Psihologiya russkogo raskola* [Psychology of the Russian Schism]. *Religiya i kul'tura. T. I* [Religion and Culture. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 47-81.

17. Sorokin P. *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.

18. Sukharev A.A. *Uslyshat' tihij shyopot Vselennoj* [To Hear the Quiet Whisper of the Universe]. Vitebsk, VGU im. P.M. Masherova, 2018. 152 p.

19. Taras A.E. *Kratkij kurs istorii Belarusi IX–XXI vv.* [A Short Course in the History of Belarus

of the 9th – 21st Centuries]. Minsk, Harvest Publ., 2016. 542 p.

20. Konstantinov F.V., ed. *Filosofskaya enciklopediya. V 5 t. T. 2* [Philosophical Encyclopedia. In 5 Vols. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1962. 576 p.

21. Konstantinov F.V., ed. *Filosofskaya enciklopediya. V 5 t. T. 3* [Philosophical Encyclopedia. In 5 Vols. Vol. 3]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 584 p.

22. Konstantinov F.V., ed. *Filosofskaya enciklopediya. V 5 t. T. 4* [Philosophical Encyclopedia. In 5 Vols. Vol. 4]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1967. 592 p.

23. Frank S.L. *Etika nigilizma: (K karakteristike npravstvennogo mirovozzreniya russkoj intelligencii)* [Ethics of Nihilism (To Characterize the Moral Worldview of the Russian Intelligentsia)]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 77-110.

24. *Encyklopedyya gistoryi Belarusi. U 6 t. T. 2* [Encyclopedia Histories of Belarus. In 6 Vols. Vol. 2]. Minsk, BelEn Publ., 1994. 537 p.

25. *Etnopsihologicheskij slovar'. Belorusy* [Ethnopsychological Dictionary. Belarusians]. URL: <https://rus-ethnopsychology-dict.slovaronline.com/70-белорусы> (accessed 10 January 2022).

Information About the Authors

Alexander A. Bochkov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Prosp. Moskovsky, 33, 210038 Vitebsk, Belarus, mother15021933@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5634-3318>

Andrey A. Sukharev, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of History and Theory of Law, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Prosp. Moskovsky, 33, 210038 Vitebsk, Belarus, andrejsuharev324@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0336-2253>

Информация об авторах

Александр Александрович Бочков, кандидат философских наук, доцент, декан юридического факультета, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, просп. Московский, 33, 210038 г. Витебск, Республика Беларусь, mother15021933@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5634-3318>

Андрей Александрович Сухарев, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и теории права, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, просп. Московский, 33, 210038 г. Витебск, Республика Беларусь, andrejsuharev324@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0336-2253>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.6>

UDC 341+340.132.233
LBC 67.99

Submitted: 10.01.2021
Accepted: 26.01.2022

PRIORITY OF INTERNATIONAL OR NATIONAL LAW

Elvina R. Karshieva

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Introduction: the priority role in the legal system of most countries all over the world is assigned to the basic law as a priority source of law. In practice, disputes often arise regarding the priority of applying the provisions of national or international law which prompts the author to define the **goal**, to understand which type of law is more significant. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of analysis and comparative law. **Results:** in the modern world, there is a well-established opinion that international legal provisions have exceptional priority over the national ones. At the same time, the legal systems of countries face contradictions in this regard and use arbitrary interpretations of such a trend. **Conclusions:** in the scientific community, the three most stable opinions have been formed on the interpretation of the importance of national law over international law. The first theory says that national law is always more important than international law, the second is based on the fact that these categories should be applied in practice equally, the third theory emphasizes that the norms of international law should adapt to the national legislation.

Key words: constitution, state, international treaties, international law, national legislation, law, lawmaking, rule of law, convention.

Citation. Karshieva E.R. Priority of International or National Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 47-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.6>

УДК 341+340.132.233
ББК 67.99

Дата поступления статьи: 10.01.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

ПРИОРИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Эльвина Рашитовна Каршиева

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Введение: приоритетная роль в правовой системе большинства стран мира закреплена за основным законом как приоритетным источником права. На практике же довольно часто возникают споры относительно приоритетности применения положений национального или международного права. Что и наталкивает автора определить **цель** понять, какой вид права является более значимым. **Метод:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** в современном мире устоялось мнение, что международные правовые положения имеют исключительный приоритет над национальными. Вместе с тем правовые системы стран сталкиваются с противоречиями на этот счет и используют произвольные варианты трактовки такой тенденции. **Вывод:** в научной среде сформировалось 3 наиболее устойчивых мнения на счет трактовки значимости права национального в сравнении международным. Первая теория говорит о том, что национальное право всегда значимее права международного; вторая базируется на том, что данные категории должны применяться на практике в равной степени; третья теория делает акцент на том, что нормы международного права должны адаптироваться под национальное законодательство.

Ключевые слова: конституция, государство, международные договоры, международное право, национальное законодательство, право, законотворчество, правовое государство, конвенция.

Цитирование. Каршиева Э. Р. Приоритет международного или национального права // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 47–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.6>

Большинство современных конституций стран мира затрагивают аспекты применения международного права в национальном законодательстве. Вместе с тем существуют различные подходы к трактовке и правоприменению международных норм к внутренней нормативно-правовой базе. Несмотря на разность интерпретаций, устоялось мнение, что международное право имеет исключительный приоритет над правом национальным.

Позиция государств по международным договорам

В современной мировой практике основные законы большинства стран мира можно классифицировать на 3 категории. Первая категория стран оставляет в приоритете внутреннюю законодательную базу, в отличие от международной. В частности, сюда можно отнести Данию. Чтобы урегулировать законодательные вопросы, учитывается мнение большинства членов нижней палаты парламента [3]. Обратим внимание на то, что в таких странах для ратификации международного договора необходимо принятие соответствующего решения парламента, в противном случае такой договор не будет иметь юридической силы в стране.

Вторая группа государств отличается тем, что здесь международные соглашения и внутренние, национальные нормативно-правовые акты наделены одинаковой юридической силой. Так, к этой группе относим конституцию Польши – «Статья 87. 1. Источниками статутного права Республики Польша являются: Конституция, законы ратифицированных международных договоров, а также положения» [4] и Бельгии. Необходимо отметить, что в таком подходе интересно, что будет действовать последняя правовая норма.

Что касается последней группы стран, то здесь положения международных соглашений, договоров прописаны в национальном законодательстве. Такая практика активно применялась сразу после Второй мировой войны, а наиболее заметным примером для изучения можно назвать Германию. В основном законе страны, а речь идет о 25-й статье, говорится о том, что вступившие в силу нормы международного права неразрывно связаны с

национальным законодательством [6]. Подобная правовая практика применяется и в современной Португалии.

Отдельно отметим, что нередко на практике положения международных соглашений вступают в определенные противоречия с национальным законодательством стран [6].

Что же касается практических трудностей, связанных с реализацией национального и международного права, то в мировой практике для разграничения приоритетов ученые предлагают использовать следующий подход. Рекомендуются упорядочить национальную нормативно-правовую базу, адаптируя ее под те или иные положения, изложенные в международных договорах. Такой подход позволяет на практике повысить эффективность права, а также исключить возможные противоречия и трудности, с которыми рано или поздно сталкиваются государственные органы власти. При этом такой подход к устранению несовершенств не обязательный, а имеет рекомендательный характер [8, с. 45].

Подобные рекомендации в свое время были изложены во введении к Венской конвенции, которая была посвящена международному праву [2]. В обозначенном международном документе шла речь о том, что для более эффективной реализации международных прав государствам необходимо предпринимать совместные меры по оптимизации правовой системы, для более эффективного применения права на практике.

Подобные тезисы о консолидации усилий государств в вопросе исполнения права нашли свое отражение и в утвержденном Уставе ООН, где были более детально прописаны механизмы реализации подобных мероприятий, уделялось внимание вопросам усовершенствования национального и международного права, а также другим профильным аспектам, включая международное взаимодействие по данному вопросу.

Конституция Российской Федерации и международные договоры

В пункте 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации 1993 г. закреплено общее правило о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и между-

народные договоры Российской Федерации являются неотъемлемой частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые закреплены законом, то вступают в силу правила международного договора» [5].

Выделим некоторые конституции, в которых часть национального права рассматривается только как международные договоры, это например, Конституция США (ст. 6), Аргентины (ст. 31), Болгарии (ст. 5), Швейцария (ст. 113), Япония (ст. 98). Также есть случаи, когда эти положения приняты только в отношении международных норм, например, в конституции Австрии (ст. 9), Сомали (ст. 19), Узбекистана (преамбула), Эстонии (ст. 3). Конституция России идет совсем другим путем, так в ней часть своего национального права принято считать в качестве международных договоров и норм международного права, что не встречается в других конституциях.

В России международное право интегрируется в национальное, что редко встретишь в мировой практике.

Национальная правовая система опирается на принципы того, что приоритет международному праву над национальным может быть применен только в случае выявления сильных противоречий и разночтений в понимании прописанных норм.

Далее предлагаем проанализировать положения основного закона страны, касающиеся гражданских прав и свобод. Так, речь идет о 2-й главе Конституции РФ, где говорится о том, что соблюдение гражданских прав и свобод в стране осуществляется на основе национального и международного законодательства (ч. 1 ст. 17).

Если же проанализировать Федеральный закон № 54 «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», который вступил в силу 30 марта 1998 г., можно понять, что наша страна принимает положения Конвенции как базис национальной правовой системы (ст. 1). Не стоит забывать и о том, что представленное ранее правовое положение должно быть детализировано в определенных нормах основного закона более детально, что это предполагалось

изначально. Из сказанного выше можно резюмировать два взаимосвязанных вывода: в России целесообразно обозначенную ранее Конвенцию следует использовать в правовой практике как международный нормативно-правовой акт, который имеет несколько большую юридическую силу, чем национальные законы. Также России необходимо придерживаться международных стандартов в вопросе соблюдения итоговых положений Европейского Суда, а также использовать на практике рекомендации правоприменительной практики.

Общеизвестный правовой факт, что основным законом страны на территории России имеет исключительную или высшую юридическую силу. При этом любая внутренняя нормативно-правовая база должна дополнять и пояснять расширенно положения Конституции, но никак не противоречить ее положениям. Данные тезисы и утверждения детально отражены во второй части первого пункта 5-й статьи Конституции. Однако если на практике будет применяться дословное понимание представленной ранее нормы, добиться сбалансированности применения национального и международного права будет практически невозможно, ввиду того, что отдельные положения Конституции будут иметь приоритет над международными нормативно-правовыми актами [1, с. 92].

Однако, как справедливо акцентировано в Комментарий к Конституции Российской Федерации, «указанное положение (ч. 2, абз. 1, ст. 15) лишь конкретизирует довод о высшей юридической силе Конституции Российской Федерации» [1, с. 94]. Дополнительно акцентируем внимание на то, что представленное ранее положение прописывает приоритет основного закона, который распространяется исключительно на национальную нормативно-правовую базу, а также на отдельные международные нормы права, интегрированные в российское законодательство.

Данный тезис находит свое фактическое подтверждение некоторыми Регламентами Конституционного суда нашей страны. В частности, обратимся к Постановлению КС РФ № 8-П13, вступившему в силу 27.03.2012 г., где говорится о том, что основным законом стра-

ны не предполагает внедрение прямой процедуры заключения, реализации и полного прекращения международных правовых актов РФ. Такие вопросы относятся к компетенции федерального законодательного органа, который имеет прямые полномочия в исполнении представленных правовых положений. Отдельного внимания заслуживает и то, что такие меры не должны противоречить положениям Конституции [7].

Сегодня праведы активно задаются вопросом, имеются ли подобные полномочия у Европейского суда по правам человека.

При анализе представленной информации становится ясно, что в современной правовой практике некоторые положения Конвенции о границах вмешательства судов во внутреннее законодательство страны являются не предельно однозначными. Отдельные положения, которые были внесены в последние годы, носят более поверхностный, субъективный характер. Подобные тенденции порождают на практике проблемы уровня признания отдельных правовых положений Европейского суда по правам человека. В частности, такой порядок должен применяться идентично ко всем странам, без оглядки, где было определено данное положение. Но на практике четкого и последовательного механизма для реализации этих мер пока нет.

Возвращаясь вновь к изучению положений ФЗ № 54 «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», можно констатировать, что российский законодательный орган признает положения Конвенции как базис для формирования и развития национальной нормативно-правовой базы, а также подтверждает исключительную юрисдикцию ЕС по вопросам толкования и реализации вышеобозначенной Конвенции (ст. 1) [9]. Данную норму нам необходимо раскрывать именно так, как она написана, в рамках заложенного в ней правового смысла; так, Конвенция – это международный акт и применять ее как акт над законом, но в соответствии с Конституцией РФ Конвенция является актом высшей юридической силы. Далее, необходимо соблюдать все окончательные решения ЕВПЧ в правоохранительной деятельности, а также в деятельности судов.

В нашей стране трактовка положений Конвенции и решений ЕСПЧ базируется на том, что это обязательные к исполнению положения, которые имеют приоритетное значение. При этом решения национальных судов должны быть всегда обоснованными. Что же касается Конституционного суда России, то он может принять такие постановления только тогда, когда данные положения не вступают в смысловой конфликт с основным законом, что также детально прописано в ст. 15 и 120 основного закона.

Резюмируя, отметим, что определяя значимость и первостепенность национального или международного права, следует руководствоваться стандартами о том, что международные положения приобретают приоритет только в том случае, если в российском законодательстве нет однозначной трактовки по анализируемому вопросу. Подобная практика применяется и к решениям ЕСПЧ КС РФ, что дает возможность улучшить качество защиты гражданских прав и свобод, но такой порядок применим только в ситуациях, когда это не противоречит основному закону России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов, А. Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) : с комментариями Конституционного суда РФ / А. Б. Борисов. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 495 с.
2. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – С. 772.
3. Конституция Датского королевства 1953 года // Конституции государств Европейского союза. – М. : Норма-Инфра-М, 2009. – С. 297–314.
4. Конституция Республики Польша 1997 года // Конституции государств Европейского союза. – М. : Норма-Инфра-М, 2009. – С. 245–261.
5. Конституция РФ : Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2021).
6. Основной закон Федеративной республики Германия от 23 мая 1949 года. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://legalns.com/cons/germany.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 07.11.2021).

8. Талалаев, А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. – М.: Наука, 1985. – 349 с.

9. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Официальный интернет-портал правовой информации – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2021).

5. Konstitutsiya RF: Priniata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.: (s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 (With Changes Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020)]. *Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet Portal of legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 1 November 2021).

6. *Osnovnoi zakon Federativnoi respubliki Germaniya ot 23 maya 1949 goda* [Basic Law of the Federal Republic of Germany of May 23, 1949]. URL: <https://legalns.com/cons/germany.pdf> (accessed 1 December 2021).

7. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 marta 2012 g. № 8-P «Po delu o provere konstitutsionnosti punkta 1 stati 23 Federalnogo zakona «O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiiskoi Federatsii» v svyazi s zhaloboi grazhdanina I.D. Ushakova» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P Dated March 27, 2012 “In the Case of Checking the Constitutionality of Paragraph 1 of Article 23 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation ‘In Connection with the Complaint of Citizen I.D. Ushakov””]. *Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <https://legalacts.ru> (accessed 7 November 2021).

8. Talalaev A.N. *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov: deistvie i primeneniye dogovorov* [The Law of International Treaties: The Operation and Application of Treaties]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 349 p.

9. Federalnyi zakon ot 30 marta 1998 g. № 54-FZ «O ratifikatsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i Protokolov k nei» [Federal Law No. 54-FZ Dated March 30, 1998 “On the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols Thereto”]. *Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 1 November 2021).

REFERENCES

1. Borisov A.B. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (postateinyi): s kommentariami Konstitutsionnogo suda RF* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation (Itemized). With Comments of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow, YurLitinform Publ., 2009. 495 p.

2. Venskaia Konventsiia o prave mezhdunarodnykh dogovorov (Vena, 23 maia 1969 g.) [Convention on the Law of Treaties (Vienna, 23 May 1969)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1986, no. 37, p. 772.

3. Konstitutsiya Datskogo korolevstva 1953 goda [Constitution of the Danish Kingdom of 1953]. *Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo soyuza* [Constitutions of the States of the European Union]. Moscow, Norma-Infra-M Publ., 2009, pp. 297-314.

4. Konstitutsiya Respubliki Polsha 1997 goda [Constitution of the Republic of Poland, 1997]. *Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo soyuza* [Constitutions of the States of the European Union]. Moscow, Norma-Infra-M Publ., 2009, pp. 245-261.

Information About the Author

Elvina R. Karshieva, Postgraduate Student, Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, elvina_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7089-8878>

Информация об авторе

Эльвина Рашитовна Каршиева, аспирант кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, elvina_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7089-8878>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.7>

UDC 343.74

LBC 67.408.131

Submitted: 12.12.2021

Accepted: 10.01.2022

**CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY:
PROBLEMS OF THE LEGISLATIVE REGULATION (ARTICLES 207.1 AND 207.2
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Olga A. Yakovleva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: relations falling under a specific field of activities are regulated from the standpoint of various branches of law. And if violations occur in the sphere of this activity, then new components of administrative and criminal illegal acts are created, which establish prohibitions and measures of influence on offenders. But, unfortunately, the need for proper interpretation and explanation of the amendments and additions to the legislation is not taken into account. In this regard, in practice, there are problems associated with the qualification of the acts in question. The **purpose** of the work is to analyze the problems of the legislative regulation of crimes against public safety. **Methods:** the methodological framework for the study includes a whole range of methods of scientific cognition, among which the methods of system analysis and synthesis are of fundamental importance. **Results:** the paper presents a criminal law analysis of the elements of crimes against public safety related to the dissemination of deliberately false socially significant information, which entails socially dangerous consequences. The necessity of the correct formulation in the law of the element characterizing the sign of “publicity” is emphasized; fixing in the Criminal Code of the Russian Federation the grounds for the release of a person for committing the acts in question. **Conclusions:** 1) when introducing innovations to the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to conduct a comprehensive analysis of signs and elements to prevent the accumulation of “dead” components in the legislative acts of the country; 2) fix in a note to Article 207.1 the grounds for the release from criminal prosecution of a person who has committed a crime for the first time if they have smoothed out the harm caused by making a public apology or refuting the reliability of previously disseminated information.

Key words: public safety, crimes, information, false information, publicity.

Citation. Yakovleva O.A. Crimes Against Public Safety: Problems of the Legislative Regulation (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 52-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.7>

УДК 343.74

ББК 67.408.131

Дата поступления статьи: 12.12.2021

Дата принятия статьи: 10.01.2022

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
(ст. 207.1 И 207.2 УК РФ)**

Ольга Алексеевна Яковлева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: отношения, подпадающие под конкретную сферу деятельности, регулируются с позиций различных отраслей права. И если возникают нарушения в сфере этой деятельности, то создаются новые составы административных и уголовных противоправных деяний, которые устанавливают запреты и меры воздействия на правонарушителей. Но, к сожалению, не принимается во внимание необходимость должного толкования и разъяснения внесенных изменений и дополнений в законодательство. В этой связи на практике возникают проблемы, связанные с квалификацией рассматриваемых деяний. В работе поставлена **цель** –

проанализировать проблемы законодательной регламентации преступлений против общественной безопасности. **Методы:** в методологическую основу данного исследования входит целый комплекс методов научного познания, среди которых основополагающее значение занимают методы системного анализа, синтеза. **Результаты:** в работе представлен уголовно-правовой анализ признаков преступлений против общественной безопасности, связанных с распространением заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшим общественно-опасные последствия. Подчеркнута необходимость правильного формулирования в законе признака, характеризующего признак «публичности»; закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации основания освобождения лица за совершение рассматриваемых деяний. **Выводы:** 1) при внесении новелл в УК РФ необходимо проводить всесторонний анализ признаков и элементов для недопущения накопления «мертвых» составов в законодательных актах страны; 2) закрепить в примечании к ст. 207.1 основания освобождения лица от уголовной ответственности впервые совершившего преступление, если им сглажен причиненный вред путем принесения публичных извинений либо опровержения достоверности ранее распространенных сведений.

Ключевые слова: общественная безопасность, преступления, информация, ложная информация, публичность.

Цитирование. Яковлева О.А. Преступления против общественной безопасности: проблемы законодательной регламентации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 52–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.7>

Введение

Как известно, отношения, подпадающие под конкретную сферу деятельности, регулируются с позиций различных отраслей права. Создаются новые составы административных и уголовных противоправных деяний, но, к сожалению, не принимается во внимание необходимость должного толкования и разъяснения внесенных изменений. В этой связи на практике возникают вопросы, связанные с квалификацией рассматриваемых деяний. В апреле 2020 г. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации введены административные составы и преступные деяния, устанавливающие запрет на публичное распространение заведомо ложной информации.

Законодательные новеллы

Так, ст. 13.15 КоАП РФ дополнена пунктами 10.1, 10.2 и 11 [2], которые регламентируют распространение заведомо ложных данных в средствах массовой информации. В свою очередь, в УК РФ вошли ст. 207.1 и 207.2, предусматривающие ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также публичное распространение

заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия [6].

Полагаем, что введение новых норм права, так или иначе, связано со свободой слова, которое гарантировано Конституцией Российской Федерации. Согласно ст. 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, при этом запрещены пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [3].

Распространение недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, не находясь под прямым запретом Конституции Российской Федерации. Введение юридической ответственности за такие действия косвенным образом способствуют установлению цензуры.

Уголовно-правовая характеристика признаков деяний, предусмотренных ст. 207.1, 207.2

В рамках данной работы хотелось бы обратить внимание именно на изменения,

затронувшие уголовно-правовой аспект, поскольку на сегодняшний день данные составы преступлений можно считать «мертвыми», в связи с чем встает вопрос о целесообразности их внесения. Для более четкого понимания проблем, возникающих при квалификации данных преступных деяний, рассмотрим данные составы по признакам и элементам.

Итак, начнем с определения объекта названных преступлений. На основании того, что данные составы внесены в раздел 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», можно прийти к выводу, что родовым объектом выступает общественная безопасность как состояние защищенности социальных ценностей от любых угроз. В рамках главы 24 видовым объектом будет считаться общая безопасность. При этом выделение конкретного вида безопасности не представляется возможным, поскольку, согласно примечанию статьи, это может быть как экологическая безопасность, так и эпидемиологическая. Отсюда возникает сомнение по поводу внесения в УК РФ статьи, объект которой невозможно определить однозначно. Данный факт создает не только массу проблем в вопросах ее применения, но и порождает проблемы толкования, что непосредственно ведет к неприменению состава на практике.

Еще одним из наиболее важных вопросов, касающихся объективных признаков рассматриваемых нами составов, является публичность. Важно указать, что она в юридической науке на протяжении уже долгого времени является предметом споров и дискуссий. 30 апреля 2020 г. Президиум Верховного суда РФ утвердил обзор по отдельным вопросам судебной практики, где разъяснил критерий публичности в рамках составов, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. Так, было указано, что распространение заведомо ложной информации признается публичным, если оно было адресовано группе или неограниченному кругу лиц, а также было выражено в любой доступной для них форме [4]. В данном случае возникает смешение критериев «массовости» и «публичности», что снова порождает ряд вопросов и сомнений касательно содержания объективных признаков рас-

сматриваемых составов. Помимо этого, требуется уточнение содержания признака «иные тяжкие последствия», предусмотренного ч. 2 ст. 207.2 УК РФ.

Вопрос относительно субъекта преступления по смыслам составов 207.1 и 207.2 УК РФ возникает именно в случае его определения как общего или специального. Для четкого понимания данного аспекта необходимо уточнение природы полученной информации. Иными словами, откуда субъект преступления взял распространенные им ложные данные и на каком уровне он их публично озвучил. На данный момент, по смыслу рассматриваемых статей, можно прийти к выводу, что преступление может совершить как должностное лицо, так и обычный гражданин, и при этом их ответственность будет равнозначной, что, на наш взгляд, недопустимо.

Что касается субъективной стороны деяния, предусмотренного ст. 207.1, невыясненным остается вопрос осознанности угрозы, которую лицо вносит в массы. В свою очередь, ст. 207.2 создает иную проблему, а именно: считать ли преступление совершенным с двойной формой вины или по неосторожности, понимая публичное распространение под видом достоверных сообщений с заведомо ложно общественно значимой информацией как проступок (13.15 КоАП РФ) или уголовно-правовое деяние (207.1 УК РФ). С точки зрения правоприменительной практики необходимо также обозначить момент окончания деяния, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ.

Выводы

Учитывая, на наш взгляд, либеральные тенденции последних десятилетий уголовной политики Российского государства [7, с. 137–138], законодателю следует учесть необходимость закрепления в ст. 207.1 УК РФ специального основания, определяющего границы уголовной ответственности в виде примечания [1, с. 9]. Данное основание закрепит возможность освободить от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее преступление, если им сглажен причиненный вред путем принесения публичных извинений либо опровержения достоверности ранее распространенных сведений. Кроме того, данный за-

конодательный шаг развеет мнение ученых о репрессивном уклоне российской уголовной политики, объясняющих это тем, что законодательство устанавливает уголовную ответственность за любые социально неприемлемые явления [5, с. 88–94].

Таким образом, при внесении новелл в УК РФ необходимо проводить всесторонний анализ признаков и элементов для недопущения накопления «мертвых» составов в законодательных актах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности: учебно-методическое пособие / Х. Д. Аликперов. – М.: Московский психолого-социальный институт: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 128 с.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: (ред. от 01.07.2021). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2021).

3. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2021).

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции № 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28883. – Загл. с экрана.

5. Рарог, А. И. Уголовно-правовые меры противодействия преступности / А. И. Рарог // Научный журнал Байкальского государственного университета «Всероссийский криминологический журнал». – 2014. – № 3. – С. 88–95. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19507>. – Загл. с экрана.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 31 июля 2020 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2021).

7. Яковлева, О. А. Принципы уголовно-правовой политики и ее соотношение с уголовным правом / О. А. Яковлева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2015. – № 3 (28). – С. 137–141.

REFERENCES

1. Alikperov Kh.D. *Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti: uchebno-metodicheskoe posobie* [Exemption from Criminal Liability. Study Guide]. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut: IPK RK General'noy prokuratury RF; Voronezh, NPO «MODEK», 2001. 128 p.

2. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya.2001 g. № 195-FZ: (red. ot 01.07.2021)[Code of the Russian Federation on Administrative Offences No. 195-FZ Dated December 30, 2001 (As Amended on July 1, 2021)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 19 October 2021).

3. Konstitutsyya Rossijskoj Federatsyi (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993: s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on July 1, 2020)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 19 October 2021).

4. Obzor po otdelnym voprosam sudebnoj praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatelstva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniya na territorii RF novej koronavirusnoj infektsii № 2 [Review of Selected Issues of Judicial Practice Related to the Application of Legislation and Measures to Counter the Spread of New Coronavirus Infection No. 2 in the Territory of the Russian Federation]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28883.

5. Rarog A.I. Ugolovno-pravovye меры protivodejstviya prestupnosti [Criminal Law Measures to Combat Crime]. *Nauchnyj zhurnal Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta «Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal»* [Scientific Journal of the Baikal State University "All-Russian Criminological Journal"], 2014, no. 3, pp. 88-95. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19507>.

6. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsyi ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 31 iyulya 2020 g.) [The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ Dated June 13, 1996 (As Amended on July 31, 2020)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 19 October 2021).

7. Yakovleva O.A. Printsipy ugolovno-pravovoy politiki i ee sootnoshenie s ugolovnym pravom [Principles of Criminal Law Policy and its Relationship with Criminal Law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*, 2015, no. № 3 (28), pp. 137-141.

Information About the Author

Olga A. Yakovleva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olgayakovlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6833-5005>

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Яковлева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olgayakovlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6833-5005>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.8>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 29.12.2021
Accepted: 26.01.2022

THE CONCEPT OF CONVERGENCE OF CRIMINAL PROCEDURE LAW WITH OTHER BRANCHES OF PROCEDURAL LAW

Aliya R. Sharipova

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Introduction: excessive variability of the criminal procedure legislation against the background of other branches, the need to take into account pre-trial court decisions, and unified processes of digitalization in justice have actualized the study of the possibility of convergence of four procedural branches of law. The **purpose** of the work is to develop the key provisions of the concept of convergence, i.e. coming together of criminal procedural law with civil procedural, arbitration procedural, and administrative procedural law. The approximation of criminal procedure law to other procedural branches due to the unification of a number of intersectoral institutions should serve the task of improving the quality of justice. **Methods:** the defining method of research is the method of comparative jurisprudence. The most important institutions of the “judicial” part of the criminal procedure are compared with their branch counterparts from other procedural branches of law. The research also uses the methods of historicism, system-structural analysis, and synthesis. **Results:** for some universal procedural institutions, fundamental differences in normative consolidation have been identified, the manifestations of which reduce the quality of justice in criminal cases. The gradual borrowing of the techniques tested in them into the criminal procedure from other branches can ensure procedural convergence without creating supra-sectoral structures of judicial law. **Conclusions:** the author proposes the ways of convergence of the criminal procedure “split off” from the rest of the procedural branches. A preliminary legislative examination of the impact on the identity of the normative consolidation of universal intersectoral institutions should be applied to draft laws on amendments to any procedural code. The joint scientific development of intersectoral problems in procedural law and the development by the law enforcer of unified approaches in “judicial” law will contribute to the convergence of not only the law but also science and law.

Key words: convergence, judicial law, universal institutions, criminal procedure, arbitration procedure, civil procedure, administrative procedure.

Citation. Sharipova A.R. The Concept of Convergence of Criminal Procedure Law With Other Branches of Procedural Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 57-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.8>

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 29.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

КОНЦЕПЦИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА С ИНЫМИ ОТРАСЛЯМИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Алия Рашитовна Шарипова

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Введение: чрезмерная изменчивость уголовно-процессуального законодательства на фоне других отраслей, необходимость учета преюдициальных судебных решений и единые процессы цифровизации в правосудии актуализировали исследование возможности конвергенции четырех процессуальных отраслей права. **Цель** работы состоит в разработке ключевых положений концепции конвергенции, то есть сближения, уголовно-процессуального права с гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным и административным процессуальным. Приближение уголовно-процессуального права к иным процессуальным отраслям за счет унификации ряда межотраслевых институтов должно служить

задаче повышения качества правосудия. Определяющим **методом** исследования выступил метод сравнительного правоведения. Сопоставлены важнейшие институты «судебной» части уголовного процесса с их отраслевыми аналогами из других процессуальных отраслей права. Также в исследовании использованы методы историзма, системно-структурного анализа и синтеза. **Результат:** по ряду универсальных процессуальных институтов выявлены принципиальные различия нормативного закрепления, проявления которых снижают качество правосудия по уголовным делам. Постепенное заимствование в уголовный процесс из других отраслей опробованных в них приемов способно без создания надотраслевых структур судебного права обеспечить процессуальную конвергенцию. **Выводы:** предложены пути сближения «отколотого» от остальных процессуальных отраслей уголовного процесса. Предварительная законотворческая экспертиза влияния на тождество нормативного закрепления универсальных межотраслевых институтов должна применяться к законопроектам о внесении изменений в любой процессуальный кодекс. Совместная научная разработка межотраслевых проблем в процессуальном праве и выработка правоприменителем единых подходов в «судейском» праве будут способствовать конвергенции не только закона, но и науки и права.

Ключевые слова: конвергенция, судебное право, универсальные институты, уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс.

Цитирование. Шарипова А. Р. Концепция конвергенции уголовно-процессуального права с иными отраслями процессуального права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 57–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.8>

Введение

Необходимость исследования состояния разобщенности отечественных отраслей процессуального права, перспектив их конвергенции и создания соответствующей концепции основана на трех важнейших аргументах.

1. Изменчивость законодательства давно стала «общим местом» критики любых явлений в праве, однако реформирование процессуального законодательства показывает особые тенденции. Частота принятия изменений в УПК, АПК и ГПК нарастала одинаковыми темпами с момента их принятия и достигла максимума в 2013–2014 гг., но при этом в абсолютном значении реформирование УПК происходило на всем протяжении его действия на порядок чаще, чем остальных процессуальных кодексов. Это означает, что особая активность принятия уголовно-процессуальных новелл связана не только с происходящими в обществе и государстве изменениями, но и с тем, что УПК более других процессуальных законов нуждается в коррекции. С другой стороны, огромный вал принимаемых из года в год изменений в него просто не может образовывать какую-то логическую непротиворечивую систему, и решая одну проблему, каждая новелла порождает одну или две новые. В таких условиях необходим поиск смысла и ориентира реформирования процессуального законодательства и уголовно-процессуального в

особенности, а также формирование судебно-процессуальной политики.

2. Преюдиция – признанное во всех процессуальных отраслях правило, согласно которому обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, не нуждаются в доказывании. Необходимость признания установленных судебными решениями обстоятельств независимо от их отраслевой принадлежности обуславливает требование максимально возможной унификации их стандартов, особенно в отношении доказательств.

3. Важнейший процесс, происходящий в праве в последнее время и составляющий его ближайшее будущее – цифровизация. Цифровые технологии в юриспруденции формируются и развиваются вне отраслевых различий в самом праве. Поэтому внедрение их в судопроизводство сегодня предполагает либо вынужденное приспособление ко всем отраслевым особенностям разных сфер правосудия, либо максимальную унификацию правосудия в целом. Нетрудно предположить, что первое заметно менее продуктивно и более дорого, чем второе: приспособляться стоит лишь к тому, что действительно объективно необходимо.

Связь процессуальных особенностей с качеством правосудия

Современная парадигма существования и развития уголовно-процессуального права

предполагает само собой разумеющимся его значительное своеобразие в сравнении с правом арбитражным процессуальным, гражданским процессуальным и административным процессуальным, так что общепроцессуальные тренды законодательства и правоприменения либо не касаются вовсе уголовного процесса, либо затрагивают его «по касательной». К числу таких «трендов» можно отнести расширение оснований свидетельского иммунитета, развитие электронного документооборота, расширение доказательственных возможностей для состязющихся сторон вплоть до полного снятия каких-либо процедурных ограничений для представления ими доказательств в судебном разбирательстве и т. д.

Любые различия в нормативном закреплении сходных институтов уголовно-процессуального и других процессуальных отраслей права автоматически оправдываются материально-правовой спецификой разрешаемых в уголовном судопроизводстве юридических споров, в лучшем случае, или даже необходимостью борьбы с преступностью, в том числе и силами судебной власти, в худшем.

Однако правосудие не меняет своей главной сущности в зависимости от его вида, и любые процедурные различия должны быть не произвольными, а имеющими определенное объективное обоснование.

Полагаем, что следствием сохранения в уголовном судопроизводстве ряда безусловных его спецификой отличий от других производств является более низкое качество правосудия по уголовным делам в сравнении, в первую очередь с арбитражным [2, с. 3]. Среди этих параметров – как оценочные (справедливость), вывод по которым сделан нами на основании проведенного социологического исследования, так и измеримые (распределение дел между судьями, возможности информационной системы, политика использования телекоммуникационных технологий, соблюдение процессуальных сроков, пунктуальность суда и использование им процедур медиации) [5]. Уровень реализации последних, помимо проведенных нами опросов, оценен на основе статистических данных.

Необоснованные отраслевые различия нормативного закрепления универсальных процессуальных институтов

Целый ряд межотраслевых институтов разной степени схожести (универсальных и аналогичных по нашей классификации) в отраслевом воплощении имеют различия, причем если арбитражный, гражданский и административный процесс отличия между собой, в основном, изживают, то уголовный – на своих «настаивает». Ниже мы приведем несколько примеров необоснованных отличий, чтобы продемонстрировать, что необходимо изменение отношения к содержанию каждой в отдельности процессуальной отрасли, являющейся, несмотря на самостоятельность, частью чего-то большего, определяющего правосудие в стране в целом.

1. Только УПК среди всех процессуальных кодексов не определяет максимальный ординарный срок производства по делу в суде первой инстанции. В гражданском и административном процессе такой срок составляет 2 месяца, в арбитражном процессе – 6 месяцев. На следующем, более высоком уровне унификации, можно было бы сопоставлять величины этих сроков между собой и определять, есть ли основания для существования таких различий между ними, но пока основная проблема в другом. Почему три из четырех отраслей отечественного процесса предусматривают и всегда предусматривали такой срок, а одна – нет? Какими уникальными особенностями обладают уголовные дела, что нельзя даже приблизительно определить, сколько нужно времени суду для их рассмотрения хотя бы в большинстве случаев?

2. УПК содержит самый короткий перечень носителей свидетельского иммунитета, несмотря на то, что сам институт свидетельствования востребован в уголовном процессе на порядок выше, чем во всех остальных видах судопроизводства, вместе взятых. Широта свидетельского иммунитета – маркер одновременно и развитости правовой системы в целом [3], и гуманности процессуального доказывания, и независимости его судьбы от одного, наиболее субъективного, вида доказательств. Этот маркер демонстрирует

как непризнание в уголовном судопроизводстве ценности охраняемой тайны, так и придание избыточного значения роли свидетельских показаний в целом. Вопреки общепроцессуальному тренду, за последнее десятилетие в круг лиц, не подлежащих допросу, согласно УПК остались не включенными: федеральный и региональные уполномоченные по правам ребенка, федеральный и региональные уполномоченные по защите прав предпринимателей, медиаторы и судебные примирители.

3. Межотраслевая преюдиция при формально одинаковом признании во всех процессуальных отраслях в уголовно-процессуальном варианте не обеспечена нормами о возможности приостановления производства по делу до вступления в силу судебного акта, имеющего преюдициальное значение.

4. Несмотря на равный процессуальный статус государственных и негосударственных экспертов и отсутствие какого-то приоритета для одних перед другими в УПК абсолютное большинство привлекаемых по уголовным делам экспертов являются государственными. Неравенство государственных и негосударственных экспертов в уголовном судопроизводстве недвусмысленно поддержано в разъяснениях Верховного Суда РФ [4]. Эта особенность вместе с исключительно государственным финансированием процессуальной деятельности негативно сказывается на реализации состязательности в плане равных доказательственных возможностей для обвинения и защиты. Суды по уголовным делам назначают экспертизы по ходатайствам стороны защиты статистически реже, чем в любом другом виде судопроизводства.

5. Денежное взыскание – мера уголовно-процессуальной ответственности, по своей природе практически идентичная судебным штрафам, принятым в арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах. При этом институт денежного взыскания имеет необоснованно узкий круг лиц, на которых эта мера может быть наложена, не включающий должностных лиц государственных органов и прокурора, в отличие от судебных штрафов. Низкий недифференцированный размер, пробельность оснований наложения и отсут-

ствие порядка обжалования продолжают число недостатков нормативного закрепления денежного взыскания.

6. Абсолютно универсальный характер института пересмотра дела вышестоящими инстанциями в любом виде судебного процесса искажается следующими особенностями содержания соответствующих уголовно-процессуальных норм. Вместо указания на перечень лиц, имеющих право обжалования, через отсылку к перечню участников с дополнениями или изъятиями, УПК называет таких лиц «поименно»; документы обжалования в зависимости от подателей разделены на жалобы и представления; срок подачи апелляционной жалобы отличается от единого срока в один месяц, принятого в АПК, ГПК и КАС; отсутствует установленный срок рассмотрения дела судом апелляционной инстанции; излишними являются ограничение срока представления дополнительных жалоб, установление отдельной подсудности обжалования промежуточных актов и заявительный характер участия осужденного в заседании суда апелляционной инстанции; в качестве основания пересмотра в виде «неправильного применения норм материального и процессуального права», которое не должно иметь отраслевых особенностей, установлено «нарушение уголовного и уголовно-процессуального права». «Нарушение норм уголовного права» как основание отмены судебного акта выглядит особенно странно, ибо нарушать уголовный закон, по общему правилу, означает совершать преступление [1, с. 133]. Подобное указание, помимо прочего, выглядит еще и как грубая редакционная погрешность в тексте закона.

7. Совершенно идентичными должны быть основания пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, однако УПК не предусматривает ключевого и наиболее распространенного на практике вида вновь открывшихся обстоятельств – «существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны заявителю». Кардинально различается порядок обращения в суд с просьбой о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: только в уголовном процессе заинтересованные в этом лица должны прибегать к посред-

ству прокурора, а не адресовать свое обращение напрямую суду. Между тем прокурор как сторона обвинения может быть связан предыдущей обвинительной позицией своего ведомства. Например, в случае выявления лжесвидетельства, которое теоретически могло быть выявлено и при первоначальном производстве по делу. Думается, не случайно на практике фактический пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам, встречающийся крайне редко, может вуалироваться под инициацию прокурором пересмотра дел в надзорном порядке.

8. Институты судебных расходов в гражданском, административном и арбитражном процессах являются аналогичными институту уголовно-процессуальных издержек, но, помимо обусловленных спецификой различий, имеют и случайные отличия нормативного закрепления. Не имеющими объяснений межотраслевыми различиями регулирования являются: недостаточная нормативная разработанность и недостаточное обособление института в уголовно-процессуальном законе; отсутствие установленного порядка и сроков подачи заявления в суд о возмещении (взыскании) издержек; отсутствие указания на «разумные пределы» возмещения расходов на оплату представителей, оказывающих юридическую помощь, и, как следствие, неразработанность критериев таких пределов.

9. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является близким аналогом гражданского прекращения дела в связи с заключением мирового соглашения. Но при этом само примирение сторон происходит вне уголовного процесса и в непроцессуальной форме, что создает массу необоснованных отличий этого института от его отраслевых вариантов. Значительно более разработанное наукой и практикой гражданское мировое соглашение имеет следующие сравнительные достоинства относительно примирения сторон: обязательная письменная форма; наличие обязательного (об условиях, размере и сроке исполнения обязательств) и допустимого (о распределении судебных расходов, об отсрочке или о рассрочке исполнения обязательств, об уступке прав требования, о полном или частичном прощении либо при-

знании долга и санкции, об обязательствах, не являвшихся предметом спора, но связанных с ним) содержания; утверждение судом; заключение на любой стадии процесса, включая исполнение; допустимость исполнения в будущем; возможность принудительного исполнения; возможность заключения с одним из нескольких истцов или ответчиков.

Даже на примере уникальных уголовно-процессуальных институтов видно, что их своеобразие не является имманентным свойством соответствующей отрасли права, а зачастую формируется ситуативно в связи с негативными тенденциями правоприменительной практики и по ее запросу. Так, институт возвращения судом уголовного дела прокурору в первоначальной редакции УПК был близким аналогом гражданского возвращения судом искового заявления. В результате постепенного реформирования, начавшегося сразу же после вступления в силу УПК, смысл данного института полностью изменился, уподобив его в большей степени советскому возвращению дела судом для дополнительного расследования.

Перспективы конвергенции уголовно-процессуального права с гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным и административным процессуальным

Институциональный подход к конвергенции предполагает сближение уже существующих во всех четырех процессуальных отраслях институтов за счет избрания наилучшего варианта нормативного закрепления их, уже реализованных в какой-то отрасли. Такой способ конвергенции не подразумевает создания каких-то надотраслевых, суперотраслевых правовых структур с тем, чтобы не усложнять и так запутанные отраслевые взаимосвязи.

Конкретные пути реализации описанного подхода могут быть следующими.

1. Предварительная проверка законопроектов о внесении изменений и дополнений в любой из процессуальных кодексов должна проводиться для определения применимости новелл к остальным процессуальным законам,

их влияния на состояние универсальных и аналогичных институтов, соответствия цели конвергенции.

Современный опыт реформирования универсальных процессуальных институтов позволяет разделить все новеллы на 4 группы по их отношению к межотраслевой конвергенции:

– изолированное изменение нормативной регламентации одной из процессуальных отраслей при неизменности остальных;

– разделенное во времени, последовательное изменение нормативной регламентации одной отрасли за другой;

– одновременное изменение нормативной регламентации нескольких отраслей посредством разных изменяющих нормативных правовых актов;

– одновременное изменение нормативной регламентации нескольких отраслей посредством единого изменяющего нормативного правового акта.

Последняя группа изменений является пока самой редкой, но одновременно наиболее благоприятной для формирования единой судебной процессуальной политики и сближения отраслевого регулирования в процессуальном праве.

2. Межотраслевые научные исследования способствуют формированию единого понятийного аппарата, выработке общих рекомендаций для разных процессуальных отраслей, что способствует их конвергенции. Примеры зарубежной науки показывают успешную межотраслевую разработку, в первую очередь, вопросов доказательственного права, которая вполне возможна и востребована и в отечественной науке.

3. Наиболее далекой и сложно реализуемой перспективой конвергенции является сближение «судейского» права, которое переводит фокус с исключительно процессуального права и на право материальное. Главной проблемой межотраслевого отсутствия единообразия являются различные интерпретации одних и тех же норм материального права в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах. Случаев применения судами по уголовным делам норм материального неуголовного права больше, чем принято считать: это разре-

шение разнообразных гражданских исков, вопросы исчисления налогов, определения начала течения сроков исковой давности и др. Анализ примеров разных подходов к единым материально-правовым проблемам в уголовных делах и в иных видах судебных дел доказывает необходимость преодоления замкнутости судебной практики на самой себе внутри каждого из видов судопроизводства, недопустимость различного толкования материально-правовых норм в уголовном и других видах судопроизводства.

Выводы

Концепция «судебного права», сопровождающая в том или ином виде почти всю историю отдельного существования процессуального права, в настоящее время актуализировалась. Ее современная трактовка предполагает конвергенцию четырех процессуальных отраслей – уголовно-процессуального, арбитражного процессуального, гражданского процессуального и административного процессуального права. Наиболее значимым результатом такой конвергенции для правосудия по уголовным делам может стать повышение его качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дикарев, И. С. Предмет пересмотра судебных решений по уголовным делам в кассационном и надзорном порядках / И. С. Дикарев // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 1 (18). – С. 128–138.
2. Дмитриева, А. Исследование работы российских арбитражных судов методами статистического анализа / А. Дмитриева, К. Титаев, И. Четверикова. – СПб., 2012. – 108 с.
3. Тарасов, А. А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе как индикатор зрелости правовой системы / А. А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 2. – С. 123–132.
4. Тарасов, А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России / А. А. Тарасов. – М., 2017. – 128 с.
5. Measuring the quality of justice (on 7 December 2016) by European Commission for the efficiency of justice // Council of Europe official site. – Electronic data. – Mode of access: <https://rm.coe.int/1680747548> (date of access: 03.12.2021).

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Predmet peresmotra sudebnykh reshenij po ugovnym delam v kassatsyonnom i nadzornom poryadkakh [Subject of Revision of Court Decisions on Criminal Cases in Cassation and Supervisory Order]. *Biblioteka kriminalista* [Criminalist Library], 2015, no. 1 (18), pp. 128-138.

2. Dmitrieva A., Titaev K., Chetverikova I. *Issledovanie Raboty rossijskih arbitrazhnyh sudov metodami statisticheskogo analiza* [Research of the Work of Russian Arbitration Courts by Methods of Statistical Analysis]. Saint Petersburg, s. n., 2012. 108 p.

3. Tarasov A.A. Svidetelskij immunitet v ugovnom protsesse kak indikator zrelosti pravovoj sistemy [Evidence Immunity in Criminal Proceedings As an Indicator of the Maturity of the Legal System]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], 2021, no. 2, pp. 123-132.

4. Tarasov A.A. *Ekspert i spetsyalist v ugovnom protsesse Rossii* [Expert and Specialist in Criminal Proceedings in Russia]. Moscow, s. n., 2017. 128 p.

5. Measuring the Quality of Justice (On 7 December 2016) by European Commission for the Efficiency of Justice. *Council of Europe Official Site*. URL: <https://rm.coe.int/1680747548> (accessed 3 December 2021).

Information About the Author

Aliya R. Sharipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Bashkir State University, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru, rector@bsunet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

Информация об авторе

Алия Рашитовна Шарипова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, nord-wind23@mail.ru, rector@bsunet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.9>

UDC 351/74

LBC 67.401.133.12

Submitted: 01.12.2021

Accepted: 28.12.2021

DIGITALIZATION OF CIVIL TURNOVER IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL SOCIO-ECONOMIC PARADIGM: MAIN PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Vadim V. Sevostyanov

Volgograd State University (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Oleg A. Mineev

Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation

Introduction: the active development of digital technologies sets innovative research goals for the scientific community, and therefore digital socio-economic interaction should be provided with an appropriate regulatory framework. Among the most important problems is the solution of interdisciplinary issues related to the digitalization of property turnover. The **purpose** of the study is to consider the key interdisciplinary research and practical problems of digitalization of property turnover and to develop the main directions of development of the phenomenon under study. To achieve this goal, some tasks were set and implemented, namely: the analysis of the current state of the digital environment, property turnover, legislation, and scientific doctrine; the identification of research and practical problems related to digital currency, smart contracts, and digital trade; the justification of the proposed ways to solve interdisciplinary research and practical problems. **Methods:** the study was conducted using the comparative law method and the modeling method. The identification of interdisciplinary research and practical problems, as well as methods of their solving, was based on the methods of ascent from the abstract to the concrete, induction, and deduction. As a result of the implementation of the research objectives using the general scientific and specific scientific methods described above, the constitutive features of the key elements of property turnover in the digital environment, such as digital currency, smart contract, electronic commerce, have been determined. **Results:** both doctrinal and practical problems related to the essence and features of the above elements, as well as the legal regulation of relations concerned, have been identified. These elements are considered in two dimensions: in the information system and in the legal field. In addition, significant gaps have been identified in the regulatory framework of relations concerned; the impossibility of applying the classical regime of civil rights objects and document management rules to digital objects and processes has been substantiated. **Conclusions:** based on the results of the study, specific ways of solving interdisciplinary theoretical and practical problems of digitalization of property turnover have been proposed, which are of great importance for both scientific and practical research in the field of law.

Key words: digitalization, the object of civil law, digital currency, smart contract, contract.

Citation. Sevostyanov V.V., Mineev O.A. Digitalization of Civil Turnover in the Context of the Digital Socio-Economic Paradigm: Main Problems and Prospects of Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 64-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.9>

УДК 351/74

ББК 67.401.133.12

Дата поступления статьи: 01.12.2021

Дата принятия статьи: 28.12.2021

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Вадим Владимирович Севостьянов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Олег Александрович Минеев

Московский финансово-юридического университет, г. Москва, Российская Федерация

Введение: активное развитие цифровых технологий ставит перед научным сообществом инновационные исследовательские цели, в связи с чем цифровое социально-экономическое взаимодействие должно быть обеспечено соответствующей нормативной базой. Среди наиболее важных проблем – решение междисциплинарных вопросов, которые связаны с цифровизацией имущественного оборота. **Цель исследования:** рассмотреть ключевые междисциплинарные исследовательские и практические проблемы цифровизации оборота собственности и разработать основные направления развития изучаемого явления. Для достижения данной цели были поставлены и реализованы некоторые задачи, а именно: анализ текущего состояния цифровой среды, оборота собственности, законодательства и научной доктрины; выявление исследовательских и практических проблем, связанных с цифровой валютой, смарт-контрактами и цифровой торговлей; обоснование предложенных путей решения междисциплинарных исследовательских и практических задач. **Методы:** исследование проводилось сравнительно-правовым методом и методом моделирования. Выявление междисциплинарных исследовательских и практических проблем, а также методов их решения было основано на методах восхождения от абстрактного к конкретному, индукции и дедукции. В результате реализации целей исследования с помощью общенаучных и частнонаучных методов, описанных выше, определены конститутивные особенности ключевых элементов оборота собственности в цифровой среде, таких как: цифровая валюта, смарт-контракт, электронная торговля. **Результаты:** выявлены как доктринальные, так и практические проблемы, связанные с сущностью и особенностями вышеуказанных элементов, а также с правовым регулированием связанных с ними отношений. Эти элементы рассматриваются в двух измерениях: в информационной системе и в правовом поле. Кроме того, были выявлены существенные пробелы в нормативно-правовой базе смежных отношений; обоснована невозможность применения классического режима объектов гражданских прав и правил документооборота к цифровым объектам и процессам. **Выводы:** по результатам исследования предложены конкретные способы решения междисциплинарных теоретических и практических проблем цифровизации оборота собственности, которые имеют огромное значение как для научных, так и практических исследований в области права.

Ключевые слова: цифровизация, объект гражданского права, цифровая валюта, смарт-контракт, договор.

Цитирование. Севостьянов В. В., Минеев О. А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 64–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.9>

Введение

Быстрый рост экономики сотрудничества в последние годы ознаменовал окончательное создание цифровой социально-экономической системы как новой основы современной цивилизации и культуры, которую можно охарактеризовать такими чертами, как: широкое и массовое внедрение цифровых технологий во всех сферах общественной жизни, максимальное упрощение и ускорение экономического и социального взаимодействия; ориентация на экономию времени и других ресурсов; разработка режимов, альтернативных праву собственности, как основы хозяйственной деятельности [4, с. 7].

Новая система устанавливает инновационные исследовательские цели для юридических наук, поскольку цифровое социально-экономическое взаимодействие не может быть

полностью реализовано без соответствующей нормативной базы. Новой задачей постклассической юриспруденции является решение междисциплинарных вопросов, связанных с цифровизацией имущественного оборота [2, с. 109].

Цифровизация оборота собственности: основные подходы

Цифровизация гражданского оборота все больше развивается в контексте цифровой социально-экономической парадигмы. Объекты, явления и процессы информационной системы (цифровые права, цифровая валюта, смарт-контракты, электронный документооборот, электронная торговля и т. д.) внедряются в оборот собственности и становятся все более востребованными среди юридических лиц [9, с. 19]. Цифровизация вызвала всплеск пуб-

ликационной активности в области юридических исследований. Объекты, явления и процессы цифровой системы изучались многими авторами за последние 5 лет, однако в большинстве исследовательских работ нормы права, регулирующие классические отношения собственности вне рамок информационной системы, неправильно применяются к этим элементам цифровой среды с правовой точки зрения. Примером тому является точка зрения, согласно которой исследователи признают свойства и статус такого субъекта права, как «искусственный интеллект». «Искусственный интеллект» – результат сложного программирования. Полагаем, об «искусственном интеллекте» уместно говорить как об объекте права.

Согласно указанной концепции, предлагается различать цифровое взаимодействие и правовые отношения; а также полагаем, что не следует применять классические правовые концепции к новым цифровым объектам, явлениям и процессам [5, с. 131]. Предлагается новый подход к квалификации цифровой валюты, смарт-контракта, цифровой торговли; сделаны выводы и предложения относительно нормативной базы соответствующих отношений и невозможности их регулирования аналогично классическим отношениям, входящим в предмет различных отраслей права.

Для обоснования данной гипотезы нами сформулирована такая исследовательская задача, как анализ ключевых междисциплинарных исследовательских и практических проблем цифровизации оборота собственности и предложение путей их решения.

Основные исследовательские и практические проблемы, связанные с цифровой валютой, смарт-контрактами и цифровой торговлей, и пути их решения

Цифровизация оборота собственности влияет на различные области взаимодействия юридических лиц, такие как: операции с цифровой валютой, договорное цифровое взаимодействие, заключение договоров и выбор контрагентов в цифровой среде. Эти области взаимодействия связаны с цифровой валютой,

смарт-контрактами и цифровой торговлей. Именно междисциплинарный подход в юриспруденции позволяет выявить исследовательские и практические проблемы оборота цифровой собственности в частном праве, что дает возможность выявить гражданско-правовую сущность рассматриваемых категорий.

В частности, цифровая валюта, существующая только в информационной системе, может быть визуализирована в ней в особой нематериальной форме, то есть цифровой, которую нельзя рассматривать как денежную единицу государства. Это означает, что цифровая валюта – понятие условное: это не валюта Российской Федерации, поскольку по закону это всего лишь рубль. Цифровая валюта – это не деньги, поскольку деньги с точки зрения гражданского права – это банкноты и монеты Банка России, находящиеся в обращении на территории Российской Федерации. Следовательно, ни о каком праве на цифровую валюту или ее защите не может быть и речи. Владелец цифровой валюты не может иметь на нее права собственности, это исключается самой правовой природой данного объекта оборота собственности.

По закону цифровая валюта – это средство платежа, которое исключено из обращения в качестве встречного условия для переданных товаров, выполненных работ и оказанных услуг, но оно может использоваться в транзакциях, связанных с передачей цифровой валюты от одного лица другому при использовании объектов российской информационной инфраструктуры [7, с. 637]. Следовательно, ограничение обращения цифровой валюты позволяет квалифицировать ее как цифровые безналичные деньги, которые не являются общеобязательным (законным) средством платежа и связаны по своей правовой природе с определенным видом собственности, что позволяет говорить об имущественном характере цифровой валюты.

Имущественный характер цифровой валюты позволил законодателю рассматривать ее как самостоятельный объект гражданского оборота, который можно отчуждать на возмездной и безвозмездной основе, отдавать в залог, завещать или иным образом отчуждать с соблюдением всех правил, предусмотренных законом.

Квалификация смарт-контракта как самоисполняющегося контракта упускает из виду его важную функцию [8, с. 115]. В качестве программного кода он может использоваться не только для выполнения контракта, но и его заключения, а также для тех случаев, когда время заключения и выполнения контракта совпадают. Цифровой контракт, заключенный со смарт-контрактом, подчиняется общим правилам заключения контрактов [3].

Технология блокчейн – не единственная применимая технология для смарт-контрактов, также используются другие технологии распределенного реестра [6, с. 63]. Российское законодательство не устанавливает никаких ограничений по видам используемых технологий. Человек, использующий программный код – смарт-контракт, самостоятельно выбирает DLT (технология), которая для него наиболее удобна с практической точки зрения и выгодна с финансовой точки зрения.

Смарт-контракт был внедрен в российскую цифровую социально-экономическую парадигму из англосаксонской деловой практики. Понятия, природа юридических структур и юридическая квалификация договоров восходят к романо-германской правовой семье, являются значительной частью элементов, которые были приняты российской правовой системой. Для англо-американской правовой системы характерна чрезвычайная гибкость правового регулирования, что позволяет юридическим лицам более свободно использовать новые и часто неназванные юридические конструкции. В этой связи нецелесообразно подчинять англосаксонскую модель достаточно жестким рамкам российской правовой системы, пытаясь перевести программный код в договорную форму.

Программный код можно использовать в деловой практике независимо от наличия или отсутствия контракта.

Завершенный в России в 2019 г. перевод большинства форм государственных закупок в электронную форму сопровождался отказом законодателя от документооборота на бумажных носителях.

Одним из преимуществ электронных закупок является отсутствие необходимости физического контакта между юридическими лицами, что наглядно продемонстрировала

пандемия коронавируса, когда покупатели использовали не только электронную форму тендера, но и возможность удаленного рассмотрения заявок членами закупочных комиссий [1, с. 22].

В то же время перевод закупок в электронную форму не привел к упрощению российской системы закупок для ее основных игроков, клиентов и поставщиков. Законодатель не решил проблемы проверки заказчиком данных, указанных поставщиком в анкете, а также соотношения электронного документа и его бумажной копии. До сих пор оптимальная модель электронных закупок оставалась неопределенной. Решение этих проблем позволило бы заказчику учесть специфику приобретаемой продукции, начиная от покупки простых товаров, распространенных на рынке, и заканчивая строительными контрактами. Цифровизация еще больше усилила блокировку любых переговоров между участниками закупки и заказчиком на законодательном уровне. Смена формы закупок с бумажной на электронную не только не смогла решить ранее накопленные проблемы, но и привела к появлению новых вызовов уже в цифровой среде.

Несмотря на повсеместное внедрение электронного документооборота, заказчики лишены возможности проверять соответствие участников закупки предъявляемым к ним требованиям на основе государственных информационных систем и межведомственного электронного взаимодействия.

Для бизнеса цифровизация превратилась в необходимость постоянного использования многих частных и государственных информационных систем, таких как: операторы электронных платформ, единая информационная система, единая система аутентификации и идентификации, электронные магазины, постоянно испытывающие проблемы интеграции и сбоев.

Выводы

Анализ ключевых элементов цифрового взаимодействия участников оборота собственности позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, цифровая «валюта» как право требования является своего рода цифро-

вым законом, так как имеет цифровую форму и, следовательно, используется в качестве цифрового финансового актива. В отличие от криптовалюты, она не является денежным суррогатом и относится к цифровым «безналичным деньгам», выпущенным физическими лицами.

Во-вторых, смарт-контракт – это программный код, посредством которого выполняются операции по обмену и (или) получению ощутимой выгоды, именно эта суть смарт-контракта выражается не только в последних изменениях гражданского законодательства, но и в информационных памятках Центрального банка РФ.

В-третьих, цифровизация закупок привела к усложнению законодательства в сфере государственных закупок, а практика его применения усилила блокирование законодателем переговорных возможностей сторон.

Преимущества электронной формы торгов и закупок оказались нивелированы ее издержками, такими как: нерешенные вопросы взаимодействия и интеграции информационных систем, отсутствие эффективных механизмов защиты персональных данных, разграничение электронного документа и его бумажной копии, а также единая (антимонопольная и судебная) правоприменительная практика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтутите, И. В. Особенности правового регулирования закупок для государственных и муниципальных нужд в период пандемии коронавирусной инфекции / И. В. Балтутите // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 21–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.3>.
2. Василевская, Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции / Л. Ю. Василевская // *Российский юридический журнал*. – 2020. – № 6 (135). – С. 105–117.
3. Иваненко, О. С. Значение блокчейн-технологий и смарт-контрактов для регулирования внешнеэкономических сделок / О. С. Иваненко, А. О. Иншакова // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2019. – № 7 (июль). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2019/193050.htm> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 / А. О. Инша-

кова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>.

5. Овчинников, А. И. Право и цифровая экономика: основные направления взаимодействия / А. И. Овчинников, В. И. Фатхи // *Философия права*. – 2018. – № 3 (86). – С. 128–134.

6. Савинов, Ю. А. Использование технологии «блокчейн» в международной торговле / Ю. А. Савинов, А. Н. Зеленюк, Е. В. Тарановская // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2020. – № 8. – С. 63–85.

7. Столярова, Д. В. Проблемы правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в России / Д. В. Столярова // *Инновации. Наука. Образование*. – 2021. – № 37. – С. 637–642.

8. Чурилов, А. Ю. Смарт-контракты и принципы обязательственного права / А. Ю. Чурилов // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – № 1. – С. 113–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.17>.

9. Шаблова, Е. Г. Гражданский оборот в свете тенденций цифровизации / Е. Г. Шаблова, О. В. Жевняк // *Право и экономика*. – 2019. – № 11 (381). – С. 18–24.

REFERENCES

1. Baltutite I.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya zakupok dlya gosudarstvennykh i municipalnykh nuzhd v period pandemii koronavirusnoj infektsii [The Features of the Legal Regulation of Procurement for the State and Municipal Needs During the Coronavirus Pandemic]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 21-30. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.3>.
2. Vasilevskaja L.Ju. Tsyfrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsyi [Digitalization of Civil Turnover: Problems and Trends]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal*, 2020, no. 6 (135), pp. 105-117.
3. Ivanenko O.S., Inshakova A.O. Znachenie blokchejn-tehnologij i smart-kontraktov dlya regulirovaniya vneshneekonomicheskikh sdelok [The Importance of Blockchain Technologies and Smart Contracts for the Regulation of Foreign Economic Transactions]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Konsept»*, 2019, no. 7. URL: <http://e-koncept.ru/2019/193050.htm> (accessed 15 November 2021).
4. Inshakova A.O. Pravo i informatsionno-tekhnologicheskie preobrazovaniya obshhestvennykh otnoshenij v usloviyakh industrii 4.0 [Law and Information Technology Transformation of Public Relations Under Industry 4.0 Conditions]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>.

5. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. Pravo i tsyfrovaya ekonomika: osnovnye napravleniya vzaimodejstviya [Law and the Digital Economy: Main Areas of Interaction]. *Filosofiya prava*, 2018, no. 3 (86), pp.128-134.

6. Savinov Ju.A., Zelenjuk A.N., Taranovskaja E.V. Ispolzovanie tekhnologii «blokchejn» v mezhdunarodnoj trgovle [The Use of Blockchain Technology in International Trade]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, 2020, no. 8, pp. 63-85.

7. Stoljarova D.V. Problemy pravovogo regulirovaniya tsyfrovyykh finansovykh aktivov i

tsyfrovoy valyuty v Rossii [Problems of Legal Regulation of Digital Financial Assets and Digital Currency in Russia] *Innovatsyi. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 37, pp. 637-642.

8. Churilov A.J. Smart-kontrakty i printsypy obyazatelstvennogo prava [Smart Contracts and the Principles of the Law of Obligations]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, no. 1, pp. 113-117. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.17>.

9. Shablova E.G., Zhevnyak O.V. Grazhdanskij oborot v svete tendentsyj tsyfrovizatsyi [Civil Turnover in the Light of Digitalization Trends]. *Pravo i ekonomika*, 2019, no. 11 (381), pp. 18-24.

Information About the Authors

Vadim V. Sevostyanov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volgograd State University (Volzhsky Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, vad1705@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4583-5514>

Oleg A. Mineev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Moscow University of Finance and Law, Vvedenskogo St, 1A, 117342 Moscow, Russian Federation, oleg.mineev.67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5101-7281>

Информация об авторах

Вадим Владимирович Севостьянов, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, vad1705@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4583-5514>

Олег Александрович Минеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет, ул. Введенского, 1А, 117342 г. Москва, Российская Федерация, oleg.mineev.67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5101-7281>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.10>

UDC 336.221
LBC 67.402.02

Submitted: 29.12.2021
Accepted: 26.01.2022

THE BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE IN CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS

Ruslan D. Farkhutdinov

Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

Relevance: the issues of the study of the legal regulation of the balance of public and private interests in contractual legal relations remain relevant, where at the present stage of the development of the doctrine of civil law, the resolution of such a balance problem is theoretically and practically necessary, which is confirmed by many scientific papers and dissertations. The **purpose** of the paper is to solve the problem of achieving such a balance by considering the public interest in contractual regulation not only as a subject of integration into private relations but also as an object of integration of private interest into it, the problem of determining the limit of integration of the public into a commercial contract. **Methods:** in the paper, the author uses comparative, formal-legal, and functional research methods. The novelty of the approach is due to the fact that it differs from the proposed concepts by considering the issue of achieving a balance of public and private interests arising from contractual legal relations by achieving a balance, in the author's subjective opinion, through the reference points of intersection of public and private interests, through their vectors and tasks. The **results** presented in the paper will allow comprehending the legal regulation of contractual legal relations, where the definition of the balance of public and private interests is determined, will allow solving practical problems and developing mechanisms for protecting the parties in a commercial contract. The **conclusions** of the study have shown that it is possible to determine the limits of the integration of public interest in contractual legal relations only from the point of view of the integrative type of legal understanding.

Key words: balance a balance, reference points, problems of interest, integration of public interest.

Citation. Farkhutdinov R.D. The Balance of Public and Private in Contractual Legal Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 70-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.10>

УДК 336.221
ББК 67.402.02

Дата поступления статьи: 29.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО В ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Руслан Дамирович Фархутдинов

Российский государственный университет правосудия, г. Казань, Российская Федерация

Введение: актуальным по-прежнему остаются вопросы исследования правового регулирования баланса публичных и частных интересов в договорных правоотношениях, где на современном этапе развития доктрины гражданского права разрешение такой проблемы равновесия теоретически и практически необходимо, что подтверждают ряд научных статей и диссертаций. **Целью** статьи определено разрешение проблемы равновесия такого баланса, рассмотрев публичный интерес в договорном регулировании не только как субъект интеграции в частные отношения, но и как, в свою очередь, объект интеграции в него частного интереса, проблемы определения предела интеграции публичного в коммерческий договор. **Методы:** в предлагаемой статье автором применяются сравнительный, формально-юридический и функциональный методы исследования. Новизна подхода обусловлена тем, что в нем рассматривается вопрос достижения равновесия баланса публичных и частных интересов, вытекающих из договорных правоотношений, посредством достижения равновесия, по нашему субъективному мнению, через реперные точки пересечения публичного и частного интересов, через их векторы и задачи. **Результаты**, приводимые в статье, позволят осмыслить правовое регулирование договорных правоотношений, где определение баланса публичных и

частных интересов позволит разрешить практические задачи и выработать механизмы защиты сторон в коммерческом договоре. **Выводы** исследования показали, что определить пределы интеграции публичного интереса в договорных правоотношениях возможно только с точки зрения интегративного типа понимания.

Ключевые слова: равновесие баланса, реперные точки, задачи интереса, интеграция публичного интереса.

Цитирование. Фархутдинов Р. Д. Баланс публичного и частного в договорных правоотношениях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 70–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.10>

Введение

Исследования проблемы поиска баланса публичных и частных интересов в гражданских правоотношениях не утихают и по сей день, на эту тематику подготовлены научные статьи и диссертации (В.В. Кулаков, В.К. Андреев, Г.В. Мальцев, А.А. Даньков, А.Ф. Пьянкова, Е.А. Войниканис).

Так, по мнению А.А. Калоткиной, Д.В. Шелободова, И.Д. Ягофарова, «анализ современного законодательства и судебной практики свидетельствуют о том, что интересы государства все чаще ставятся гораздо выше интересов личности, что в свою очередь приводит к перекосу при разграничении сфер частного и публичного интереса. Тем самым имеет место дисбаланс индивидуальных и коллективных интересов, что может повлечь и часто влечет негативные последствия» [7, с. 20].

В.Г. Истомина полагает, что «сбалансированность правового регулирования является одной из наиболее актуальных задач законодательства, от решения которой напрямую зависит эффективность применения конкретных норм и правовых институтов» [10, с. 68].

Интересным полагается мнение Е.В. Луновой о том, что «установленным законодателем приоритет публичного интереса перед частным оказывает существенное влияние на частноправовые отношения... проявляющееся в виде усиления в них императивных начал» [8, с. 109].

Между тем актуальность исследования такой проблемы и пути ее решения, переосмысление подходов к решению проблемы достижения «равновесия» в балансе публичных и частных интересов в предпринимательском праве, учитывая возникновение в нем «юридических мутаций» [5, с. 79; 9, с. 6], позволит разрешить и внести весомый вклад в гражданское

правое в целом, в предпринимательское право в частности.

Баланс публичных и частных интересов в правоотношениях, вытекающих из коммерческого договора

Центральное место в гражданских правоотношениях необходимо отвести гражданско-правовому договору, разновидностью которого может выступать коммерческий договор, а также правоотношения, вытекающие из такого договора, которые требуют осмысления в науке.

Такой подход, по нашему субъективному мнению, полагающий «о необходимости обособления правового регулирования сделок, складывающихся в предпринимательской деятельности (коммерческих сделок)» [5, с. 82; 6, с. 6], абсолютно оправдан и необходим в современных реалиях межотраслевых правоотношениях предпринимательской деятельности и цифровой экономики в целом.

Проблема равновесия публичного и частного интересов в коммерческом договоре позволит решить следующие задачи:

Во-первых – стремление к такому равновесию в балансе частных и публичных интересов правоотношений, вытекающих из коммерческого договора, позволит осмыслить интеграцию и синтез публичного в частные правоотношения, позволяя исключать перевес интересов в призме нормотворчестве.

Во-вторых – равновесие публичных и частных интересов позволит модернизировать процедуры банкротства юридических лиц, где защита интересов субъектов такого института имеет гражданские начала (оспаривание сделок уполномоченным органом) и публичные интересы (исполнение бюджета посредством взыскания неисполненной обязанности по уплате налогов).

В-третьих, в антимонопольном законодательстве – проблема защиты публичного интереса, где носителем такого является одна из сторон в коммерческом договоре, будет решена посредством определения и выработки критериев, позволяющих оценить предел публичных начал в частном.

В-четвертых – проблема защиты прав субъектов договорных правоотношений, вытекающих из коммерческого договора, где публичным интересом, интегрированным в процесс заключения и исполнения договора, будет решен юридический факт определения предела синтеза публичного в частном.

Теоритическая и практическая значимость разрешения такой проблемы позволят объяснить механизмы правового регулирования субъектов правоотношений, вытекающих из коммерческого договора, посредством исследования последовательно всей цепочки правоотношений субъектов договора: создания (регистрации) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, договорного регулирования между ними на стадиях заключения, исполнения ими условий коммерческого договора.

При изучении стремления баланса публичного и частного интереса к равновесию в коммерческом договоре усматривается проблема регулирования интеграции в него публичного интереса, к примеру, возможна ли юридическая переквалификация договора в рамках налоговой проверки, где нарушены интересы третьих лиц (бюджета). Так, ст. 54.1 НК РФ предоставляет ФНС инструмент, позволяющий оценить коммерческий договор посредством его целей и исполнения сторонами, указанными в договоре, доначисление неуплаченных налогов, штрафов и пеней, которые Верховный Суд РФ обозначал как «налоговая реконструкция» (дело А40-131167/2020 по заявлению ООО «Спецхимпром»).

Концептуальный подход предусматривает взгляд на решение проблемы посредством взгляда на регулирование процессов как на концепцию, включающую: создание юридического лица, его договорное правоотношение, публичный контроль (к примеру, налоговая проверка), процедуру банкротства. Осмыслить такую модель регулирования правоотношений возможно только особым типом правопонимания.

Такой тип правопонимания предложен В.В. Ершовым, который обосновал «научно обоснованную концепцию интегративного понимания права, характеризующуюся ограничением права только онтологически однородными прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующимися в государстве», что позволяет «эффективно защищать права и правовые интересы граждан, юридических лиц и органов государственной власти, обеспечивать повышение степени определенности права, а также степени стабильности, непротиворечивости, ожидаемости и прозрачности судебной практики» [4, с. 106–107].

Посредством интегративной концепции правопонимания предлагается осмыслить стремление равновесия баланса публичного и частного интереса в правоотношениях, вытекающих из коммерческого договора, которое объясняется достижением определения реперных точек пересечения векторов и задач публичного и частного интереса.

Каким образом это можно сделать? Интегративная концепция правопонимания позволит соединить воедино все компоненты права – идеи, принципы и нормы, а также действия, что даст возможность объяснить юридический процесс интеграции публичного интереса в договорные правоотношения, исходя из природы ее субъектов.

Равновесие баланса публичного и частного интереса в правоотношениях, вытекающих из коммерческого договора, невозможно без акцента на зеркальность интеграций – не только на интеграцию публичного интереса в частные, но и на исследование интеграции частного в интересы публичные, защиты прав последних в регулировании гражданских правоотношений.

Важным полагается учесть мнение В.К. Андреева о том, что «деление права на частное и публичное – это не проблема системы права, а проблема философии права, поскольку отраслей права (законодательства), содержащих только нормы частного права, в российском законодательстве не существует» [1].

Поиск компромисса между интересами личности, общества и государства приобре-

тает особый интерес в связи с современной трактовкой права социального обеспечения как отрасли, сочетающей в себе частные и публичные начала [2, с. 28; 3, с. 2].

Стремление достигнуть равновесие баланса публичного и частного интереса посредством создания равных (сбалансированных) прав и обязанностей интересов не позволяет их разная полярность векторов и задач.

Выводы

Учитывая изложенное мнение, предлагаются следующие краткие выводы:

– исследование вопроса достижения равновесия баланса публичного и частного интересов в договорном регулировании возможно только с точки зрения интегративного типа правопонимания;

– пересечение в реперных точках векторов и задач публичных и частных интересов в договорном регулировании – цель дальнейшего исследования проблемы баланса публичных и частных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. К. Гражданское право не должно быть только частным / В. К. Андреев // Российское правосудие. – 2010. – № 2. – С. 32–41.
2. Аракчеев, В. С. Теоретические и практические вопросы общей части права социального обеспечения / В. С. Аракчеев. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. – 138 с.
3. Даньков, А. А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия : дис. ... канд. юрид. наук / Даньков Альберт Анатольевич. – М., 2014. – 238 с.
4. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В. В. Ершов. – М. : РГУП, 2018. – 627 с.
5. Илюшина, М. Н. Вопросы построения законодательства о коммерческих сделках / М. Н. Илюшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 7. – С. 79–82.
6. Иншакова, А. О. Право как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
7. Колоткина, А. А. Баланс публичных и частных интересов при обеспечении национальной безопас-

ности России / А. А. Колоткина, Д. В. Шелободов, И. Д. Ягофарова // Российский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 19–25.

8. Лунева, Е. В. Публичный и частные интересы в области отношений, объектом которых является земельный участок охраняемых природных территорий / Е. В. Лунева // Ученые записки Казанского университета. – 2012. – Т. 154, кн. 4. – С. 108–118.

9. Мальцев, В. А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования / В. А. Мальцев // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 18. – С. 6–9.

10. Матыцин, Д. Е. Закономерности и казусы эволюционного развития института ценных бумаг в России и за рубежом / Д. Е. Матыцин // Власть закона. – 2020. – № 1 (41). – С. 68–80.

REFERENCES

1. Andreev V. K. Grazhdanskoe pravo ne dolzhno byt tolko chastnym [Civil Law Should Not be Only Private]. *Rossijskoe pravosudie* [Russian Justice], 2010, no. 2, pp. 32-41.
2. Arakcheev V.S. *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy obshchej chasti prava sotsyalnogo obespecheniya* [Theoretical and Practical Issues of the General Part of Social Security Law]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 2001. 138 p.
3. Dankov A.A. *Obespechenie balansa publicnykh i chastnykh interesov v sfere pravosudiya* [Ensuring the Balance of Public and Private Interests in the Field of Justice]. Moscow, s. n., 2014. 238 p.
4. Ershov V. V. *Pravovoe i individualnoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii: monografiya* [Legal and Individual Regulation of Public Relations. Monograph]. Moscow, RGUP, 2018. 627 p.
5. Ilyushina M.N. *Voprosy postroeniya zakonodatelstva o kommercheskikh sdelkakh* [Issues of Building Legislation on Commercial Transactions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2008, no. 7, pp. 79-82.
6. Inshakova A.O. *Pravo kak osnova infrastruktornogo obespecheniya tsyifrovoy ekonomiki i tekhnologii Interneta veshchej* [Law As the Basis of Infrastructure Support of the Digital Economy and Technology of the Internet of Things]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 6-11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
7. Kolotkina A.A., Shelobodov D.V., Yagofarova I.D. *Balans publicnykh i chastnykh interesov pri obespechenii natsyonalnoj bezopasnosti*

Rossii [The Balance of Public and Private Interests in Ensuring the National Security of Russia]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2018, no. 1, pp. 19-25.

8. Luneva E.V. Publichnyj i chastnye interesy v oblasti otnoshenij, obektom kotorykh yavlyaetsya zemelnyj uchastok ohranyaemykh prirodnykh territorij [Public and Private Interests in the Field of Relations, the Object of Which is the Land Plot of Protected Natural Territories]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of Kazan University], 2012, vol. 154, book 4, pp. 108-118.

9. Maltsev V.A. Balans interesov v sfere obespechenia bezopasnosti: poniatie i mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniia [Balance of interests in the field of security: the concept and mechanism of state-legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and the Municipal Right], 2007, no. 18, pp. 6-9.

10. Matycin D.E. Zakonomernosti i kazusy evolyucionnogo razvitiya instituta cennyh bumag v Rossii i za rubezhom [Regularities and Mishaps Evolutionary Development of the Institute of Securities in Russia and Abroad]. *Vlast Zakona*, 2020, no. 1 (41), pp. 68-80.

Information About the Author

Ruslan D. Farkhutdinov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Russian State University of Justice, 2-ya Azinskaya St, 7A, 420088 Kazan, Russian Federation, r77farhutdinof@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7138-6161>

Информация об авторе

Руслан Дамирович Фархутдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, ул. 2-я Азинская, 7А, 420088 г. Казань, Российская Федерация, r77farhutdinof@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7138-6161>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.11>

UDC 351.74/.76
LBC 67.401.133.1

Submitted: 08.12.2021
Accepted: 29.12.2021

POLICE ACTION AT MASS EVENTS

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Karina S. Kandabarova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: the relevance of the chosen topic is because today mass events in Russian society are characterized by high popularity. They provide the satisfaction of the needs of modern man in his involvement in political life, sports achievements, culture, and art. At the same time, the successful holding of mass events is impossible without the activities of police officers who protect public order, as well as maintain public safety in a stable state. The **purpose** of the study is to characterize the legal regulation and specifics of the activities of police officers at mass events. **Methods:** the methodological framework includes a set of research methods, including the formal-legal method, the structural and functional method, the method of analysis and synthesis. **Results:** the authors have examined the current domestic regulatory framework governing the actions of police officers at mass events, on whose basis they have identified the features of their powers characteristic of each specific stage of the event. **Conclusions:** as a result of the study, the role of police action as an integral element of a comprehensive system that ensures order and security at various mass events has been revealed. It is determined that the police functionality varies depending on the period of the event. At the preparatory stage, proactive and preventive actions are implemented; at the executive stage, order and safety are directly ensured during the event; at the final stage, actions are deployed aimed at the smooth outflow of participants of the event, the abolition of restrictions imposed and the withdrawal of forces and means. Together, the whole tactics boil down to one thing – the protection of the rights and freedoms of citizens.

Key words: police, police officers, mass events, protection of public order, ensuring the safety of citizens.

Citation. Sarychev A.V., Arkhiptsev I.N., Kandabarova K.S. Police Action at Mass Events. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 75-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.11>

ДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ НА МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Карина Сергеевна Кандабарова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: актуальность выбранной темы обусловлена тем, что на сегодняшний день массовые мероприятия в российском обществе характеризуются высокой популярностью. Они обеспечивают удовлетворение потребностей современного человека в его приобщении к политической жизни, спортивным достижениям, сфере культуры и искусства. При этом успешное проведение массовых мероприятий невозможно без деятельности сотрудников полиции, которые осуществляют охрану общественного порядка, а также поддерживают в стабильном состоянии общественную безопасность. **Цель исследования:** характеристика правовой регламентации и специфики деятельности сотрудников полиции на массовых мероприятиях. **Методы:** методологическая основа включает совокупность методов исследования, среди которых формально-юридический метод, структурно-функциональный метод, метод анализа и синтеза. **Результаты:** авторы рассмотрели актуальную отечественную нормативно-правовую базу, регулиующую действия сотрудников полиции на массовых мероприятиях, на основе чего выявили особенности их полномочий, характерные для каждого конкретного этапа проводимого мероприятия. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль деятельности сотрудников полиции как неотъемлемого элемента комплексной системы, обеспечивающей порядок и безопасность на различных массовых мероприятиях. Определено, что функционал полицейских варьируется в зависимости от периода проводимого мероприятия. На подготовительном этапе реализуются предупредительно-профилактические действия; на исполнительном этапе осуществляется непосредственное обеспечение порядка и безопасности в процессе проведения мероприятия; на заключительном этапе разворачиваются действия, ориентированные на беспроblemный отток участников мероприятия, отмену вводимых ограничений и отвод сил и средств. В совокупности вся тактика действий сводится к одному – защите прав и свобод граждан.

Ключевые слова: полиция, сотрудники полиции, массовые мероприятия, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности граждан.

Цитирование. Сарычев А. В., Архипцев И. Н., Кандабарова К. С. Действия сотрудников полиции на массовых мероприятиях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 75–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.11>

Введение

В ходе проведения массовых мероприятий сотрудники полиции обеспечивают общественный порядок и безопасность граждан. Качественное выполнение этих задач напрямую связано с уровнем знаний служебных обязанностей и закрепленных за сотрудниками прав, а также прав и обязанностей граждан; с пребыванием в состоянии готовности выполнять действия, направленные на соблю-

дение личной и общественной безопасности; с умением практически применять боевые приемы борьбы, физическую силу, огнестрельное оружие и специальные средства с учетом и в рамках положений действующего законодательства.

Тактика и порядок несения службы сотрудниками полиции имеют особенности, определенные соответствующими нормативными актами, и, как правило, зависящие от специфики проводимых массовых мероприятий.

Правовое регулирование деятельности полиции при проведении массовых мероприятий

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу мысли и слова (ст. 29), подчеркивает наличие права на объединение, деятельность которых также гарантируется (ст. 30), указывает на возможность граждан организовывать мирные мероприятия публичного характера (ст. 31) [4].

Данные положения более подробно развиваются в российских законах, ознакомившись с которыми внимание привлекла неопределенность понятия «массовые мероприятия».

На сегодняшний день четкая официальная трактовка указанного термина отсутствует. На основе анализа основных понятий, закрепленных в Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», можно сделать вывод о том, что массовые мероприятия в какой-то степени являются формой публичных мероприятий, которые, в свою очередь, подразделяются на собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикетирования [13]. При этом некорректно будет относить массовые мероприятия к мероприятиям только лишь политического характера.

Сложности вызывает то, что в одних законах массовые мероприятия объединяют в себе публичные и иные массовые мероприятия, без уточнения последних. В других – публичные и массовые мероприятия разделены. Но объективно под массовым мероприятием следует понимать открытую, мирную, организованную форму активных действий большого числа людей в пределах определенного общественного места. Целями таких действий являются удовлетворение человеческих потребностей в политической, культурной, экономической и других сферах, а также выражение воли, защита прав, свобод и законных интересов людей [7, с. 9].

Таким образом, дальнейший разбор правовой базы, определяющей действия сотрудников полиции на массовых мероприятиях, будет осуществляться с учетом указанной формулировки.

Итак, многие федеральные законы характеризуются наличием в них правовых ос-

нов деятельности сотрудников полиции по обеспечению ими общественного порядка и безопасности граждан в ходе массовых мероприятий. Так, особое внимание уделяется Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», в котором красной нитью проходит тема недопущения полицией экстремизма, в том числе и на массовых мероприятиях [11]. Федеральный закон «О противодействии терроризму» включает правовые и организационные основы профилактики терроризма, борьбы с ним, сведения к минимуму и (или) ликвидации последствий осуществления террористических действий, которые зачастую происходят именно в период проведения все тех же массовых мероприятий [10]. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» содержит нормы, в соответствии с которыми публичные и религиозные обряды и церемонии, проводимые в общественных местах, осуществляются одновременно с принятием сотрудниками полиции всех необходимых мер для поддержания порядка и безопасности [12].

Далее следует остановиться на Федеральном законе «О полиции». В ст. 12 закреплена важная обязанность сотрудников полиции, суть которой заключается в обеспечении совместно с органами исполнительной власти конкретных административно-территориальных образований страны, с органами местного самоуправления, а также с организаторами публичных и массовых мероприятий безопасности граждан и общественного порядка в местах их проведения. С целью реализации этой и других сопутствующих обязанностей полиция наделяется определенным объемом прав, что также зафиксировано в законе (право осуществлять личный осмотр граждан и их вещей в пределах той территории, где проводятся массовые или публичные мероприятия; право ограничивать или вовсе запрещать движение на отдельных участках дорог при проведении массовых или публичных мероприятий и т. д.) [9].

Правовой основой деятельности полиции также являются акты, принимаемые субъектами Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и безопасности. В качестве примера можно привести Постановление Правительства Белгородской об-

ласти «Об утверждении Временного положения о порядке организации и проведения массовых культурно-просветительных, театрально-зрелищных, спортивных и рекламных мероприятий на территории Белгородской области». В Постановлении делается особый акцент на поддержании полицией в должном состоянии общественного порядка в тех местах области, где проводятся массовые мероприятия [6].

Что касается ведомственной нормативной базы, то она детализирует общие положения вышестоящих законов, тем самым уточняя статус и специфику деятельности сотрудников полиции в ходе проведения мероприятий, носящих массовый характер (например, Приказ МВД России «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» [8]).

Особенности деятельности сотрудников полиции на массовых мероприятиях

Качественное обеспечение общественной безопасности и порядка на массовых и публичных мероприятиях происходит благодаря существованию комплекса действий, осуществляемого правоохранительными органами. Он включает активность сотрудников полиции различного рода, условно разделенную на три группы, каждая из которых соответствует конкретному периоду проведения мероприятия (подготовительному, исполнительному и заключительному) [2, с. 149–150].

Подготовительный период начинается с того момента, когда в орган внутренних дел поступает задача, связанная с обеспечением безопасности граждан и общественного порядка при проведении мероприятия (наличествует информация или уведомление о проведении публичного или массового мероприятия). Эта задача тщательно анализируется, подбираются оптимальные варианты ее успешного выполнения, изучается оперативная обстановка, проводится встреча представителя ОВД с организатором мероприятия с целью получения важной организационной информации и т. д. В результате формируется управленческое ре-

шение о задействовании необходимых для ее реализации сил и средств ОВД и создается рабочая группа (оперативный штаб).

В ходе подготовки к массовому мероприятию сотрудники полиции проводят профилактические и оперативно-розыскные действия. Это необходимо для того, чтобы выявить возможный круг тех лиц, которые могут совершить террористический акт или иное противоправное действие в ходе мероприятия. Также происходит усиление контроля за лицами, находящимися в оперативных разработках и проходящими по делам оперативных проверок, что позволяет свести к минимуму, а иногда и вовсе исключить прибытие указанных лиц в места проведения массового или публичного мероприятия с целью совершения преступления. Помимо этого отмечается увеличение количества рейдов в жилых секторах, проверок общежитий, длительных стоянок транспортных средств. Эти действия направлены на выявление лиц, скрывающихся от правосудия, разыскиваемых, и незаконно мигрировавших на территорию страны, а также на обнаружение взрывчатых веществ, оружия и наркотиков.

На подготовительном этапе сотрудники полиции обеспечивают установление контакта с лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы, или же состоящими на оперативных учетах, с целью реализации в отношении перечисленных субъектов комплекса индивидуальных профилактических мероприятий и выявления у них какие-либо противоправных намерений.

Кроме того, осуществляется обследование мест прибытия и убытия участников массовых мероприятий, а также мест их временного проживания. Это делается с целью проверки антитеррористической защищенности указанных объектов, их оснащенности всеми необходимыми средствами и оборудованием пожаротушения и охраны, обнаружения посторонних предметов, которые могут быть использованы при совершении нарушений или преступлений и т. д.

Большое внимание в рассматриваемый период уделяется инструктажам и учениям. Они позволяют повысить уровень подготовки соответствующих сил и средств к различного рода действиям, отработать умения и навы-

ки относительно выполнения поставленных задач, а также обеспечить личную безопасность сотрудников полиции [1, с. 12].

Исходя из изложенного, можно отметить, что ключевой особенностью подготовительного этапа являются предупредительно-профилактические действия сотрудников полиции, а также других субъектов, призванных обеспечивать порядок и безопасность.

За подготовительным периодом следует исполнительный этап. Его начало непосредственным образом связано с началом массового мероприятия. В системе органов, обеспечивающих общественный порядок и безопасность граждан, ключевую позицию занимает, во-первых, оперативный штаб, который управляет всеми силами и средствами, задействованными на весь период проведения мероприятия, собирает, обрабатывает, анализирует данные оперативной обстановки, отслеживает изменения, реагирует на них и поддерживает контакт с важными субъектами (например, с организатором мероприятия), а, во-вторых, группы управления нарядами, которые организуют обеспечение безопасности и общественного порядка на местах на всей территории проведения массового мероприятия.

Действия сотрудников полиции в рассматриваемый период, безусловно, имеют определенную последовательность и характерные особенности.

Так, в день проведения мероприятия все наряды должны находиться за полтора часа до его начала в пунктах сбора. Там они получают дополнительные инструкции, проходят проверку экипировки и владения необходимыми знаниями. Количество активизированных нарядов находится в естественной зависимости от их надобности. Преждевременные или бесцельные движения не допускаются.

За нарядами закреплены места несения службы, покидать которые без приказа запрещено. Все задействованные сотрудники полиции должны выполнить возложенные на них задания по обеспечению общественного порядка и безопасности, предусмотренные планом, после чего они снимаются и выводятся в резерв. В отдельных случаях нарядам полиции разрешено перекрывать допуск граждан в зону оцепления, приостанавливать движение транспортных средств и т. п.

В ходе проведения массового мероприятия может возникнуть необходимость применения мер пресечения, например, задержание нарушителя порядка с последующим доставлением его в отделение полиции [3]. Необходимо отметить, что сотрудник полиции, имеющий законное основание реализовать ту или иную меру пресечения, должен брать во внимание «настроение находящейся рядом толпы», чтобы не спровоцировать появление негативных последствий (вспышки агрессии, насилие и пр.) [5, с. 125]. При ухудшении положения и обнаружении группового нарушения общественного порядка сотрудники полиции организуют оцепление места нарушения (ст. 16 ФЗ «О полиции»), подключают свободные резервы для выявления зачинщиков и (или) наиболее активных участников и их последующей изоляции. Иногда участники мероприятия впадают в состояние настолько сильного эмоционального возбуждения, что стабилизировать обстановку можно только при помощи особого тактического приема – демонстрации силы (например, быстрое численное увеличение нарядов полиции). Такое психологическое воздействие способствует эмоциональной разрядке и предупреждению развития дальнейшей конфликтной ситуации.

Обо всех нарушениях и принимаемых мерах должно быть доложено в оперативный штаб, который контролирует и координирует действия подчиненных.

По завершении массового мероприятия сотрудники полиции обеспечивают беспрепятственный выход всех его участников. Для этого наряды обязательно проверяют открытость мест выхода за несколько минут до конца мероприятия. В целях обеспечения спокойного и организованного движения участников сотрудники полиции прибегают к помощи специальных средств информирования, а также стремятся минимизировать вероятность возникновения давки.

Окончание массового мероприятия и вывод участников с территории его проведения означает прекращение исполнительного периода и одновременное начало заключительного этапа. С этого момента сотрудники органов внутренних дел под руководством оперативного штаба обеспечивают постепенный отток и рассредоточение участников ме-

роприятия, реализуют осмотровые процедуры, применяют административные меры к лицам, совершившим противоправные действия, снимают установленные ранее режимные ограничения.

Важно понимать, что особенности мер, осуществляемых полицией в течение всего заключительного периода, во многом определяются направленностью мероприятия и местом его проведения. Но в любом случае неизменной задачей сотрудников полиции является обеспечение безопасного выхода и последующего убытия к местам проживания всех участников мероприятия. Для исключения давки и стабилизации движения применяются различные действенные меры, например, создание линейных коридоров на выходе с места проведения мероприятия из нарядов полиции, закрытие, открытие станций метро или перенос остановок общественного транспорта, формирование сопровождающих групп для участников мероприятий, работа полицейских патрулей и т. д.

Всегда есть вероятность осложнения заключительного этапа массового мероприятия вследствие появления внештатной ситуации. Сотрудники полиции в целях минимизации такого варианта развития событий должны согласовывать сроки окончания мероприятия с организатором, поддерживать в постоянной готовности резервы, изначально отрабатывать сценарий действий полиции в чрезвычайной обстановке.

При появлении нарушений общественного порядка и безопасности граждан сотрудники полиции выявляют лиц, совершающих запрещенные законом действия, и предъявляют к ним требования о прекращении нарушений, с последующим применением определенных законом мер. В случае неадекватной реакции на объявленные требования полиция принимает решение о пресечении противоправных действий.

Наряды полиции должны действовать четко и слаженно, а также решительно использовать физическую силу и специальные средства, но только в случаях и порядке, определенном законом (ст. 19, 20, 21 ФЗ «О полиции»).

Некоторые нормативно-правовые акты предусматривают возможность и определя-

ют особенности прекращения публичного мероприятия (ст. 16, 17 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»). Если организатор мероприятия, получивший указание о его прекращении, отказывается выполнять необходимые для этого действия, сотрудники полиции самостоятельно принимают все необходимые меры для завершения мероприятия в рамках закона.

Вывод

Таким образом, наблюдается существование обширной правовой базы, регулирующей деятельность сотрудников полиции в ходе массовых мероприятий по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан. Безусловно, она имеет некоторые недостатки, которые требуют урегулирования, например, отсутствие общепринятого определения термина «массовые мероприятия». Но на эффективности правовой регламентации действий полицейских существующие пробелы и недоработки сказываются незначительно.

Сегодня проведение массовых мероприятий невозможно представить без участия в них органов внутренних дел. Качественное и результативное разрешение указанными органами задач, стоящих перед ними в период проведения мероприятий (независимо от стадий), непосредственным образом связано с согласованной работой всех субъектов, задействованных в обеспечении общественного порядка и поддержании общественной безопасности. Причем согласованность реально достичь только при прохождении предварительной подготовки, обладании необходимыми знаниями и навыками и отлаженном выполнении функций каждым отдельно взятым субъектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выдрина, М. Д. Соблюдение личной безопасности сотрудниками полиции при выполнении оперативно-служебных задач по охране общественного порядка на мероприятиях с массовым пребыванием людей / М. Д. Выдрина, И. В. Егошин // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности : материалы межвуз. науч.-практ. семинара (г. Иркутск, 30 янв. 2019 г.). – Иркутск : Изд-во Восточно-Сибирского

института Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 10–13.

2. Занина, Т. М. Правовое регламентирование деятельности сотрудников полиции при обеспечении общественной безопасности и порядка на массовых мероприятиях / Т. М. Занина // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : материалы ежегод. межвуз. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 27 сент. 2019 г.). – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 145–152.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Ст. 27.3. Административное задержание // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 7 янв. (№ 1, ч. 1). – Ст. 1.

4. Конституция Российской Федерации : (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.) // Российская газета. – 2020. – № 144.

5. Морозов, В. А. Правовое регулирование отдельных аспектов деятельности органов внутренних дел при несении службы на массовых мероприятиях / В. А. Морозов, С. П. Шубин // Лучшая научно-исследовательская работа 2019 : сб. ст. XX Междунар. науч.-исслед. конкурса (г. Пенза, 15 июня 2019 г.). – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 123–127.

6. Постановление Правительства Белгородской области «Об утверждении Временного положения о порядке организации и проведения массовых культурно-просветительных, театрально-зрелищных, спортивных и рекламных мероприятий на территории Белгородской области» от 24 авг. 2004 г. № 103-пп // Белгородские известия. – 2004. – № 158–159.

7. Правовые основы и организация деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий / под ред. О. И. Бекетова. – Омск : Изд-во Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – 120 с.

8. Приказ МВД России «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» от 30 авг. 2017 г. № 685 (ред. от 27.08.2021). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/542606336?section=text>. – Загл. с экрана.

9. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

10. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

11. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

12. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

13. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 17 мая 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

REFERENCES

1. Vydrina M.D. Soblyudenie lichnoj bezopasnosti sotrudnikami policii pri vypolnenii operativno-sluzhebnyh zadach po ohrane obshchestvennogo poryadka na meropriyatiyah s massovym prebyvaniem lyudej [Observance of Personal Safety by Police Officers in the Performance of Operational and Service Tasks to Protect Public Order at Events with a Large Number of People]. *Aktual'nye voprosy taktiki ohrany obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. seminara (g. Irkutsk, 30 yan. 2019 g.)* [Actual Issues of the Tactics of Protection of Public Order and Public Safety. Proceedings of the Interuniversity Scientific-Practical Seminar (Irkutsk, January 30, 2019)]. Irkutsk, Izd-vo Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019, pp. 10-13.

2. Zaniina T.M. Pravovoe reglamentirovanie deyatelnosti sotrudnikov policii pri obespechenii obshchestvennoj bezopasnosti i poryadka na massovyh meropriyatiyah [Legal Regulation of the Activities of Police Officers When Ensuring Public Safety and Order at Mass Events]. *Administrativno-pravovoe regulirovanie ohrany obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti: problemy i puti ih resheniya: materialy ezhegod. mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 27 sent. 2019 g.)* [Administrative-Legal Regulation of the Protection of Public Order and Public Safety: Problems and Ways of Their Solutions. Proceedings of the Annual Interuniversity Scientific and Practical Conference (Saint Petersburg, September 27, 2019)]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2020, pp. 145-152.

3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 01.07.2021). St. 27.3. Administrativnoe zaderzhanie [Code of the Russian Federation on Administrative Offences No. 195-FZ Dated December 30, 2001 (As Amended on July 1, 2021). Article 27.3 Administrative Detention]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, 7 January, no. 1 (part 1), article 1.

4. Konstituciya Rossijskoj Federacii: (prinyata vsenar. golosovaniem 12 dek. 1993 g.) [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by the Nation-Wide Voting on December 12, 1993)]. *Rossijskaya gazeta*, 2020, no. 144.

5. Morozov V.A., Shubin S.P. Pravovoe regulirovanie otdel'nyh aspektov deyatelnosti organov vnutrennih del pri nesении sluzhby na massovyh meropriyatiyah [Legal Regulation of Certain Aspects of the Activities of Internal Affairs Bodies When Serving at Mass Events]. *Luchshaya nauchno-issledovatel'skaya rabota 2019: sb. st. XX Mezhdunar. nauch.-issled. konkursa (g. Penza, 15 iyunya 2019 g.)* [Best Research Paper 2019. Collection of Articles of the 20th International Scientific-Research Contest (Penza, 15 June, 2019)]. Penza, Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2019, pp. 123-127.

6. Postanovlenie Pravitel'stva Belgorodskoj oblasti «Ob utverzhenii Vremennogo polozheniya o poryadke organizacii i provedeniya massovyh kul'turno-prosvetitel'nyh, teatral'no-zrelishchnyh, sportivnyh i reklamnyh meropriyatij na territorii Belgorodskoj oblasti» ot 24 avg. 2004 g. № 103-pp [Resolution of the Government of Belgorod Region No 103-pp Dated August 24, 2004 “On Approval of the Provisional Regulation on the Procedure for Organizing and Conducting Mass Cultural and Educational, Theatrical and Spectacular, Sports and Advertising Events on the Territory of Belgorod Region”]. *Belgorodskiy izvestiya*, 2004, no. 158-159.

7. Beketov O.I., ed. *Pravovye osnovy i organizaciya deyatelnosti policii po obespecheniyu obshchestvennogo poryadka i bezopasnosti pri provedenii massovyh meropriyatij* [Legal Basis and Organization of Police Activities to Ensure Public Order and Safety at Mass Events]. Omsk, Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. 120 p.

8. *Prikaz MVD Rossii «O dolzhnostnykh litsakh sistemy Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy*

Federatsii. upolnomochennykh sostavlyat protokoly ob administrativnykh pravonarusheniyakh i osushchestvlyat administrativnoye zaderzhaniye» ot 30 avg. 2017 g. № 685 (red. ot 27.08.2021) [The Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation “On the Officials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Authorized to Draw up Reports on Administrative Offenses and Carry Out Administrative Detention” No. 685 Dated August 30, 2017 (As Amended on August 27, 2021)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542606336?section=text>.

9. Federal'nyj zakon «O policii» ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ (red. ot 11 iyunya 2021 g.) [Federal Law “On Police” No. 3-FZ Dated February 7, 2011 (As Amended on June 11, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 7, article 900.

10. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06 marta 2006 g. № 35-FZ (red. ot 26 maya 2021 g.) [Federal Law “On Combating Terrorism” No. 35-FZ Dated March 6, 2006 (As Amended on May 26, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 11, article 1146.

11. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatelnosti» ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ (red. ot 1 iyulya 2021 g.) [Federal Law “On Counteracting Extremist Activity” No. 114-FZ Dated July 25, 2002 (As Amended on July 1, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 30, article 3031.

12. Federal'nyj zakon «O svobode sovesti i o religioznyh obyedineniyah» ot 26 sent. 1997 g. № 125-FZ (red. ot 11 iyunya 2021 g.) [Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” No. 125-FZ Dated September 26, 1997 (As Amended on June 11, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, no. 39, article 4465.

13. Federal'nyj zakon «O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah» ot 19 iyunya 2004 g. № 54-FZ (red. ot 17 maya 2021 g.) [Federal Law “On the Meetings, Rallies, Demonstrations, Marches and Picketing” No. 54-FZ Dated June 19, 2004 (As Amended on May 17, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 25, article 2485.

Information About the Authors

Alexander V. Sarychev, Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Ivan N. Arkhipsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Karina S. Kandabarova, Student, Faculty of Professional Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, kandabarova@interner.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1877-8294>

Информация об авторах

Александр Викторович Сарычев, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Карина Сергеевна Кандабарова, слушатель факультета профессиональной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, kandabarova@interner.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1877-8294>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12>

UDC 347.636
LBC 67.404

Submitted: 03.12.2021
Accepted: 28.12.2021

PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF MINORS: THE ANALYSIS OF THE CONSISTENCY OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Natalia A. Ablyatipova

Russian State University of Justice (the Crimean Branch), Simferopol, Russian Federation

Irina Yu. Volkova

Russian State University of Justice (the Crimean Branch), Simferopol, Russian Federation

Introduction: the problem of protecting the property rights of minors is currently one of the most urgent in civil and family law. Due to the lack of full capacity and insufficient level of psycho-physiological development, children cannot protect their violated property rights on their own. For this reason, this function is assigned to their legal representatives. At the same time, persons who are obliged to protect the property rights of children do not always act in their interests. In this regard, the authors set a **goal**: based on the analysis of materials of the judicial practice, to identify the circumstances in which the property interests of minors are violated and the problems of bringing to justice persons who have committed such acts. **Results:** the features of the judicial consideration of cases on the protection and restoration of violated property rights of minors are investigated, the absence of legislative consolidation of the responsibility of persons who have violated the property rights of children, allowing the judicial authorities to apply a sanction commensurate with the illegal act, is established. **Conclusions:** based on the analysis of the legislation and materials of the judicial practice, the problems of protecting the property rights and legitimate interests of minor children are formulated. Based on the results of the study, the authors have proposed recommendations for improving the legislation.

Key words: property rights, minors, legal representatives, violations of property rights of children, judicial practice.

Citation. Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. Protection of Property Rights of Minors: The Analysis of the Consistency of Law Enforcement Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 84-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12>

УДК 347.636
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 03.12.2021
Дата принятия статьи: 28.12.2021

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ СИСТЕМНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Наталья Айдеровна Аблятипова

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал),
г. Симферополь, Российская Федерация

Ирина Юрьевна Волкова

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал),
г. Симферополь, Российская Федерация

Введение. Проблема защиты имущественных прав несовершеннолетних в настоящее время является одной из наиболее актуальных в гражданском и семейном праве. Ввиду отсутствия полного объема дееспособности и недостаточного уровня психофизиологического развития дети не могут защитить нарушенные имущественные права самостоятельно. По этой причине данная функция возложена на их законных представителей. При этом не всегда лица, обязанные защищать имущественные права детей, действуют в их интересах. В связи с этим авторами поставлена **цель:** на основании анализа материалов судебной практики выявить обстоятельства, при которых нарушаются имущественные интересы несовершеннолетних и проблемы привлечения к ответственности лиц, совершивших такие деяния. **Результаты:** исследованы особенности рассмотрения судами дел о защите и восстановлении нарушенных имущественных прав несовершеннолетних, установлено отсутствие законодательного закрепления ответственности лиц, нарушивших имущественные права детей, позволяющего судебным органам применить санкцию, соразмерную противоправному деянию. **Выводы:** на основе анализа законодательства и материалов судебной практики сформулированы проблемы защиты имущественных прав и законных интересов несовершеннолетних детей. По итогам результатов проведенного исследования авторами предложены рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: имущественные права, несовершеннолетние, законные представители, нарушения имущественных прав детей, судебная практика.

Цитирование. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 84–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.12>

Введение

Защита имущественных прав несовершеннолетних детей регулируется нормами различных отраслей права. В частности, данный вопрос является составляющей предмета гражданского и семейного права. Так, лица, не обладающие полным объемом дееспособности, при осуществлении ими имущественных прав ограничены во многих аспектах. Законодательные ограничения распространяются и на несовершеннолетних детей, которые находятся в зависимости от родителей или опекунов, попечителей.

Современное законодательство направлено на создание наиболее благоприятных условий для реализации имущественных интересов несовершеннолетних, но несмотря на это при различных обстоятельствах совершаются противоправные деяния, влекущие нарушения имущественных прав детей. В том числе эти деяния совершают и законные представители несовершеннолетних. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что случаи нарушений имущественных прав несовершеннолетних являются распространенными, однако данная проблема

недостаточно изучена в юридической доктрине, что обуславливает актуальность ее более детального рассмотрения.

Изначально отметим, что в силу возраста и законодательных ограничений несовершеннолетние дети не могут самостоятельно защитить нарушенные имущественные права. Так, малолетний ребенок объективно может не осознавать наличие у него каких-либо имущественных прав и необходимость их защиты. В таком случае защита интересов ребенка возложена на его родителей или лиц, их заменяющих, а в определенных законом случаях эти задачи могут быть исполнены органом опеки и попечительства, прокурором и судом, что предусматривается абз. 2 п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации [7].

Особенности участия законных представителей в защите имущественных прав детей

Важность участия законных представителей при защите права собственности малолетнего ребенка подтверждается на примере дела от 27 июля 2020 г. № 2-523/2020, рассмотренного Железнодорожным район-

ным судом г. Пензы [3]. Истец обратилась в суд с требованиями восстановить срок для принятия наследства и признать несовершеннолетнего принявшим наследство. Основанием обращения в суд послужило следующее. Действуя в интересах несовершеннолетнего, истец обратилась к нотариусу о принятии наследственного имущества гражданина, отцовство которого по отношению к ребенку было установлено в судебном порядке после его смерти. Нотариус отказался выполнить заявленные действия, обосновывая это тем, что наследственное дело закрыто и в наследство вступили наследники первой очереди. В связи с этим истец обратилась в суд с указанными требованиями, аргументируя их тем, что на момент открытия наследства ребенку, в интересах которого она действует, исполнилось пять лет. В силу малолетнего возраста он не мог осознавать значимость установленных законом требований о необходимости своевременного принятия наследства. Кроме этого, в силу действующего гражданского законодательства, у него не было правомочий обращаться к нотариусу с заявлением о принятии наследства [1]. Законный представитель малолетнего также не имела юридической возможности обратиться к нотариусу, так как отцовство умершего в отношении несовершеннолетнего было установлено по истечении установленного законом шестимесячного срока для принятия наследства.

Суд расценил указанные обстоятельства как уважительную причину пропуска срока для обращения к нотариусу, в связи с чем требования истца были признаны законными, обоснованными и подлежащими удовлетворению. Ранее выданные свидетельства о праве на наследство суд признал недействительными [2, с. 44].

Как видно из приведенного судебного решения, институт защиты нарушенных имущественных интересов детей через законных представителей имеет большое значение, так как дети в силу возраста, недостатка жизненного опыта не всегда осознают факт нарушения имущественных прав и необходимости их восстановления. Кроме этого, у них нет возможности осуществить защиту нарушенного права самостоятельно из-за законодательных ограничений.

Нарушение законными представителями законных прав детей и специфика восстановления нарушенных прав

Однако не всегда родители или иные законные представители детей действуют в интересах последних. Так, невыполнение законными представителями детей своих обязанностей является одним из обстоятельств, которые признаются судами нарушением имущественных прав несовершеннолетних. Проанализируем далее особенности рассмотрения судами данной категории дел.

Современным законодательством Российской Федерации предусмотрены меры материальной поддержки для семей, имеющих детей. Однако в случае получения помощи от государства у законных представителей детей возникают определенные обязанности, которые часто не выполняются. Например, такой мерой государственной поддержки является предоставление материнского капитала, за счет средств которого возможно, в частности, приобретение или строительство жилого помещения, а также его реконструкция. При реализации названных правомочий у лица, получившего сертификат, возникает обязанность оформить приобретенное, построенное или реконструированное жилое помещение в общую долевую собственность этого лица, его супруга (супруги) и детей с определением размера долей по соглашению, что закреплено в п. 4 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [8]. Несмотря на законодательное закрепление названной обязанности, лица, получившие сертификат, не всегда выполняют ее, что признается нарушением имущественных интересов несовершеннолетних.

Подобные обстоятельства имели место в деле от 3 сентября 2020 г. № 2-264/2020, рассмотренном Островским районным судом Костромской области [4]. Прокурор Островского района Костромской области обратился в суд с иском в защиту имущественных прав несовершеннолетних, так как при проведении проверки исполнения законодательства, регламентирующего вопросы предоставления дополнительных мер государ-

ственной поддержки семьям, имеющим детей, было выявлено, что ответчики нарушили требования законодательства об оформлении общей собственности родителей и детей на жилые помещения, приобретенные с использованием средств материнского капитала. На момент проведения прокуратурой проверки прошло более шести месяцев со времени приобретения ответчиками дома с использованием средств материнского капитала, однако они не оформили приобретенное имущество в общую долевую собственность детей с определением размера долей. Данное обстоятельство послужило основанием для обращения в суд с требованиями обязать ответчиков выполнить установленную законом обязанность. Суд отметил, что бездействие ответчиков нарушает имущественные и жилищные права несовершеннолетних детей, в результате заявленные прокурором требования были удовлетворены.

Проанализированное судебное решение свидетельствует о том, что нарушение имущественных прав детей может являться следствием противоправного бездействия их родителей. В таком случае мерой восстановления нарушенных прав будет принуждение родителей исполнить нарушенную обязанность в судебном порядке.

Приведенное выше судебное решение является лишь одним из примеров нарушения имущественных прав детей в результате противоправного бездействия обязанных лиц. Однако существуют и иные ситуации, в которых субъекты не осуществляют должных действий в нарушение имущественных прав несовершеннолетних. Например, в деле № 2-6660/2020 от 30 июля 2020 г., рассмотренном Прикубанским районным судом г. Краснодара, ответчица не выполнила обязанность по предоставлению несовершеннолетней доли в комнате на праве собственности, возложенную Приказом начальника Управления по вопросам семьи и детства администрации муниципального образования города Краснодар [6]. Управление обратилось в суд в интересах несовершеннолетней с требованиями обязать ответчицу обеспечить на праве собственности несовершеннолетнюю благоустроенным жилым помещени-

ем. Обращению в суд способствовали следующие обстоятельства. В адрес истца поступило заявление несовершеннолетней о даче разрешения на продажу принадлежавшей ей на праве общей долевой собственности доли квартиры с условием последующей покупки комнаты. Приказом начальника Управления было дано разрешение на совершение перечисленных сделок. Кроме этого, положения Приказа предусматривали обязанность ответчицы предоставить истцу документы, подтверждающие право общей долевой собственности несовершеннолетней на долю комнаты. Однако ответчица не выполнила указанные действия, что было расценено судом как нарушение имущественных прав несовершеннолетней, так как последней ничего не было приобретено взамен проданного имущества. Ответчицей были приведены доводы об отказе несовершеннолетней от своего права на приобретение в ее собственность жилья, однако они не были подтверждены соответствующими аргументами. Учитывая приведенные обстоятельства, суд удовлетворил иски требования.

Таким образом, невыполнение обязанностями лицами необходимых действий по обеспечению имуществом несовершеннолетних является одним из обстоятельств нарушения права собственности последних. В случае нарушения обязанности по предоставлению имущества на праве собственности несовершеннолетним в целях восстановления нарушенного права суд обяжет лицо, не выполнившее обязанность, исполнить ее.

Для предотвращения нарушений имущественных прав детей представляется необходимым предусмотреть ответственность в форме взыскания денежных средств за невыполнение обязанностей по обеспечению несовершеннолетних имуществом на праве собственности, влекущее нарушение прав несовершеннолетних.

Проанализированные выше материалы судебной практики отображают, как право собственности несовершеннолетних может нарушаться путем противоправного бездействия. Однако на практике существуют обстоятельства, при которых действия субъектов непосредственно направлены на умаление имущественных прав детей. Это может быть связа-

но, например, с прекращением отношений усыновления.

Данное обстоятельство послужило основанием обращения в суд с иском о прекращении права собственности несовершеннолетних на доли в жилом доме и земельном участке в деле от 22 сентября 2020 г. № 2-266/2020, рассмотренном Порховским районным судом [5]. Истцы приобрели в общую долевую собственность земельный участок и жилой дом, при этом дом был приобретен за счет средств материнского капитала. На момент приобретения истцами названного имущества в состав семьи входили их дочери и двое усыновленных детей. Так как дети не достигли установленного законом возраста, истица определила их доли в праве на имущество. Однако орган опеки и попечительства не предупредил истцов о наличии у детей тяжелого психического заболевания и, как следствие, необходимости постоянного лечения и медицинского наблюдения. В связи с этим истцы обратились в суд с требованиями об отмене усыновления, которые были удовлетворены. Так как усыновление было отменено, истцы просят суд прекратить право собственности детей на недвижимое имущество.

В удовлетворении исковых требований судом было отказано по следующим основаниям. Во-первых, в момент приобретения спорного имущества ответчики являлись членами семьи истцов, поэтому у них возникло право собственности в праве общей долевой собственности. Во-вторых, договор купли-продажи по приобретению спорного имущества не был ни оспорен, ни отменен, ни признан недействительным, а право общей долевой собственности покупателей, в том числе ответчиков, на спорные объекты недвижимости зарегистрировано в соответствии с законом. В-третьих, действующим законодательством не предусмотрено прекращение права собственности несовершеннолетних в случае отмены усыновления. Наконец, ответчики не имеют иного жилья, поэтому лишение их права собственности на спорные объекты недвижимости повлечет уменьшение принадлежащего ответчикам имущества и нарушению их законных прав и интересов.

В приведенном судебном решении действия истцов были направлены на прекраще-

ние права собственности несовершеннолетних, что было признано судом неправомерным и расценено как уменьшение объема имущественных прав детей. Таким образом, если в случае противоправного бездействия мерой восстановления нарушенного права, как правило, является принуждение к выполнению обязанности, то при целенаправленном действии правоприменителем не будут удовлетворены требования, осуществление которых негативно скажется на интересах несовершеннолетних.

Выводы

Обобщая вышесказанное, отметим, что дети как субъекты гражданского и семейного права находятся в зависимости от своих законных представителей в вопросе осуществления и защиты имущественных прав в силу возраста, развития и законодательных предписаний. Несмотря на возложенные законодателем обязанности, родители и опекуны не всегда действуют в интересах детей. Их противоправные деяния проявляются как в форме действий, так и бездействия, что приводит к нарушению предусмотренных законом имущественных прав детей. Как следует из результатов анализа судебных решений, необходимо предусмотреть введение денежной ответственности за противоправные деяния, повлекшие в результате нарушение и умаление имущественных прав несовершеннолетних. Введение подобной меры представляется нужным, так как при наличии потенциального денежного взыскания лица, в обязанности которых входит защита интересов ребенка, будут более ответственно подходить к вопросу выполнения предписанных законом обязанностей и воздерживаться от противоправных действий. По мере развития общественных отношений открываются новые аспекты защиты имущественных прав несовершеннолетних, поэтому изучение данного вопроса будет оставаться актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства

Российской Федерации. – 1994. – 5 дек. – № 32. – Ст. 3301.

2. Матыцин, Д. Е. Опыт судебного правоприменения по корпоративным спорам, связанным с истребованием акций из незаконного чужого владения и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2020. – № 10. – С. 43–47.

3. Решение Железнодорожного районного суда г. Пензы (Пензенская область) № 2-523/2020 2-523/2020~М-412/2020 М-412/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-523/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/GCgA9dEgnBdp> (дата обращения: 09.09.2021). – Загл. с экрана.

4. Решение Островского районного суда (Костромская область) № 2-264/2020 2-264/2020~М-232/2020 М-232/2020 от 3 сентября 2020 г. по делу № 2-264/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/fvheh6TgSQ1P> (дата обращения: 07.09.2021). – Загл. с экрана.

5. Решение Порховского районного суда (Псковская область) № 2-266/2020 2-266/2020~М-245/2020 М-245/2020 от 22 сентября 2020 г. по делу № 2-266/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/OSWXhkdduhl4> (дата обращения: 09.09.2021). – Загл. с экрана.

6. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара (Краснодарский край) № 2-6660/2020 2-6660/2020~М-6086/2020 М-6086/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-6660/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/K919z93M4d6d> (дата обращения: 09.09.2021). – Загл. с экрана.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – 1 янв. – № 1. – Ст. 16.

8. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2007. – 1 янв. – № 1 (ч. 1). – Ст. 19.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (red. ot 28.06.2021) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ Dated November 30, 1994 (As Amended on June 28, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, December 5, no. 32, article 3301.

2. Matytsin D.E. Opyt sudebnogo pravoprimereniya po korporativnym sporam, svyazannym s istrebovaniem akcij iz nezakonnogo chuzhogo vladeniya i cifrovye tekhnologii [Experience of Judicial Enforcement in Corporate Disputes Related to the Reclamation of Shares from Illegal Alien Ownership and Digital Technologies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 10, pp. 43–47.

3. Reshenie Zheleznodorozhnogo rajonnogo suda g. Penzy (Penzenskaya oblast') № 2-523/2020 2-523/2020~М-412/2020 М-412/2020 ot 27 iyulya 2020 g. po delu № 2-523/2020 [Decision of the Zheleznodorozhnyi District Court of Penza (Penza Region) No. 2-523/2020 2-523/2020~М-412/2020 М-412/2020 Dated July 27, 2020, in Case No. 2-523/2020]. *Sudebnye i normativnye акты RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GCgA9dEgnBdp> (accessed 9 September 2021).

4. Reshenie Ostrovskogo rajonnogo suda (Kostromskaya oblast') № 2-264/2020 2-264/2020~М-232/2020 М-232/2020 ot 3 sentyabrya 2020 g. po delu № 2-264/2020 [Decision of the Ostrovsky District Court (Kostroma Region) No. 2-264/2020 2-264/2020~М-232/2020 М-232/2020 Dated September 3, 2020, in Case No. 2-264/2020]. *Sudebnye i normativnye акты RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fvheh6TgSQ1P> (accessed 7 September 2021).

5. Reshenie Porhovskogo rajonnogo suda (Pskovskaya oblast') № 2-266/2020 2-266/2020~М-245/2020 М-245/2020 ot 22 sentyabrya 2020 g. po delu № 2-266/2020 [Decision of the Porkhovsky District Court (Pskov Region) No. 2-266/2020 2-266/2020~М-245/2020 М-245/2020 Dated September 22, 2020, in Case No. 2-266/2020]. *Sudebnye i normativnye акты RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OSWXhkdduhl4> (accessed 9 September 2021).

6. Reshenie Prikubanskogo rajonnogo suda g. Krasnodara (Krasnodarskij kraj) № 2-6660/2020 2-6660/2020~М-6086/2020 М-6086/2020 ot 30 iyulya 2020 g. po delu № 2-6660/2020 [Decision of the Prikubansky District Court of Krasnodar (Krasnodar Krai) No. 2-6660/2020 2-6660/2020~М-6086/2020 М-6086/2020 Dated July 30, 2020, in Case No. 2-6660/2020]. *Sudebnye i normativnye акты RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/K919z93M4d6d> (accessed 9 September 2021).

7. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 1995 g. No. 223-FZ [Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ Dated December 29, 1995]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, January 1, no. 1, article 16.

8. Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 № 256-FZ «O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushchih detej» [Federal Law No. 256-FZ Dated December 29, 2006 “On Additional Measures of

State Support for Families with Children”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, January 1, no. 1 (part 1), article 19.

Information About the Authors

Natalia A. Ablyatipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Associate Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice (the Crimean Branch), Pavlenko St, 5, 295006 Simferopol, Russian Federation, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Irina Yu. Volkova, Student, Faculty of Law, Russian State University of Justice (the Crimean branch), Pavlenko St, 5, 295006 Simferopol, Russian Federation, J.generation@yandex.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7962-1667>

Информация об авторах

Наталья Айдеровна Аблятипова, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), ул. Павленко, 5, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Ирина Юрьевна Волкова, студент юридического факультета, Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), ул. Павленко, 5, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, J.generation@yandex.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7962-1667>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.13>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 28.01.2022

**LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT
OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT
AND THE COMMERCIALIZATION
OF THE RESULTS OF SCIENTIFIC DEVELOPMENTS IN EDUCATION ¹**

Iolanta V. Baltutite

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: one of the national development goals of the Russian Federation until 2030 is digital transformation, which implies the achievement of “digital maturity” of key sectors of the Russian economy and social sphere, including healthcare and education, as well as public administration. The goals, objectives, and measures for the implementation of state policy designed to promote the formation of the digital economy in Russia, the use of science and technology as a key factor in the development of the country, to ensure national interests and the implementation of strategic national priorities are defined by the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. **Purpose:** to analyze the main directions of digital transformation of the science and education sector in connection with the intensification of the process of digitalization of all spheres of society, fixed as one of the priorities of Russia’s development at the state level; to study the conditions for effective interaction of universities with industry and business. **Methods:** the methodological framework for the study is the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of systematicity, analysis, and comparative law. **Results:** the necessity of defining a new role of education for the sustainable development of Russia and ensuring structural changes in the country’s economy is revealed; new trends related to the transfer of knowledge and technology from universities to the industry are described, legislative initiatives and other instruments of its stimulation are considered; some problems of the development of science, education, and entrepreneurship in the light of the implementation of the national project “Digital Economy” are identified. **Conclusions:** a system of educational quality criteria for creating a digital educational environment is defined; it is established that the mechanism of commercialization of the results of scientific applied research and development in the Russian Federation does not function effectively enough; the problems and directions of improving the legal regulation of relations in the field of public-private partnership, the results of artificial intelligence, the development of the digital educational environment are shown.

Key words: education, digital transformation, artificial intelligence, commercialization, innovation, online education.

Citation. Baltutite I.V. Legal Regulation of the Development of the Digital Educational Environment and the Commercialization of the Results of Scientific Developments in Education. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 91-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.13>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 28.01.2022

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ
ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ
РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК В ОБРАЗОВАНИИ ¹**

Иоланта Видмантовна Балтутите

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: одной из национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. является цифровая трансформация, предполагающая достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей российской эконо-

мики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления. Цели, задачи и меры по реализации государственной политики, призванные содействовать формированию цифровой экономики в России, использованию науки и технологий в качестве ключевого фактора развития страны, а также обеспечить национальные интересы и реализацию стратегических национальных приоритетов, определены Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. **Цель:** анализ основных направлений цифровой трансформации сектора науки и образования в связи с интенсификацией процесса цифровизации всех сфер жизни общества, закрепленной в качестве одного из приоритетов развития России на государственном уровне; исследование условий для эффективного взаимодействия университетов с промышленностью и бизнесом. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** выявлена необходимость определения новой роли образования для устойчивого развития России и обеспечения структурных изменений в экономике страны; описаны новые тенденции, связанные с передачей знаний и технологий из университетов в промышленность, рассматриваются законодательные инициативы и другие инструменты его стимулирования; выявлены некоторые проблемы развития науки, образования и предпринимательства в свете реализации национального проекта «Цифровая экономика». **Выводы:** определена система критериев качества образования для создания цифровой образовательной среды; установлено, что механизм коммерциализации результатов научных прикладных исследований и разработок в Российской Федерации функционирует недостаточно эффективно; показаны проблемы и направления совершенствования правового регулирования отношений в области государственно-частного партнерства, результатов деятельности искусственного интеллекта, развития цифровой образовательной среды.

Ключевые слова: образование, цифровая трансформация, искусственный интеллект, коммерциализация, инновации, онлайн-образование.

Цитирование. Балгутите И. В. Правовое регулирование развития цифровой образовательной среды и коммерциализация результатов научных разработок в образовании // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 91–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.13>

Введение

В Стратегии научно-технического развития до 2035 г. [9] подчеркивается необходимость использования науки и технологий в качестве ключевого фактора развития страны и создания конкурентных преимуществ в ключевых областях деятельности. Среди приоритетных направлений определен переход к современным цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям, открытому онлайн-образованию, созданию систем обработки больших объемов данных, машинного обучения, искусственного интеллекта и др.

В 2014 г. на уровне закона были закреплены правовые основы стратегического планирования, что было весьма положительно оценено экспертным сообществом [11]. Утверждена дорожная карта, разработанная с целью повышения эффективности отечественной науки, качества и конкурентоспособности российского образования. Она включала мероприятия, в частности, направленные на повышение изобретательской и публикационной активности отечественных исследователей,

реализацию в России крупных проектов «мегасайенс», создание лабораторий под руководством ведущих ученых и др.

Развитие цифровой образовательной сферы в России

Работа над инновационным проектом «Национальная платформа открытого образования» в области онлайн-образования началась в декабре 2014 г., когда был создан Совет по открытому образованию. В него, наряду с вузами, вошли представители Рособнадзора и Минобрнауки России. В апреле 2015 г. 8 ведущих вузов (среди которых МГУ, СПбГУ и СПбПУ) учредили ассоциацию «Национальная платформа открытого образования». Платформа устанавливала требования к качеству онлайн-курсов и взаимодействовала с вузами, которые реализовывали образовательные программы с использованием онлайн-курсов платформы [15, с. 22].

Создание единого электронного пространства для российского образования обусловлено необходимостью развития благоприятных

условий для формирования принципиально новой системы непрерывного образования, предполагающей индивидуализацию спроса и возможностей его удовлетворения. Это означает, что в условиях цифровой экономики возникла необходимость заново определить роль образования для устойчивого развития России и обеспечения структурных изменений экономики страны [11].

Развитие открытого онлайн-образования активно поддерживается в нашей стране в рамках национального проекта Министерства образования и науки «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», целью которого выступает создание условий для улучшения качества образования путем развития цифровой образовательной среды, формирования профессиональных компетенций и подтверждения образовательного статуса студентов и преподавателей.

На поддержку экспериментальных разработок и прикладных научных исследований межотраслевого характера, способствующих модернизации экономики, была направлена Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» [5]. Поставлены задачи создания условий для интеграции науки и образования, инвестиционной привлекательности инновационной деятельности, прозрачного и конкурентного финансирования научных исследований и технологических разработок, развития международной кооперации, интеграции отечественных достижений в международное пространство.

Задача усиления позиций российской науки на мировой арене, создания условий для интеграции в международные рынки знаний и технологий может быть решена, в том числе, в ходе реализации крупных проектов класса «мегасайенс». Один из таких проектов реализуется на основе соглашения, подписанного между Правительством РФ и Европейской организацией ядерных исследований о научно-техническом сотрудничестве в области физики высоких энергий и иных сферах взаимного интереса [8]. Как подчеркивают специалисты, увеличение сложности и стоимости инфраструктуры научных исследова-

ний приводит к необходимости интеграции с зарубежными партнерами [14, с. 141].

Однако связи науки и бизнеса остаются слабой стороной отечественной инновационной системы. Решение задачи преобразования научных результатов в коммерциализируемые продукты и услуги сопряжено с рядом трудностей. В частности, необходимо внедрить форматы, позволяющие научно-образовательным организациям более тесно взаимодействовать с предпринимателями. При высоком уровне фундаментальных исследований, значительном числе научных школ и ведущих научных центров, сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям, несоответствие предложения результатов исследований и разработок спросу на них со стороны реального сектора экономики и недопустимо низкий уровень этого спроса.

С 2022 г. планируется изменить подход к финансированию науки и исследований: предполагается спонсировать не институты, а разработку конечных продуктов и технологий. Это следует из проекта постановления Минобрнауки, которым утверждается новая госпрограмма «Научно-технологическое развитие РФ» [7].

Для создания такой инфраструктуры Россия может опираться на зарубежный опыт. Практически во всех передовых вузах Европы и США в последние десятилетия были учреждены отделы трансфера технологий, призванные обеспечивать коммерциализацию инноваций. Они выступают посредниками между «поставщиками инноваций» (университетскими учеными) и субъектами, которые могут потенциально коммерциализировать инновации (производители, венчурные фонды). Исследователь, создавший результат интеллектуальной деятельности, обращается в отдел трансфера технологий, который решает, есть ли необходимость патентовать разработку. Для этого определяется коммерческий потенциал полученного результата. Если производители и иные коммерческие структуры уже проявили интерес к разработке, шансы на подачу патентной заявки существенно возрастают. Если коммерческие перспективы туманны, вузы неохотно подают заявки, учитывая высокую стоимость процедуры патентования и поддер-

жания патента. После получения патента начинается поиск потенциального лицензиата, который будет заниматься внедрением. Нередко для этого вузом создается специализированный стартап [13, с. 15].

Проблемы коммерциализации результатов научных разработок в образовании

Зарубежные исследователи выделяют ряд серьезных проблем [17, с. 4], с которыми сталкивается отдел трансфера технологий при коммерциализации инноваций, полученных научно-образовательной организацией.

Возникает проблема стимулирования изобретателей в раскрытии информации о своих разработках. Как правило, патенты получают университеты и научно-исследовательские организации. Они обязаны выплачивать работникам-изобретателям вознаграждение в процентах от прибыли, получаемой от использования результата интеллектуальной деятельности (роялти). Обычно процент варьируется от 30 до 40 % и определяется политикой данной организации в сфере интеллектуальных прав. Некоторая часть полученных роялти может поступать подразделению организации, в котором работает изобретатель. Так, в ФРГ для работников университетов установлена фиксированная доля (30 %) от общего дохода, получаемого работодателем в связи с использованием объекта [16, с. 77]. В США работнику частной организации, нанятому специально для ведения научных исследований, считается достаточным выплачивать зарплату. Американские корпорации в качестве поощрения инноваций иногда предусматривают для своих работников дополнительное вознаграждение, в том числе в форме предоставления акций или опционов работодателя, разовой денежной премии, присуждения почетного звания, хотя это не является обязательным.

Помимо этого, после патентования изобретения возникают сложности с обеспечением участия изобретателей в дальнейшем продвижении инновации. Лицензиату приходится вкладывать значительные средства в коммерциализацию разработки, ее преобразование в продукт, привлекательный для потребителей.

Во многих случаях это невозможно сделать без участия изобретателя. Перед отделом трансфера технологий стоит задача установления эффективного взаимодействия с исследователями на стадии дальнейшего продвижения продукта на рынок.

Кроме того, изобретатель, работодатель, производитель и потенциальный инвестор могут по-разному оценивать сущность и перспективы изобретения. Изобретателям и работодателям сложно понять коммерческие перспективы изобретений, а предпринимателям бывает непросто определить потенциальные выгоды от использования изобретения. Для решения этой проблемы особое значение приобретают базы данных инноваций, которые ведут многие зарубежные университеты.

Отделы (центры) трансфера технологий созданы в некоторых российских образовательных организациях. Так, целью деятельности Центра трансфера технологий МГУ имени М.В. Ломоносова является содействие развитию инновационной деятельности в Московском университете, обеспечение охраны результатов интеллектуальной деятельности работников посредством патентования, коммерциализация разработок путем заключения лицензионных договоров, создание условий для эффективного взаимодействия университета с промышленностью и бизнесом. Центр ведет каталог инновационных разработок и реестр патентов МГУ. Доход, полученный от использования разработки, распределяется таким образом: 35 % остается на нужды университета, 40 % направляется в подразделение, работниками которого создана разработка, 25 % передается авторам [3, с. 20].

В 2021 г. Министерством науки и высшего образования РФ проводился конкурс в рамках реализации федерального проекта «Развитие масштабных научных и научно-технологических проектов по приоритетным исследовательским направлениям» национального проекта «Наука и университеты». В этом году по результатам отбора предполагается определить 9 базовых организаций, которые получат финансовую поддержку. Центры трансфера технологий станут значимым элементом экосистемы университетского технологического предпринимательства, активное развитие которого предусмотрено програм-

мой поддержки университетов «Приоритет-2030» [4].

К сожалению, в большинстве российских образовательных организаций такие подразделения либо не созданы, либо носят формальный характер, не занимаясь продвижением технологий. Они не применяют даже такой базовый инструмент привлечения лицензиатов как реестр инноваций (лицензионных предложений), не имеют положений относительно размера авторского вознаграждения.

Дискуссионными остаются вопросы о возможности предоставления правовой охраны результатам деятельности искусственного интеллекта, созданным алгоритмом без творческого участия человека, о субъекте ответственности в ситуации, когда алгоритм создал контент, нарушающий исключительные права третьих лиц, и др. Представляется, что применительно к российскому правопорядку необходимо исходить из следующего. В соответствии с буквальным толкованием п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса РФ [1], результаты интеллектуальной деятельности (произведения, изобретения и т. п.) представляют собой плоды творческой созидательной деятельности человека (автора). С развитием технологий искусственного интеллекта этот подход необходимо скорректировать. Результаты, созданные искусственным интеллектом, тоже являются результатом творческой деятельности людей, хотя и опосредованно. Люди создали программу (машину искусственного интеллекта), поставили перед искусственным интеллектом задачу, ввели исходные данные и получили результат. Исключение такого результата из объектов интеллектуальной собственности снижает интерес к использованию в исследованиях и разработках технологий искусственного интеллекта. При отсутствии перспектив получения исключительных прав, применение искусственного интеллекта окажется невыгодным. Возможны и другие варианты. Например, инноваторы могут выдавать результаты, полученные с использованием искусственного интеллекта, в качестве собственных достижений и тогда эти результаты получают правовую охрану. Возможно, что результаты будут охраняться в режиме «ноу-хау». Предельное ограничение доступа к этим ре-

зультатам негативно скажется на научном прогрессе. Поэтому в интересах цифровой трансформации России следует признать результаты, полученные искусственным интеллектом, охраноспособными результатами интеллектуальной деятельности [2, с. 74].

Искусственный интеллект не должен указываться ни в качестве автора, ни в качестве правообладателя таких разработок. Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, а потому не может иметь субъективные права. С практических позиций возникнут сложности в процессе коммерциализации таких результатов интеллектуальной деятельности, защиты интеллектуальных прав. Даже если признать за искусственным интеллектом исключительное право и другие интеллектуальные права, функции таких прав не будут реализованы.

Выводы

В настоящее время утверждена Целевая модель цифровой образовательной среды, разработаны методические рекомендации по ее внедрению в субъектах Российской Федерации [6]. Пандемия коронавируса наглядно продемонстрировала необходимость цифровизации образовательной сферы внедрения информационных технологий, развития науки и образования.

Для создания цифровой образовательной среды необходима система критериев качества образования, в том числе юридического, которая включает: наличие высококвалифицированных преподавательских кадров, адекватное учебно-методическое обеспечение процесса образования, современное материально-техническое и технологическое обеспечение этого процесса, интеграция образования и науки, интеграция образования и практики, интеграция национального и мирового образования, доступность и непрерывность образования.

Механизм коммерциализации результатов научных прикладных исследований и разработок в Российской Федерации функционирует недостаточно эффективно. Это обусловлено использованием преимущественно традиционного, закрытого подхода к инновациям, слабой адаптивностью научно-исследовательских организаций к потребностям рын-

ка, институциональными и инфраструктурными ограничениями. Для решения проблем требуется расширение научного сотрудничества на основе модели открытых инноваций, сетевая организация предпринимательской инновационной деятельности, смена роли государства как доминирующего участника трансфера знаний и технологий на регулятора этого процесса.

Представляется, что подобные новеллы давно назрели. Они являются необходимым условием развития цифровой образовательной сферы в России.

Основной функцией исключительного права является стимулирование субъектов к созданию новых результатов интеллектуальной деятельности, вложению средств в их коммерциализацию. Исключительные права не будут оказывать подобного воздействия на искусственный интеллект.

Поставлена задача к 2024 г. полностью «актуализировать федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования в части требований к формированию компетенций цифровой экономики» [12]. Современное высшее образование ориентировано на подготовку востребованных специалистов, практику и нестандартные образовательные программы. Во многих вузах открылись новые специальности, связанные с цифровой экономикой: проектирование электронных образовательных ресурсов, организация, экономика, технология электронного обучения и др. Введены программы по изучению интеллектуальных систем обработки информации, информационного обеспечения экономики, автоматических и робототехнических систем, прикладной информатики в здравоохранении и др.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

The work was supported by Russian Science Foundation (project № 20-18-00314).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред.

от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5496.

2. Матыцин, Д. Е. Неоиндустриальный инструментарий оборота бездокументарных ценных бумаг: цифровые технологии реализации и защиты прав инвесторов и эмитентов / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 73–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10>.

3. Метляев, Д. Система управления интеллектуальной собственностью университета на примере МГУ имени М.В. Ломоносова / Д. Метляев, П. Рогозин // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2020. – № 6. – С. 17–22.

4. Первые 9 центров трансфера технологий будут созданы на базе научных организаций и университетов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=38923 (дата обращения: 08.01.2022). – Загл. с экрана.

5. Постановление Правительства РФ от 21 мая 2013 г. № 426 «О федеральной целевой программе “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы”» (ред. от 22.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 22. – Ст. 2810.

6. Приказ Минпросвещения России от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/564066705> (дата обращения: 08.01.2022).

7. Проект постановления Минобрнауки РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Научно-технологическое развитие Российской Федерации”». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/minobrnauki-izmenilo-podkhod-k-nauchno-tekhnicheskomu-razvitiyu-rossii.html> (дата обращения: 08.01.2022). – Загл. с экрана.

8. Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2019 г. № 751-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) о научно-техническом сотрудничестве в области физики высоких энергий и иных сферах взаимного интереса и Протокола к нему» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 17. – Ст. 2134.

9. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 49. – Ст. 6887.

10. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного обще-

ства в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

11. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26. – Ч. 1. – Ст. 3378.

12. Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» Паспорта национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 4 июня 2019 г. № 7). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 09.07.2019).

13. Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации / Н. В. Козлова [и др.] // Предпринимательское право. – 2020. – № 4. – С. 3–16.

14. Четвериков, А. О. Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? / А. О. Четвериков // LexRussica. – 2019. – № 7. – С. 141–150.

15. Чхутиашвили, Л. В. Тенденции развития высшего образования в цифровой экономике / Л. В. Чхутиашвили // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1. – С. 21–25.

16. Goncharov A. I., Matytsin D. E., Inshakova A. O. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors // The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention. – Cham : Information Age Publishing Inc., 2021. – P. 67–78.

17. Siege, D. University Technology Transfer Offices, Licensing, and Start-Ups / D. Siege, M. Wright // The Chicago Handbook of University Technology Transfer and Academic Entrepreneurship. – Chicago : [s. n.], 2015. – P. 4–10.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (red. ot 18.07.2019) [Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ Dated December 18, 2006 (Ed. July 18, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2006, no. 52, part 1, article 5496.

2. Matytsin D.E. Neoindustrial'nyj instrumentarij oborota bezdokumentarnyh cennyh bumag: cifrovye

tehnologii realizacii i zashchity prav investorov i emitentov [Neoindustrial Tools for the Turnover of Non-Documentary Securities: Digital Technologies for the Implementation and Protection of the Rights of Investors and Issuers]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 73-83. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10>.

3. Metlyaev D., Rogozin P. Sistema upravleniya intellektual'noj sobstvennost'yu universiteta na primere MGU imeni M.V. Lomonosova [University Intellectual Property Management System on the Example of Moscow State University Named After M.V. Lomonosov]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'* [Intellectual Property. Industrial Property], 2020, no. 6, pp. 17-22.

4. *Pervye 9 centrov transfera tekhnologij budut sozdany na baze nauchnyh organizacij i universitetov* [The First 9 Technology Transfer Centers Will Be Created on the Basis of Scientific Organizations and Universities]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=38923 (accessed 8 January 2022).

5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21 maya 2013 g. № 426 «O federal'noj celevoj programme “Issledovaniya i razrabotki po prioritetyim napravleniyam razvitiya nauchno-tehnologicheskogo kompleksa Rossii na 2014–2020 gody”» (red. ot 22.04.2020) [Decree of the Government of the Russian Federation No. 426 Dated May 21, 2013 “On the Federal Target Program ‘Research and Development in Priority Areas of Development of the Scientific and Technological Complex of Russia for 2014–2020’”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2013, no. 22, article 2810.

6. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 2 dekabrya 2019 g. № 649 «Ob utverzhdenii Celevoj modeli cifrovoj obrazovatel'noj sredy» [Order of the Ministry of Education of Russia No. 649 Dated December 2, 2019 “On the Approval of the Target Model of the Digital Educational Environment”]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://https://docs.cntd.ru/document/564066705> (accessed 8 January 2022).

7. *Proekt postanovleniya Minobrnauki RF «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Nauchno-tehnologicheskoe razvitie Rossijskoj Federacii”»* [Draft Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “On Approval of the State Program of the Russian Federation ‘Scientific and Technological Development of the Russian Federation’”]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/minobrnauki-izmenilopodkhod-k-nauchno-tehnicheskomu-razvitiyurossii.html> (accessed 8 January 2022).

8. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2019 g. № 751-r «O podpisanii Soglasheniya mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj

Federaciji i Evropejskoj organizacii yadernykh issledovaniy (CERN) o nauchno-tekhnicheskoy sotrudnichestve v oblasti fiziki vysokikh energiy i inykh sferah vzaimnogo interesa i Protokola k nemu» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 751-r Dated April 15, 2019 “On the Signing of the Agreement Between the Government of the Russian Federation and the European Organization for Nuclear Research (CERN) on Scientific and Technical Cooperation in the Field of High Energy Physics and Other Areas of Mutual Interest and the Protocol to It”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2019, no. 17, article 2134.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 1 dekabrya 2016 g. № 642 «O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 642 Dated December 1, 2016 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2016, no. 49, article 6887.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody» [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 Dated May 9, 2017 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2017, no. 20, article 2901.

11. Federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 172-FZ Dated 28 June 2014 “On Strategic Planning in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2014, no. 26, part 1, article 3378.

12. *Federal'nyj projekt «Kadry dlya cifrovoj ekonomiki» Pasporta nacional'nogo proekta «Nacional'naya programma “Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii”»: utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i*

nacional'nyim proektam (protokol ot 4 iyunya 2019 g. № 7) [Federal Project “Personnel for the Digital Economy” of the Passport of the National Project “National Program ‘Digital Economy of the Russian Federation’”. Approved by the Presidium of the Council Under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (Minutes No. 7 Dated June 4, 2019)]. URL: <https://digital.gov.ru> (accessed 9 July 2019).

13. Kozlova N.V., Suhanova N.V., Vorozhevich A.S., Aleshkovskij I.A. Cifrovaya transformaciya v kontekste prioritetov gosudarstvennoj nauchno-tekhnicheskoy politiki i voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya cifrovoj ekonomiki v Rossijskoj Federacii [Digital Transformation in the Context of the Priorities of the State Scientific and Technical Policy and Issues of Improving the Legal Regulation of the Digital Economy in the Russian Federation]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law], 2020, no. 4, pp. 3-16.

14. Chetverikov A.O. Evropejskie konsorciumy issledovatel'skoj infrastruktury: mezhdunarodnye organizacii po evropejskomu pravu ili yuridicheskie lica suigeneris? [European Research Infrastructure Consortia: International Organizations Under European Law or Legal Entities Suigeneris?]. *LexRussica*, 2019, no. 7, pp. 141-150.

15. Chkhutiashvili L.V. Tendencii razvitiya vysshego obrazovaniya v cifrovoj ekonomike [Trends in the Development of Higher Education in the Digital Economy]. *Pravo i cifrovaya ekonomika* [Law and Digital Economy], 2021, no. 1, pp. 21-25.

16. Goncharov A.I., Matytsin D.E., Inshakova A.O. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2021, pp. 67-78.

17. Siege D., Wright M. University Technology Transfer Offices, Licensing, and Start-Ups. *The Chicago Handbook of University Technology Transfer and Academic Entrepreneurship*. Chicago, s. n., 2015, pp. 4-10.

Information About the Author

Iolanta V. Baltutite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Информация об авторе

Иоланта Видмантовна Балгутите, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.14>

UDC 347.951.25

LBC 67.410.113.49

Submitted: 29.12.2021

Accepted: 26.01.2022

MAIN DIRECTIONS AND PRINCIPLES OF APPLYING TECHNOLOGY 4.0 BY FOREIGN TRADE COMPANIES OF THE EAEU AND BRICS JURISDICTIONS¹

Alexander I. Goncharov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Marina V. Goncharova

Volgograd Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper reveals a scientific and methodological approach to determining the main (priority) directions of development and the principles of application of digital technologies of Industry 4.0, which increase efficiency and should be applied by economic entities of the EAEU and BRICS jurisdictions in the implementation of foreign trade activities. The **purpose** of the study is to reveal the main directions and principles of the application of 4.0 technologies by foreign trade companies of the EAEU and BRICS jurisdictions. **Methods:** the research is carried out based on the materialistic worldview of the authors and the universal scientific method of historical materialism. The general scientific and specific scientific methods of cognition are applied. **Results:** two priority main directions of development are substantiated; five fundamental principles of the application of the digital technologies of Industry 4.0 are identified, contributing to the proper implementation of cross-border export-import transactions between residents of the member states of integration associations with the participation of the Russian Federation, as well as the prevention of potential conflicts and economic disputes. **Conclusions:** the authors substantiate the proposal to digitize the space-application of neo-industrial digital technologies 4.0 by foreign trade companies of the EAEU and BRICS member states in the form of an online portal “Foreign Economic Activity of the Greater Eurasian Partnership online”, on which each participant in foreign economic activity will be able to open and operate his own legally significant personal account. At the same time, it is proposed to fix the priorities and principles of the development of the space for the use of neo-industrial digital technologies 4.0 by foreign trade companies of the member countries of the Greater Eurasian Partnership (EAEU + BRICS) in an interstate conventional agreement.

Key words: foreign economic activity, priorities, principles, digital technologies, integration associations, Industry 4.0, cross-jurisdiction poly subject blockchain.

Citation. Goncharov A.I., Goncharova M.V. Main Directions and Principles of Applying Technology 4.0 by Foreign Trade Companies of the EAEU and BRICS Jurisdictions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 99-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.14>

УДК 347.951.25

ББК 67.410.113.49

Дата поступления статьи: 29.12.2021

Дата принятия статьи: 26.01.2022

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ 4.0 ВНЕШНЕТОРГОВЫМИ КОМПАНИЯМИ ЮРИСДИКЦИЙ ЕАЭС И БРИКС¹

Александр Иванович Гончаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Марина Вячеславовна Гончарова

Волгоградский филиал Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье раскрывается научно-методологический подход к определению магистральных (приоритетных) направлений развития и принципов применения цифровых технологий Индустрии 4.0, которые

повышают эффективность и должны применяться хозяйствующими субъектами юрисдикций ЕАЭС и БРИКС при осуществлении внешнеэкономической деятельности. **Цель исследования** – раскрыть основные направления и принципы применения технологий 4.0 внешнеэкономическими компаниями юрисдикций ЕАЭС и БРИКС. **Методы:** исследование осуществлено на основе материалистического мировоззрения авторов и всеобщего научного метода исторического материализма. Применены общенаучные и частнонаучные методы познания. **Результаты:** обоснованы два приоритетных магистральных направления развития и определены пять основополагающих принципов применения цифровых технологий Индустрии 4.0, способствующих надлежащей реализации трансграничных экспортно-импортных сделок между резидентами государств-членов интеграционных объединений с участием Российской Федерации, а также превенции потенциально возможных конфликтов и хозяйственных споров. **Выводы:** авторами обосновано предложение оцифровать пространство применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 внешнеэкономическими компаниями стран-участниц ЕАЭС и БРИКС в виде интернет-портала «Внеэкономическая деятельность Большого евразийского партнерства онлайн», на котором каждый участник внешнеэкономической деятельности сможет открывать и эксплуатировать свой имеющий юридическое значение личный кабинет. При этом предлагается закрепить приоритеты и принципы развития пространства применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 внешнеэкономическими компаниями стран-участниц Большого евразийского партнерства (ЕАЭС + БРИКС) в межгосударственном конвенциональном соглашении.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, приоритеты, принципы, цифровые технологии, интеграционные объединения, Индустрия 4.0, межюрисдикционный полисубъектный блокчейн.

Цитирование. Гончаров А. И., Гончарова М. В. Основные направления и принципы применения технологий 4.0 внешнеэкономическими компаниями юрисдикций ЕАЭС и БРИКС // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 99–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.14>

Введение

Разработка содержания авторами статьи осуществлена на основе материалистического мировоззрения и всеобщего научного метода исторического материализма. Применены общенаучные методы познания: диалектический, гипотетико-дедуктивный метод, обобщение, индукция и дедукция, анализ и синтез, эмпирическое описание. В исследовании использованы также частнонаучные методы: догматический, сравнительно-правовой, герменевтический, структурно-функциональный и др.

Авторами в составе нормативной базы исследовались Договор о Евразийском экономическом союзе и Приложения к нему; Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза; Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»; Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. и Приложения к ним; Московская декларация XII саммита БРИКС; Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г.; Распоряжение Правительства России от 08.07.2020 № 1776-р [2; 3; 5; 7–10].

Исследование доктринальных источников охватывает научные работы ряда российских ученых, в числе этих авторов: В.В. Тараканов, А.О. Иншакова, А.И. Гончаров, И.В. Ершов, А.Е. Калинина, Е.И. Иншакова, И.А. Степанова, С.Ю. Глазьев. Исследовались также научные работы ряда иностранных авторов, в их числе: А. Szalavetz, J. Muller, K. Voigt, H. Kagermann, A. Gilchrist, S. Weyer, M. Schmitt, M. Ohmer, D. Goreck. Вместе с тем, на научно-методологическом уровне приоритеты и принципы развития пространства применения цифровых технологий 4.0 внешнеэкономическими компаниями стран-участниц ЕАЭС и БРИКС до последнего времени акцентированного внимания исследователей не получали. В научных работах зарубежных коллег мы не находим отклика на проблематику цифровых технологий в ЕАЭС и БРИКС [14; 17; 18].

Неоиндустриальные технологии проникли уже практически во все сферы общественных отношений, не исключение и внешнеэкономическая деятельность: сегодня невозможно представить внешнеэкономические сделки без применения цифровых технологий. Для успешного ведения бизнеса участники внешнеэкономического оборота должны владеть нюансами последних изменений законодательства, быть в курсе внедрения новых, инновационных циф-

ровых технологий. Внешнеэкономическая деятельность требует от участников быстроты и безошибочности принятия решений, при этом использование цифровых технологий снижает риски, обеспечивает прозрачность, законность и рост бизнеса. Традиционные формы международной торговли постепенно преобразуются в товарообмен на основе технологий искусственного интеллекта, это закономерно влечет реорганизацию рынков, товарооборота и бизнес-моделей, в основе которых теперь лежат новые цифровые технологии, такие как «интернет вещей», искусственный интеллект, блокчейн, Big Data.

Мы поддерживаем все более интенсивное применение внешнеторговыми компаниями цифровой технологии блокчейн. Она может использоваться для того, чтобы через компьютерный интерфейс осуществлять просмотр не только товаров, но и юридически значимой информации для всех участников: от производителей, грузоотправителей до портовых властей и государственных учреждений. Блокчейн – это распределенный реестр, дополняемая, но неизменяемая база данных, представляющая собой непрерывную цепь из блоков, данные этой базы хранятся одновременно на множестве компьютеров. Блокчейн-технологии в 10 раз увеличивают скорость обработки бумажных документов, позволяя упростить и ускорить работу с выдаваемыми документами [4].

В 2018 г., например, компаниями «Maersk» и IBM для осуществления внешне-торговой деятельности впервые была создана инновационная блокчейн-платформа TradeLens, Крупнейшие порты PSA Singapore и порт Роттердам, а также таможенные органы Сингапура, Нидерландов, Саудовской Аравии и Австралии, транспортные и логистические компании Agility, CEVA Logistics, Damco, Kotahi, PLH Trucking Company, WorldWide Alliance (всего около 94 организаций) стали участниками данного реестра. Платформа работает на блокчейн-технологии и со временем, весьма вероятно, может перерасти в глобальную торговую экосистему. Участники платформы могут оперативно, удобно и надежно заключать сделки, обмениваться необходимой информацией, а также осуществлять последующее передвижение товаров

через границы и международные торговые зоны [4].

В этой связи представляется перспективной применяемая в Эстонии цифровая технология электронного (виртуального) резидентства (E-residency). В частности, программа дает возможность гражданину любой страны создать компанию и вести ее деятельность на территории Эстонии дистанционно. E-резидент может через интернет управлять своей компанией из любой точки мира, пользоваться услугами электронного банка, платить налоги, заключать контракты с использованием цифровой подписи [11].

Исследование

Министерством экономического развития Российской Федерации создан «Единый портал внешнеэкономической информации» для российских экспортеров в части использования электронных платформ для продвижения и продаж своих товаров. Еще одна российская разработка – информационно-сервисная мультязычная (на русском, английском, индонезийском и китайском языках) платформа RSTrade, – нацелена на рост торгового оборота между странами Южной и Юго-Восточной Азии и странами Евразийского экономического союза, а также на привлечение зарубежных инвестиций в российские проекты. Платформа интегрирует 4 раздела: «Товары», «Услуги», «Инвестиции», «Контрактное производство». В частности, платформа содержит каталоги производителей и поставщиков товаров и услуг, инвестиционных проектов и инвесторов, а также текущих инжиниринговых разработок. Интернет-портал создан на основе комплексного подхода к решению задач по взаимодействию продавца и покупателя: от момента размещения товара на торговой площадке до момента обсуждения сроков и условий доставки, прохождения таможенных процедур и др. Платформа дает возможность решать юридические вопросы, возникающие при исполнении сделок в режиме реального времени [15].

Во внешнеэкономической деятельности цифровые технологии Индустрии 4.0 являются ключевым способом наращивания и объемов, и количества, и содержательного товар-

ного разнообразия внешнеторговых сделок. По нашему мнению, их эффективное применение должно быть обусловлено научно выверенными приоритетными (магистральными) направлениями, по которым указанные технологии должны применяться концентрированно и целенаправленно. В этой связи мы выделяем первое магистральное направление – расширенное и все более интенсивное применение комплекса неиндустриальных цифровых технологий именно на пространстве Большого евразийского партнерства (ЕАЭС + БРИКС) [1]. Второе магистральное направление развития пространства применения неиндустриальных цифровых технологий 4.0 хозяйствующими субъектами и государственными органами (службами) Большого евразийского партнерства – сквозное прослеживание товародвижения от выпуска с конвейера завода-изготовителя до момента его получения конечным потребителем.

Раскрывая *первое магистральное направление*, следует прямо указать на ведущую, флагманскую роль в деле широкого развертывания и продвижения инновационных и эффективно действующих цифровых технологий Индустрии 4.0 Китайской Народной Республики. Другие государства-партнеры, наряду с возможностями приобретать, копировать или иным законным образом использовать китайские цифровые разработки, имеют вполне здоровую и позитивную заинтересованность преодолевать реальное отставание и цифровой разрыв с Китаем, подтягивать уровень своей национальной науки и цифровых технологий до его уровня. Вместе с тем, учитывая технологическое отставание от Китая, например, России, примерно на 50 лет, затрачивать ресурсы на создание с нуля цифровых технологий, которые уже созданы и широко применяются, – нерационально.

По нашему мнению, новейшие технологии и высокая степень цифровизации бизнес-процессов и государственного управления в целом обеспечили Поднебесной победу над COVID-19 в 2020 году. Китай в условиях пандемии использовал цифровые технологии в четырех целевых направлениях. Во-первых, ограничение передачи коронавирусной инфекции: LBS-сервисы (location-based services), анализ больших данных и робототехника приме-

нялись для отслеживания и идентификации случаев повышенного риска получения инфекции, ограничения передвижения и минимизации контактов людей друг с другом. Во-вторых, информирование людей в любой точке страны каждый час: цифровые платформы и коммуникационные технологии обеспечения прозрачности и доступности всей полноты информации в режиме онлайн стали основой для пресечения в зародыше малейших проявлений паники в широких слоях населения. В-третьих, обеспечение высокого качества жизни в чрезвычайных обстоятельствах. Китайские информационно-коммуникационные компании максимально используют новейшие цифровые технологии O2O (from on-line to off-line) виртуальной реальности, позволяющие не только удовлетворять базовые жизненные потребности в период самоизоляции, но также нейтрализовать депрессию и ограничения, связанные с длительным пребыванием в замкнутом домашнем помещении, в частности, виртуально посещать музеи, кино, театры, зоопарки. В-четвертых, восстановление деловой активности. Для этого хозяйствующие субъекты Китая максимально широко и интенсивно использовали цифровые технологии: проводилась работа с потенциальными покупателями через интернет-каналы и трансляции возобновления операционной деятельности; работа трудовых коллективов компаний в кратчайшие сроки была возобновлена в удаленном режиме также через интернет.

Мы полагаем вполне приемлемым подходом международные договоренности, которые могут быть согласованно зафиксированы всеми государствами-партнерами на конвенциональном публично-правовом уровне о ведущей роли Китая в создании целостной цифро-технологической архитектуры единого пространства внешнеэкономической деятельности Большого евразийского партнерства. Это вполне обосновано и ведущей торгово-экономической и передовой информационно-технологической ролью Китая в XXI веке.

Очерчивая *второе магистральное направление*, следует отметить, что, создавая новые, адаптируя уже функционирующие в иных экономических сферах цифровые технологии для внешнеторговой деятельности, необходимо последовательно и настойчиво до-

бываться полностью прозрачного, сквозного прослеживания товародвижения от выпуска с конвейера завода-изготовителя до момента его получения конечным потребителем. Мы полагаем, что в течение ближайших 10 лет процесс инновационного проектирования, финансирования производства, рекламы, выбора, купли-продажи, оплаты, доставки товара в любую точку планеты, – весь указанный процесс – будет опосредован единой дистанционной, применяемой через интернет сквозной цифровой технологией. Потребитель получит возможность удаленно, но лично участвовать во всех указанных выше этапах создания товара непосредственно для себя, находясь непрерывно на связи, отслеживая процесс создания товара и интерактивно наполняя его функционал конкретными, заранее подобранными под свои потребительские предпочтения опциями. Внешнеторговые межгосударственные альянсы постепенно будут утрачивать свою востребованность, однако совместное партнерство государств во внешнеэкономической деятельности будет актуальным еще примерно 50 лет. Перспективы Большого евразийского партнерства нам представляются вполне позитивными, поскольку оно имеет фундаментальное географическое преимущество, а именно – крупнейшее на планете континентальное пространство Евразии. В этой связи следует акцентировать усилия на формировании внутри Партнерства центров ответственности применяемых неоиндустриальных цифровых технологий: производство; расчеты; транспортировка-таможня; электронная граница; кибербезопасность. Пять указанных направлений ответственности при осуществлении внешнеэкономической деятельности следует воспринимать и рассматривать именно как основополагающие начала – принципы развития пространства применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 хозяйствующими субъектами стран-участниц ЕАЭС и БРИКС.

Первый принцип развития цифровых технологий на этапе производства товаров предусматривает глубокую отработку сочетания высшего уровня автоматизации и роботизации высоко технологичного конвейерного производства и непрерывного интернет-слежения в режиме онлайн за всеми его диск-

ретными процедурами. Такими технологиями получают возможность пользоваться конечные потребители, инвесторы, государственные контролирующие, а также налоговые и таможенные органы. В рамках реализации означенного принципа обеспечивается превентивное информационное государственно-частное партнерство. Поскольку изначально становятся известны фактические объемы производства товаров на экспорт, заранее известны покупатели и их источники финансовых ресурсов, а также цены купли-продажи товаров, отслеживаются все финансовые транзакции, становится невозможно скрывать объекты налогообложения, также невозможно вывезти товар за рубеж контрабандой, в итоге снижается уровень криминогенности общественных отношений. Одновременно с этим большое значение имеет также осуществляемый в онлайне многосторонний входной контроль качества комплектующих, запасных частей, иных поставляемых материалов для производства товаров. Онлайн-контроль и непрерывная видеофиксация также осуществляется полностью по всей траектории конвейерного движения создаваемого товара, при этом фиксируются операции конкретных работников, что имеет юридическое значение для каждого из них в оценке степени и качества трудового участия в процессе производства. Такие видеозаписи должны храниться на сервере завода-изготовителя постоянно, что будет способствовать ускоренному выявлению виновных лиц в случаях допущенного брака в процессе производства товаров.

Второй принцип развития цифровых технологий – интенсификация онлайн финансовых расчетов между контрагентами. Данная сфера внешнеэкономической деятельности в настоящее время является наиболее продвинутой и передовой в аспекте использования цифровых технологий. Дистанционное банковское обслуживание, применение электронной подписи при осуществлении денежных переводов являются самыми первыми информационно-коммуникационными технологиями, эти цифровые сервисы достаточно эффективно работают и применяются абсолютным большинством участников внешнеэкономической деятельности. Крупнейшие коммерческие банки предлагают также комплексные

сервисные продукты по экспорту и импорту товаров в части формирования паспорта сделки, аккредитивных и вексельных расчетов, контроля и осуществления таможенных платежей. К этим хорошо отработанным банковским технологиям следует интегрировать современную цифровую технологию смарт-контрактов. Эти умные цифровые технологии предусматривают дистанционную интернет-фиксацию исполнения запланированных сторонами контракта промежуточных этапов внешнеэкономической сделки, что позволяет автоматически отправлять юридически значимые команды, в том числе на перевод запланированных платежей [12]. Наряду с этим, мы предлагаем, по мере отработки взаимосвязанного применения в сочетании дистанционного банковского обслуживания и смарт-контрактов, реализовать следующий уровень технологической интеграции, а именно вывести фактическую реализацию внешнеэкономических смарт-контрактов, включая денежные расчеты по ним, на межгосударственный интернет-портал «Внеэкономическая деятельность Большого евразийского партнерства онлайн» [17].

В 2020 г. в России введена в эксплуатацию информационная система «Одно окно». Она позволит российским экспортерам получать онлайн-доступ к услугам, сопутствующим ведению внешнеэкономической деятельности. В системе «Одно окно» в цифровом виде представлены услуги и сервисы, необходимые компании-экспортеру для решения основных задач бизнеса на каждом этапе экспортного цикла. Для взаимодействия с различными ведомствами экспортеру будет достаточно один раз ввести в систему необходимые данные, а затем получать необходимые услуги. Информационная система «Одно окно» содержит 24 услуги, в том числе сервисы, связанные с аналитикой, а также электронным хранением сертификатов и лицензий. Новым распоряжением Правительства России был расширен перечень доступных услуг в системе «одно окно». Итого в системе должно заработать 28 сервисов (Распоряжение Правительства России от 8 июля 2020 г. № 1776-р) [7].

Система «Одно окно» позволит освободить экспортеров от громоздкого бумажного документооборота, наладить электронную

коммуникацию с различными госведомствами и организациями, участвующими в предоставлении услуг в сфере экспорта.

В начале 2020 г. Евразийский межправительственный совет поставил задачу подготовить изменения права ЕАЭС в сфере международной электронной торговли. После проработки вопроса на заседании 9 октября Комиссия доложила о результатах проведенной работы.

Третий принцип развития цифровых технологий – достижение полной электронно-дистанционной управляемости и непрерывного интернет-слежения за товаром, движущимся по маршруту внешнеторговой сделки в сочетании с мобильными и необременительными электронными таможенными процедурами. Следует объективно признать, что цифровые таможенные технологии, в частности в объединении ЕАЭС, наиболее продвинулись в своем развитии. Реализация цифровой повестки во внешнеэкономической деятельности началась с изменения организационной структуры таможенных органов. Декларации на товары стали подаваться только в специализированные таможенные органы, которые осуществляют электронный документооборот. Первые электронные таможни появились в 2018 году. По уровню внедрения инновационных технологий таможенные органы государств-членов ЕАЭС являются признанными лидерами: в странах законодательно закреплены и используются технологии совершения отдельных операций в автоматическом режиме. Реализация данных технологий осуществляется на основании п. 3 ст. 82 Таможенного кодекса ЕАЭС. Ежедневно информационными системами таможенных органов без участия должностных лиц обрабатываются около 200 тыс. таможенных документов. Например, в 2020 г. Коллегия ЕЭК одобрила проект Соглашения «О единой системе идентификации участников внешнеэкономической деятельности» в рамках ЕАЭС. Предложенная система будет использовать национальный идентификационный номер налогоплательщика при формировании уникального идентификационного номера участника ВЭД [6].

Крупные современные заводы-изготовители массовых экспортных товаров вполне закономерно располагаются вблизи узлов

транспортной инфраструктуры – портов, железнодорожных станций, магистральных автомобильных трасс. При этом товар, отправляемый на экспорт, обязательно проходит таможенные процедуры. В этой связи следует развивать беспилотные технологии (без водителя-человека) транспортировки товара на таможенные процедуры на склады местного таможенного органа. Но еще более перспективно и целесообразно разработать цифровую технологию «Мобильный таможенный склад». Специальный комплект оборудования госслужащие местного таможенного органа могли бы перевозить на обыкновенном легковом автомобиле, приезжая на завод-изготовитель к моменту погрузки товара в стандартные транспортные контейнеры. Цифровая технология, при которой офицеры таможни, осуществляя под непрерывной видеофиксацией таможенные процедуры, формируя на месте электронные таможенные декларации в режиме онлайн, позволит достичь весьма значительного снижения экономических издержек. Поскольку технология исключит бесполезные перемещения экспортных товаров со склада завода-изготовителя на таможенный, а затем в порт (на железную дорогу и т. п.). Данная технология также эффективно может применяться и при прибытии в узловые точки транспортной инфраструктуры партий импортных товаров. В таком ракурсе цифровая технология «Мобильный таможенный склад» может применяться аналогично при выгрузке стандартных транспортных контейнеров с судна, вагона, самолета, автомобиля, при этом бесполезные перевозки этого товара от места прибытия на таможенные склады исключаются. Как при импорте, так и при экспорте на каждом стандартном транспортном контейнере таможенный орган должен оставлять «цифровую пломбу» – неотделяемый одноразовый микрочип, в котором хранится цифровой ключ к архивной папке, содержащей сведения о таможенной процедуре. Данный блок информации содержит электронную таможенную декларацию, видеофиксацию участников и должностных лиц, участвовавших в процедуре, и хранится в системе межюрисдикционного полисубъектного блокчейна [13].

Четвертый принцип развития цифровых технологий – развитие спутникового ин-

тернет-слежения за пересечением границ юрисдикций стандартными транспортными контейнерами с товарами, движущимися по маршрутам экспортно-импортных внешне-торговых сделок. В развитие этих технологий потребуются создавать в узловых точках транспортной инфраструктуры специальные роботизированные комплексы – электронные ворота (цифровая технология «электронная государственная граница»). Их функционирование следует интегрировать с технологиями погрузочных (разгрузочных) манипуляций со стандартными транспортными контейнерами, которые осуществляются при разгрузке товара, прибывающего по импортному контракту, либо при погрузке товара, отправляемого на экспорт. На этапе пересечения конкретной партией товара «электронной государственной границы» следует производить дополнительный контроль надлежащего производства госслужащими таможенных процедур, предусмотренных при экспорте, а также при импорте. Такая цифровая технология должна предусматривать возможность добавления этого дополнительного блока информации о факте пересечения границы, об участниках и должностных лицах данной процедуры, файл с видеофиксацией пересечения границы, в качестве нового неизменяемого звена цепочки блокчейна на архивное хранение. В таком сочетании технологий цифровая отметка о надлежащем пересечении товаром границы будет совмещена с «цифровой пломбой» таможенного органа и будет отслеживаться по маршруту сделки, поддерживая связь со спутником. Указанные цифровые технологии также должны предусматривать информационно-коммуникационное взаимодействие с межгосударственным интернет-порталом «Внешнеэкономическая деятельность Большого евразийского партнерства онлайн».

Пятый принцип развития цифровых технологий – обеспечение кибербезопасности. Это комплекс мер по дифференциации и хранению непрерывно изменяющихся кодов доступа к технически и юридически значимым цифровым технологиям внешнеэкономической деятельности в системе межюрисдикционного полисубъектного блокчейна, предусматривающий и обеспечивающий не-

возможность относительно быстрого и рентабельного взлома технологий при кибератаках. Кибербезопасности государства-партнеры должны уделять самое пристальное внимание поскольку, во-первых, цифровые технологии внешне-экономической деятельности будут продолжать ускоренно и широко развиваться, но при этом, во-вторых, криминальные группировки будут также интенсивно пытаться проводить хакерские атаки в целях «перехвата управления» внешнеторговыми товарными потоками и присвоения денежной выручки за похищенные материальные ценности.

Превенция подобных киберпреступлений будет обеспечена при условии, что указанная технология будет развиваться в направлении обеспечения непрерывного интернет-слежения за движущимися транспортными средствами с космических спутников, предусматривая в течение ближайших 10 лет достижение качества транслируемого видеоизображения предметов размером в пределах 1 см, несмотря на сложные метеословия и/или темное время суток. Кроме того, транспортные средства, перевозящие партии товаров по внешнеторговым сделкам, например, морские суда, железнодорожные составы, автопоезда следует оборудовать авиадронами (например, квадрокоптерами), которые должны периодически по пути движения транспортного средства производить облет, обеспечивая также спутниковую интернет-трансляцию видеоизображения движущегося транспортного средства онлайн. При необходимости и на определенных условиях участники внешнеэкономической деятельности должны иметь возможность подключаться к спутниковому интернет-слежению по защищенным каналам интернет-связи на любом этапе исполнения внешнеторговой сделки. По нашему мнению, наиболее рационально функционирование данного сервиса по интернет-слежению следует осуществлять через интернет-портал «Внеэкономическая деятельность Большого евразийского партнерства онлайн», на котором каждый участник внешнеэкономической деятельности может открывать и эксплуатировать свой имеющий юридическое значение личный кабинет.

Заключение

Приоритеты развития пространства применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 внешнеторговыми компаниями стран-участниц ЕАЭС и БРИКС следует сконцентрировать в два магистральных направления. Первое магистральное направление предусматривает широкое и интенсивное применение комплекса неоиндустриальных цифровых технологий на пространстве Большого евразийского партнерства (ЕАЭС + БРИКС) при ведущей роли Китая в создании целостной цифро-технологической архитектуры единого пространства внешнеэкономической деятельности. Второе магистральное направление – создание новых, адаптация применяемых в иных экономических сферах цифровых технологий для внешнеторговой деятельности как сквозных технологий прозрачного, интерактивного прослеживания товародвижения от выпуска с конвейера завода-изготовителя до точки и момента его получения конечным потребителем.

Принципы развития пространства применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 внешнеторговыми компаниями стран-участниц ЕАЭС и БРИКС представляют собой комплекс из пяти базовых функциональных звеньев осуществления внешнеторговой деятельности, неотъемлемо включающей цифровые технологии. Во-первых, цифровые технологии непрерывного интернет-слежения в режиме онлайн за всеми этапами производства товаров в сочетании с высокой автоматизацией и роботизацией конвейерного производства. Во-вторых, совершенствование между внешнеторговыми контрагентами финансовых расчетов онлайн с ускоренной интеграцией в дистанционные банковские технологии алгоритмов смарт-контрактов. В-третьих, достижение сквозной электронно-дистанционной управляемости и интернет-слежения за товаром, движущимся по маршруту внешнеторговой сделки, при совмещении цифровой технологии с электронными мобильными таможенными процедурами. В-четвертых, обеспечение спутникового интернет-слежения за пересечением границ юрисдикций товарами, движущимися по маршрутам экспортно-импортных внешнеторговых сделок. В-пятых, обеспечение кибербе-

зопасности при помощи межюрисдикционного полисубъектного блокчейна.

Пространство применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 внешнеторговыми компаниями стран-участниц ЕАЭС и БРИКС следует оцифровать в видеинтернет-портала «Внешнеэкономическая деятельность Большого евразийского партнерства онлайн», на котором каждый участник внешнеэкономической деятельности может открывать и эксплуатировать свой имеющий юридическое значение личный кабинет. Приоритеты и принципы развития пространства применения неоиндустриальных цифровых технологий 4.0 внешнеторговыми компаниями стран-участниц Большого евразийского партнерства следует закрепить в межгосударственном конвенциональном соглашении.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция»).

The work was supported by Russian Science Foundation (Project No. 20-18-00314 “Transformation of public relations in the context of Industry 4.0: Legal prevention”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев, С. Ю. Об использовании цифровых технологий в целях создания рынка капитала ЕАЭС / С. Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – № 1. – С. 7–8.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014) (с изменениями и дополнениями). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70670880/#ixzz6gzczJ0u7L> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

3. Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71553074&byPara=1&sub=1> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

4. Кейсы использования Maersk Blockchain. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://merehead.com/ru/blog/maersk-blockchain-use-cases> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

5. Московская декларация XII саммита БРИКС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [\[kremlin.ru/supplement/5581\]\(http://kremlin.ru/supplement/5581\) \(дата обращения: 26.12.2021\). – Загл. с экрана.](http://</p></div><div data-bbox=)

6. Одобрено Соглашение о единой системе идентификации участников ВЭД в рамках ЕАЭС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/20-01-2020-2.aspx> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

7. Распоряжение Правительства РФ от 08.07.2020 № 1776-р (ред. от 27.10.2021) «Об утверждении перечня государственных и иных услуг (функций), административных и иных процедур в сфере внешнеэкономической деятельности, предоставление (исполнение) которых может осуществляться в электронной форме по принципу “одного окна” с использованием информационной системы “Одно окно”, созданной акционерным обществом “Российский экспортный центр”» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4945.

8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71708158&byPara=1&sub=1> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

9. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

10. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/Pages/digital_agenda.aspx (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

11. E-Residency – электронное «гражданство» Эстонии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://migratetoestonia.com/e-residency-elektronnoe-grazhdanstvo-estonii/> (дата обращения: 26.12.2021). – Загл. с экрана.

12. Inshakova, A. O. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, D. A. Salikov // The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovational Aspects. – Cham : Springer Nature, 2020. – P. 1–11.

13. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // Studies in Computational Intelligence. – 2019. – Vol. 826. – P. 205–213.

14. Muller, J. Sustainable Industrial Value Creation in SMEs: A Comparison Between Industry 4 and Made in China 2025 / J. Muller, K. Voigt

// International Journal of Precision Engineering and Manufacturing-Green Technology. – 2018. – Vol. 5, № 5. – P. 659–670.

15. Prerequisites for the Development and Popularization of Alternative Methods of Resolving Economic Conflicts / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, E. I. Inshakova, I. A. Stepanova // Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law / ed. by A. O. Inshakova, A. V. Bogoviz. – Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2020. – (Series: Advances in Research on Russian Business and Management / ed. by E. G. Popkova). – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.infoagepub.com/products/Alternative-Methods-of-Judging-Economic-Conflicts-in-the-National-Positive-and-Soft-Law>. – Title from screen.

16. Szalavetz, A. Industry 4.0 and Capability Development in Manufacturing Subsidiaries / A. Szalavetz // Technological Forecasting and Social Change. – 2019. – Vol. 145. – P. 384–395.

17. Tarakanov, V. V. Interactive Demo On-Line Maintenance Foreign Trade Deals of Business Entities of BRICS Jurisdictions / V. V. Tarakanov, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2020. – Vol. 110. – P. 319–327.

18. Towards Industry 4.0 – Standardization As the Crucial Challenge for Highly Modular, Multi-Vendor Production Systems / S. Weyer, M. Schmitt, M. Ohmer, D. Goreck // IFAC-PapersOnLine. – 2015. – Vol. 48, № 3. – P. 579–584.

REFERENCES

1. Glaz'ev S. Yu. Ob ispol'zovanii cifrovyyh tekhnologiy v celyah sozdaniya rynka kapitala EAES [On the Use of Digital Technologies in Order to Create the EAEU Capital Market]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 2018, no. 1, pp. 7-8.

2. *Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (Astana, 29 maya 2014) (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [The Agreement on the Eurasian Economic Union (Astana, May 29, 2014) (With Amendments and Additions)]. URL: <http://base.garant.ru/70670880/#ixzz6gzcJ0u7L> (accessed 26 December 2021).

3. *Zayavlenie o cifrovoj povestke Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza* [Statement on the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union]. URL: <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71553074&byPara=1&sub=1> (accessed 26 December 2021).

4. Kejsy ispol'zovaniya Maersk Blockchain [Maersk Blockchain Use Cases]. URL: <https://merehead.com/ru/blog/maersk-blockchain-use-cases> (accessed 26 December 2021).

5. *Moskovskaya deklaraciya XII sammita BRIKS* [Moscow Declaration. The 20th BRICS Summit]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (accessed 26 December 2021).

6. *Odobreno Soglasenie o edinoj sisteme identifikacii uchastnikov VED v ramkah EAES* [The Agreement on the Unified System of Identification of Foreign Economic Activity Participants Within the EAEU Was Approved]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/20-01-2020-2.aspx> (accessed 26 December 2021).

7. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.07.2020 № 1776-r (red. ot 27.10.2021) «Ob utverzhdenii perechnya gosudarstvennyh i inyh uslug (funkcij), administrativnyh i inyh procedur v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti, predostavlenie (ispolnenie) kotoryh mozhnet osushchestvlyat'sya v elektronnoj forme po principu «odnogo okna» s ispol'zovaniem informacionnoj sistemy «Oдно okno», sozdannoj akcionernym obshchestvom «Rossijskij eksportnyj centr»»* [The Decree of the Russian Federation Government No. 1776-R Dated July 8, 2020 (Ed. October 27, 2021) “On Approval of the List of Government and Other Services (Functions), Administrative and Other Procedures in the Sphere of Foreign Economic Activities, the Provision (Performance) of Which May Be in Electronic form According to the Principle of ‘One Window’ with the Use of the Information System ‘Single Window’ Created by Joint Stock Company ‘Russian Export center’”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2020, June 27, no. 30, article 4945.

8. *Reshenie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 11.10.2017 № 12 «Ob Osnovnyh napravleniyah realizacii cifrovoj povestki Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 goda»* [The Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 12 Dated October 11, 2017 “On the Main Directions of Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union Until 2025”]. URL: <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71708158&byPara=1&sub=1> (accessed 26 December 2021).

9. *Strategiya ekonomicheskogo partnerstva BRIKS do 2025 goda* [BRICS Economic Partnership Strategy Until 2025]. URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf> (accessed 26 December 2021).

10. *Cifrovaya povestka EAES 2025: perspektivy i rekomendacii* [The EAEU Digital Agenda 2025: Prospects and Recommendations]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/Pages/digital_agenda.aspx (accessed 26 December 2021).

11. *E-Residency – elektronnoe «grazhdanstvo» Estonii* [E-Residency – Electronic “Citizenship” of Estonia]. URL: <http://migratetoestonia.com/e->

residency-elektronnoe-grazhdanstvo-estonii (accessed 26 December 2021).

12. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Salikov D.A. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity. *The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovational Aspects*. Cham, Springer Nature, 2020, pp. 1-11.

13. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. *Studies in Computational Intelligence*, 2019, vol. 826, pp. 205-213.

14. Muller J., Voigt K. Sustainable Industrial Value Creation in SMEs: A Comparison Between Industry 4 and Made in China 2025. *International Journal of Precision Engineering and Manufacturing-Green Technology*, 2018, vol. 5, no. 5, pp. 659-670.

15. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Inshakova E.I., Stepanova I.A. Prerequisites for the Development and Popularization of Alternative Methods of Resolving

Economic Conflicts. Inshakova A.O., Bogoviz A.V., eds. *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law*. Charlotte, NC, Information Age Publishing, 2020. (Series: Advances in Research on Russian Business and Management. Popkova E.G., ed.). URL: <https://www.infoagepub.com/products/Alternative-Methods-of-Judging-Economic-Conflicts-in-the-National-Positive-and-Soft-Law>.

16. Szalavetz A. Industry 4.0 and Capability Development in Manufacturing Subsidiaries. *Technological Forecasting and Social Change*, 2019, vol. 145, pp. 384-395.

17. Tarakanov V.V., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Interactive Demo On-Line Maintenance Foreign Trade Deals of Business Entities of BRICS Jurisdictions. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 110, pp. 319-327.

18. Weyer S., Schmitt M., Ohmer M., Goreck D. Towards Industry 4.0 – Standardization As the Crucial Challenge for Highly Modular, Multi-Vendor Production Systems. *IFAC-PapersOnLine*, 2015, vol. 48, no. 3, pp. 579-584.

Information About the Authors

Alexander I. Goncharov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, goncharova.sofia@gmail.com, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Marina V. Goncharova, Doctor of Sciences (Economy), Professor, Department of Economy, Volgograd Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Volgo-Donskaya St, 11, 400066 Volgograd, Russian Federation, m.v.goncharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1480-4574>

Информация об авторах

Александр Иванович Гончаров, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, goncharova.sofia@gmail.com, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Марина Вячеславовна Гончарова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов, Волгоградский филиал Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова, ул. Волго-Донская, 11, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, m.v.goncharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1480-4574>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.15>

UDC 347.67
LBC 67.404.4

Submitted: 17.12.2021
Accepted: 26.01.2022

ON THE LEGAL NATURE OF THE JOINT WILL OF SPOUSES

Olesya I. Deryusheva

Voronezh Economic and Legal Institute, Voronezh, Russian Federation

Introduction: the possibility of drawing up a joint will by spouses is an innovation of the Russian legislator. The peculiarity of a joint will is manifested in the fact that the spouses have the right to jointly make testamentary dispositions in the event of the death of each of them, which will simplify the order of inheritance of common joint property. In connection with these circumstances, the author of the paper **aims** to study the features of making a will between the spouses, as well as the consequences of such a transaction. **Methods:** the methodological framework for the study was made up of both the general scientific and special legal research methods, in particular, the comparative law method and the methods of analysis and synthesis. **Results:** the conclusions presented in the author's material are based on the updated civil legislation and the positions of domestic civil thinkers. The innovations of hereditary norms provide that the execution of a joint will is only possible by persons who are in a registered marriage, and the verification of the reliability of such information is the responsibility of a notary. Under the legal regime of inheritance under a joint marital will, all the property of the spouses is transferred to the surviving spouse, without splitting and allocating the corresponding shares. Accordingly, after the death of the second spouse, the property is handed over to common children. **Conclusions:** the legalization of the joint will of the participants of the marriage union has significantly increased the possibilities of the dispositive legal regulation of property inheritance ties to more effectively consolidate and protect the rights and legitimate interests, testamentary will, and freedom of each of the spouses. The study of the legal nature of joint marriage wills has shown that it is necessary to take further legislative measures to eliminate gaps in this area, to improve hereditary law-making and law enforcement.

Key words: spouses, marriage, joint will, inheritance by will, testator, heir.

Citation. Deryusheva O.I. On the Legal Nature of the Joint Will of Spouses. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 110-114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.15>

УДК 347.67
ББК 67.404.4

Дата поступления статьи: 17.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ

Олеся Ивановна Дерюшева

Воронежский экономико-правовой институт, г. Воронеж, Российская Федерация

Введение: возможность составления супругами совместного завещания является нововведением российского законодателя. Особенность совместного завещания проявляется в том, что супруги вправе сообща сделать завещательные распоряжения на случай смерти каждого из них, что позволит упростить порядок наследования общей совместной собственности. В связи с данными обстоятельствами автором в работе поставлена **цель** исследования особенностей составления завещания между супругами, а также последствий совершения подобной сделки. **Методы:** методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специально-юридические методы исследования, в частности, сравнительно-правовой метод и приемы анализа и синтеза. **Результаты:** изложенные в авторском материале выводы строятся на основе обновленного гражданского законодательства и позиций отечественных мыслителей-цивилистов. Новации наследственных норм предусматривают, что оформление совместного завещания возможно только лицами, состоящими в зарегистрированном браке, причем проверка достоверности подобных сведений входит в обязанность нотариуса. В соответствии с правовым режимом наследования по совместному супружескому завещанию все имущество супругов передается пережившему супругу без дробления и выделения соответ-

ствующих долей. Соответственно, после смерти второго супруга имущество вручается общим детям. **Выводы:** легализация совместного завещания участников брачного союза существенно увеличила возможности диспозитивного правового регулирования имущественных наследственных связей, более эффективно закрепить и защитить права и законные интересы, завещательную волю и свободу каждого из супругов. Исследование правовой природы совместных брачных завещаний показало, что необходимо принимать дальнейшие законодательные меры по устранению пробелов в указанной сфере, совершенствовать наследственное правоотворчество и правоприменение.

Ключевые слова: супруги, брак, совместное завещание, наследование по завещанию, наследодатель, наследник.

Цитирование. Дерюшева О. И. О правовой природе совместного завещания супругов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 110–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.15>

Введение

Лица, официально зарегистрированные в браке с 1 июля 2019 г., приобрели дополнительное субъективное гражданское право завещать свое супружеское имущество по своему усмотрению с помощью такого правового средства, как совместное завещание супругов [2].

Введение законодателем конструкции совместного завещания, позволяет упростить порядок наследования общей совместной собственности, усилить правовую охрану и защиту субъективных гражданских прав участников наследственного процесса. Так, переживший супруг вправе наследовать в полном объеме все имущество, нажитое супругами в период совместной (брачной) жизни, и избавляется от бремени выдела своей супружеской доли.

Правовая природа совместного завещания супругов

Следует заметить, что составление совместного завещания супругами имеет ряд правовых ограничений, например, закон запрещает делать это при чрезвычайных обстоятельствах и в порядке, приравненном к нотариальному. Участники наследственных правоотношений обязаны добросовестно осуществлять свои права и исполнять юридические обязанности, не злоупотреблять ими.

Любой из живущих супругов, а также переживший супруг имеет юридическую возможность заключить последующее завещание или вовсе отменить совместное завещание. Обязанность по проверке законности совершаемых действий возложена на нотариаль-

ную систему. Нотариусы обязаны при удостоверении последующего завещания одного из супругов или отмены завещания при жизни супругов одним из них незамедлительно уведомлять другого о факте совершения подобных действий. Данным положением законодатель не предполагает связанности сторон совместного завещания совершенными волеизъявлениями, а довольствуется уведомлением об изменениях в завещательных распоряжениях. Законодателем не учитывается, что нотариус не всегда уведомлен о наличии и содержании совместного завещания супружеской пары, так как подобная информация доступна ему лишь в случаях личного (нотариального) удостоверения завещания. Неурегулированным остается вопрос, при котором один из супругов совершает последующее завещание, но о данном факте не успевают уведомить другого супруга, который впоследствии умирает. Возникает вопрос, какое завещание в сложившейся ситуации будет иметь большую юридическую силу? Надлежащая регламентация по уведомлению отсутствует. На наш взгляд, ответы на поставленные вопросы должны найти свою прописку в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате.

В настоящее время институт совместного (супружеского) завещания успешно действует в таких зарубежных странах, как Англия, США, Франции, Германия, Туркменистан, Азербайджан, Грузия и Украина. При этом имеется ряд различий в содержании этого института. К примеру, в Германии указанный вид завещания формируется одним супругом, но данный документ подписывается обоими супругами. В английском праве завещание представляет собой договор между супруга-

ми, который переживший супруг уже не сможет изменить или отозвать впоследствии. В США правом составления завещания обладают не только супруги, но и деловые партнеры, которые впоследствии обязаны исполнить волю, прописанную в завещании, без изменения и тем более отмены [5, с. 275]. Следует заметить, что форма и содержание изучаемого вида отечественного завещания существенным образом отличаются от зарубежного опыта, поэтому для российских правотворцев по-прежнему остается актуальной задача в полной мере использовать положительные достижения наследственного права зарубежных государств и собственную практику правоприменения.

За небольшой период существования исследуемого института поменялся принцип завещания, отражающий переход одностороннего волеизъявления в совместное (супружеское). Такая новация предоставляет супругам (завещателям, наследодателям) юридическую возможность сделать письменное (завещательное) распоряжение по своему усмотрению по поводу определения дальнейшей юридической судьбы своего супружеского имущества на случай своей смерти. При этом законодатель не дает однозначного ответа, как оценивать волю супругов в завещании: как единую волю, оформленную в сделку или как совокупность самостоятельных волеизъявлений каждого из супругов, выраженных в двух односторонних сделках, закрепляемых в одном документе [4]. Форма завещания должна быть нотариально удостоверена при одновременной видеофиксации данного действия с согласия супругов. После соответствующего нотариального удостоверения завещание вступает в законную силу. Такого рода завещание прекращает свое действие в связи с расторжением брака либо признанием завещания недействительным (как до, так и после смерти одного из супругов) (п. 4 ст. 1118 ГК РФ) [2].

В отношениях между супругами, когда один супруг составил в пользу другого завещание, следует разобраться поподробнее. В данном случае закономерно возникает вопрос о дальнейшей судьбе завещания, составленного в период брака. С формально-юридической точки зрения такое завещание не теряет своей юридической силы. Если после

расторжения брака умрет один из супругов, который составил завещание в пользу теперь уже бывшего супруга, такой бывший супруг должен быть призван к наследованию имущества умершего как его полноценный наследник. Если супруг после расторжения брака не хочет, чтобы его бывший супруг, назначенный в завещании наследником, призвался после смерти такого супруга, он вправе совершить прямой акт об отмене составленного им завещания либо составить новое завещание, отменяющее ранее составленное завещание. В аналогичных случаях целесообразно включать в завещание условия о том, что оно (завещание) перестает действовать в случае расторжения брака. В таком случае бывший супруг может быть отстранен от наследования по закону и по завещанию [3, с. 12].

Возвращаясь к совместному завещанию супругов, отметим ряд недостатков данного гражданско-правового инструмента (средства). Во-первых, российским законодателем не предусмотрены форма или документ, признающие (легализующие) право пережившего супруга (как титульного владельца) на все наследуемое имущество. Во-вторых, законодатель не урегулировал вопросы обязательной доли, ее размера. Считаем необходимым закрепить в ГК РФ положение о том, что обязательная доля (ее размер) определяется независимо от наследственной массы [6, с. 43]. В-третьих, законодательно не определен момент, при котором наследственная масса уже принятого совместного завещания будет в течение жизни супругов пополняться (изменяться). Каким образом вносить соответствующие поправки и изменения в принятое завещание, остается открытым. В-четвертых, не урегулированы должным образом вопросы, связанные с обязанностями нотариуса ознакомить наследников с условиями завещания после смерти одного из супругов (наследодателей) и не нарушить тайну завещания пережившего супруга?

В-пятых, самым главным недочетом изучаемого правового явления видится прекращение совместного завещания в случае желания супруга оформить последующее завещание. На наш взгляд, логично было бы закрепить на законодательном уровне юридическую возможность супругов легализовать

последующие завещания относительно имущества, принадлежащего лично каждому супругу, или имущества, не отговоренного в совместном завещании. Условия последующего завещания супруга могут оказаться противоречащими условиям совместного супружеского завещания, что, естественно, может породить ряд других проблем.

Выводы

Представляется необходимым урегулировать на законодательном уровне механизм защиты воли и законных интересов умершего супруга. На наш взгляд, отмена совместного завещания пережившим супругом (после смерти другого) может привести к нарушению воли и волеизъявления усопшего. Предлагается закрепить в ГК РФ норму, согласно которой условия последующего завещания пережившего супруга, отменяющие совместное завещание супружеской четы в отношении имущества, права на которое уже претворены в жизнь, оформлены в установленном законом порядке, не распространяются на это имущество [1, с. 70].

Полагаем, что успешная реализация современных правовых норм о совместном супружеском завещании зависит от их качества, юридической осведомленности участников завещания, профессионализма судей, наличия соответствующих правовых позиций Верховного Суда РФ, единой судебной практики. Введение правового режима совместного завещания выявило ряд недостатков юридического характера, отсутствие единого правового регулирования вопросов, возникающих при практическом применении данной конструкции. Внедрить в жизнь совместное завещание получается только у тех супругов, которые взаимно доверяют друг другу и преследуют цель избежать выдела супружеской доли из совместного имущества при расторгнутом браке. Законодатель призван четко урегулировать выявленные в ходе теоретической оценки и правоприменения пробелы и коллизии. Будем надеяться, что составление совместных завещаний станет популярным среди граждан нашей страны и все большее количество супружеских пар смогут избежать неприятных ситуаций, связанных с разделом наследственного имущества супругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокарева, А. В. Совместное завещание супругов как новый институт российского законодательства / А. В. Бокарева // Молодой ученый. – 2019. – № 51. – С. 69–71.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.

3. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>.

4. Рудик, И. Е. Совместное завещание и наследственный договор как инструменты планирования наследства супругами / И. Е. Рудик. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.11.2021).

5. Семенова, И. Ю. Институт совместного завещания супругов: российское право и опыт зарубежных стран / И. Ю. Семенова, Д. И. Еремеева // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 2020. – С. 273–277.

6. Урмакшинов, Б. В. Некоторые проблемы применения норм о совместном завещании супругов / Б. В. Урмакшинов // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по материалам XXIV Междунар. науч.-практ. конф. – 2019. – № 7 (23). – С. 42–45.

REFERENCES

1. Bokareva A.V. Sovmestnoe zaveshchanie suprugov kak novyj institut rossijskogo zakonodatelstva [Joint Will of Spouses As a New Institution of Russian Legislation]. *Molodoj uchenyi*, 2019, no. 51, pp. 69-71.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federatsyi (chast tretya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 18.03.2019) [The Civil Code of the Russian Federation (Part Three) No. 146-FZ Dated November 26, 2001 (Ed. of March 18, 2019)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, December 3, no. 49, article 4552.

3. Inshakova A.O. Oborot obektov grazhdanskikh prav imushchestvennogo kharaktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendentsyi zakonodatel'nogo razvitiya [The Circulation of Property Objects of Civil Law Rights: Basic Concepts, Types, Trends of Legislative Development]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>.

4. Rudik I.E. *Sovmestnoe zaveshchanie i nasledstvennyj dogovor kak instrumenty planirovaniya nasledstva suprugami* [Joint Will and Inheritance Contract as Instruments of Inheritance Planning by Spouses]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 26 November 2021).

5. Semenova I.Yu., Ereemeeva D.I. Institut sovmestnogo zaveshchaniya suprugov: rossijskoe pravo i opyt zarubezhnykh stran [Institute of Joint Will of Spouses: Russian Law and Experience of Foreign Countries]. *Fundamental'naya i prikladnaya nauka: sostoyanie i tendencii razvitiya: sb. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Fundamental and

Applied Science: The State and Trends of Development. Collection of Articles of the 4th International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk, s. n., 2020, pp. 273-277.

6. Urmakshinov B.V. *Nekotorye problemy primeneniya norm o sovmestnom zaveshchani suprugov* [Some Problems of Application of Norms on Joint Will of Spouses]. *Aktualnye problemy yurisprudentsyi: sb. st. po materialam XXIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual Problems of Jurisprudence. Collection of Articles on Proceedings of the 24th International Scientific and Practical Conference], 2019, no. 7 (23), pp. 42-45.

Information About the Author

Olesya I. Deryusheva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Voronezh Economic and Legal Institute, Prosp. Leninsky, 119a, 394033 Voronezh, Russian Federation, Olesya_deryushev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0724-6148>

Информация об авторе

Олеся Ивановна Дерюшева, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Воронежский экономико-правовой институт, просп. Ленинский, 119а, 394033 г. Воронеж, Российская Федерация, Olesya_deryushev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0724-6148>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.16>

UDC 347.453.4
LBC 67.404.211

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 26.01.2022

ACTUAL PROBLEMS OF LAND LEASE AS REAL ESTATE OBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Buynta B. Injieva

Kalmyk State University, Elista, Russian Federation

Introduction: the land lease agreement is one of the most common in the sphere of civil turnover of land and other natural resources. However, despite the long-term reform of the civil and land legislation, as well as developed law enforcement practice, there are still many gaps and conflicts in the regulation of this sphere of public relations that need to be addressed. The **purpose** of the study: the identification of shortcomings of the legal regulation in the field of land lease, the development of constructive proposals to eliminate them. **Relevance:** the development of contractual relations in the sphere of the use of land plots as real estate objects requires an integrated approach that allows building a balance between private and public interests, as well as between the norms of civil and land law reflecting these interests. Meanwhile, at the moment the solution to this problem has not been achieved, which requires doctrinal discussion and legislative reform. **Methods:** the paper uses general and specific scientific methods, including the concrete historical method that allows identifying the causes of certain legal problems, as well as the method of system analysis that allows considering the problems under study in the context of other legal phenomena and processes. **Results:** in the course of the study, conflicts between the civil and land legislation regulating the lease of land real estate are identified, and proposals are made to eliminate them. **Conclusions:** it is proposed to expand the list of essential terms of the land lease agreement, the differences in the legal regulation of lease on lands of various categories are determined.

Key words: real estate, land plot, collisions, land categories, civil turnover.

Citation. Injieva B.B. Actual Problems of Land Lease As Real Estate Objects in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 115-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.16>

УДК 347.453.4
ББК 67.404.211

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 26.01.2022

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Буйнта Борисовна Инжиева

Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Российская Федерация

Введение: договор аренды земли является одним из наиболее распространенных в сфере гражданского оборота земли и иных природных ресурсов. Однако несмотря на многолетнее реформирование гражданского и земельного законодательства, а также развитую правоприменительную практику, сохраняется множество пробелов и коллизий в регулировании данной сферы общественных отношений, требующих решения.

Цель исследования: выявление недостатков правового регулирования в сфере аренды земли, выработка конструктивных предложений по их устранению. **Актуальность:** развитие договорных отношений в сфере использования земельных участков как объектов недвижимости требует комплексного подхода, позволяющего выстроить баланс, как между частными и публичными интересами, так и между нормами гражданского и земельного права, отражающими эти интересы. Между тем в настоящий момент решения данной задачи не достигнуто, что требует доктринального обсуждения и реформирования законодательства.

Методология: в настоящей статье используются обще- и частно-научные методы, в том числе конкретно-исторический метод, позволяющий выявить причины возникновения тех или иных правовых проблем, а также метод системного анализа, позволяющий рассматривать исследуемые проблемы в контексте других

правовых явлений и процессов. **Результаты:** в ходе исследования были выявлены коллизии гражданского и земельного законодательства, регулирующие отношения аренды земельной недвижимости, высказаны предложения по их устранению. **Выводы:** предложено расширить перечень существенных условий договора аренды земли, определены отличия в правовом регулировании аренды на землях различных категорий.

Ключевые слова: недвижимость, земельный участок, коллизии, категории земель, гражданский оборот.

Цитирование. Инжиева Б. Б. Актуальные проблемы аренды земельных участков как объектов недвижимости в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 115–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.16>

Введение

Правовое регулирование использования и охраны земли и других природных ресурсов, в том числе посредством вовлечения их в гражданский оборот, всегда находилось в центре внимания российского законодателя.

Отношения по аренде земельных участков регулируются гражданским и земельным законодательством (при участии градостроительного, экологического и нормативных актов ряда иных отраслей законодательства), а также договором аренды. В результате соответствующие нормы образуют межотраслевой институт. Существующие в настоящий момент научные исследования делают основной акцент на рассмотрении правовых норм, входящих в данный институт, при этом ряд важных вопросов, связанных с юридической природой данного договора, его признаками и т. д. остались без должного внимания. Представляется, что договор аренды земли – это один из видов гражданского договора аренды, согласно которому арендодатель (как правило, орган публичной власти) обязан передать (по итогам торгов либо без их проведения) за плату земельный участок определенного целевого назначения и разрешенного использования арендатору во владение и пользование на определенный срок, а арендатор должен осуществлять мероприятия по использованию и охране такого участка, предусмотренные земельным, экологическим и иным законодательством. Однако несмотря на развитость данного договора многие вопросы не решены.

Исследование

1. Общие положения об условиях аренды земельных участков.

Существенными условиями аренды земли являются предмет и цена. В настоящее

время срок не является существенным условием договора, хотя в научной литературе уже много лет высказываются мнения о том, что срок все-таки должен стать еще одним существенным условием данного договора.

Об этом, в частности, пишет Л.М. Ахметшина, приводя в качестве главного аргумента особое значение земельных участков в системе объектов гражданских прав [1, с. 7]. Учитывая, что земля – это не совсем обычная недвижимость, а потому длительность ее использования арендатором стимулирует его к проведению комплекса мер по рациональному использованию и охране участка, данное предложение следует поддержать.

Важнейшей характерной чертой земли как объекта договора аренды является необходимость ее использования по целевому назначению (особенно применительно к сельскохозяйственным угодьям). Несмотря на то что данное правило действует с момента начала земельной реформы (разрешившей после долгого перерыва аренду земель), до сих пор оно часто становится предметом судебных споров. Так, министерство и глава фермерского хозяйства заключили договор аренды участка, собственником которого является Республика Ингушетия. Впоследствии из этого участка было образовано два участка – один площадью 2 839 кв. м, а другой 10 000 кв. м (в обоих случаях – земли сельскохозяйственного назначения). Глава хозяйства обратился в министерство с заявлением об изменении категории земель – переводе участка с земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель промышленности и иного специального назначения. В письме от 28.01.2021 № 290 министерство сообщило заявителю, что перевод не представляется возможным. Полагая, что со стороны уполномоченных органов имеет место незаконное бездействие, глава крестьянского (фермерского)

хозяйства (КФХ) обратился в арбитражный суд с заявлением. Суд округа отменил судебные акты нижестоящих инстанций, и отказал в удовлетворении заявленных требований. Суд указал, что перевод сельскохозяйственных угодий в иную категорию земель разрешается только в исключительных случаях, которые в рассматриваемом случае не установлены; использование земель сельскохозяйственного назначения в целях, не связанных с производством сельскохозяйственной продукции не допускается; включение в договор аренды условия, разрешающего арендатору использовать землю не для сельскохозяйственного производства, противоречит требованиям земельного законодательства (Определение Верховного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. по делу № А18-836/2021).

В другом деле суд выяснил, что администрация и Д. заключили договор аренды земельного участка. По его условиям в аренду был передан участок, находящийся в публичной собственности, и относящийся к землям населенных пунктов площадью 600 кв. м, разрешенное использование – строительство магазина. Ответчиком получено разрешение на строительство магазина.

Актом обследования было установлено, что указанный земельный участок не используется согласно его разрешенного использования, выявлено наличие на земельном участке двух бытовок. В связи с неисполнением договора аренды относительно целевого использования земли, Комитет по управлению имуществом городского округа Шатура Московской области направил Д. уведомление с требованием о необходимости использования участка и расторжении договора аренды. Затем Администрация попросила суд расторгнуть договор. Ответчик и его представитель в судебном заседании иск не признали, пояснили, что земельный участок используется, приобретен проект будущего магазина в 2016 г., заключен договор на строительство объекта (застройщик приступил к работе), причиной задержки строительства является пандемия. Арендные платежи все годы оплачивались в соответствии с договором, задолженности по ним нет, подготовлен градостроительный план участка. Заслушав стороны, суд посчитал установленным использование Д. участка по

целевому назначению, а в требовании арендодателя о расторжении договора отказал (Решение Шатурского городского суда Московской области от 11 июня 2021 г. по делу № 2-732/2021).

2. Анализ нерешенных и дискуссионных проблем теории практики аренды земельных участков

Несмотря на успешное разрешение многих спорных вопросов, ряд проблем договора аренды земельных участков сохраняют свою актуальность.

1. Сохраняются коллизии норм ЗК РФ и ГК РФ. Так, в силу п. 5, 6 ст. 22 ЗК РФ, арендатор (кроме указанных в законе случаев) может передать землю в субаренду или залог, внести арендные права в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества (общества) в пределах срока договора без согласия арендодателя, но с его обязательным уведомлением. Напротив, п. 2 ст. 615 ГК РФ устанавливает, что арендатор может сдавать имущество в субаренду (поднаем, перенаем) только с согласия арендодателя. Из этого следует, что нормы земельного и гражданского законодательства противоречат друг другу.

2. В ЗК РФ нет указаний на предельный срок аренды земельных участков. Отдельными исключениями из этого правила являются: ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», устанавливающий такой предельный срок как 49 лет; аналогичным образом ст. 72 ЛК РФ определяет предельный срок аренды лесных участков также равным 49 лет.

В этом смысле представляет интерес опыт зарубежных стран, где установлена общая норма о максимальном сроке аренды земли. Так, согласно ст. 19 Закона Украины от 6 октября 1998 г. № 161-XIV «Об аренде земли» (ред. от 17 ноября 2021 г.), срок действия договора аренды земли определяется по соглашению сторон, но не может превышать 50 лет. Думается, что аналогичная норма должна быть внесена и в ЗК РФ.

3. Еще одной нерешенной проблемой остается «двойная аренда» земельных участков, получившая распространение на землях лесного фонда, что является проявлением пробле-

мы коллизий уже не только гражданского и земельного, но еще и лесного законодательства. Данная проблема состоит в том, что ЛК РФ не запрещает передавать в аренду один и тот же земельный участок двум разным субъектам, но для разных целей лесопользования, хотя с точки зрения ГК РФ и ЗК РФ «двойная аренда» земельного участка невозможна.

Первоначально орган по регистрации прав на недвижимость отказывался регистрировать двойную аренду, но ситуация изменилась после толкования норм ЛК РФ Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 27 июля 2010 г. № 2111/10 по делу № А05-7607/20091, где Президиум ВАС РФ разъяснил, что в ЛК РФ нет запрета на предоставление участков различным категориям лесопользователей при условии, что они осуществляют разные виды деятельности. Ограничения по виду и числу лесопользователей возникают в тех случаях, когда единовременное использование в нескольких целях лесного участка невозможно [2, с. 86–87]. Таким образом, один и тот же лесной участок можно было передать на праве аренды для нескольких видов лесопользования двум и более предпринимателям, что и получило название «двойная аренда».

Мнения экспертов по этому вопросу приняли полярный характер. Противники данной правовой конструкции полагают, что при заключении нескольких договоров аренды в отношении конкретного объекта недвижимости (земельного участка) будут нарушены нормы гражданского права, а потому будет более оптимальной передача участка в субаренду [8, с. 154].

Напротив, ее сторонники пишут, что конструкция «двойной аренды» является юридически допустимой, поскольку каждый из арендаторов пользуется участком согласно условий договора и закона [5, с. 44].

Однако последняя позиция, на наш взгляд, далеко не бесспорна. Разделяя первый подход, заметим, что несмотря на важность многоцелевого использования лесов, столь явное нарушение норм гражданского и земельного законодательства недопустимо, что требует приведения ЛК РФ в соответствие с ГК РФ и ЗК РФ в части прямого запрета на двойную аренду лесных участков. Действительно, п. 2 ст. 607

ГК РФ разрешает установление отдельных особенностей передачи в аренду земли и иных природных ресурсов. Однако возникает вопрос о границах таких возможностей, может ли специальный закон (ЛК РФ) принципиально менять общие правила ГК РФ, установленные для всех объектов недвижимости? Представляется, что специальный закон может определять отдельные специальные правила оборота земли и иных природных ресурсов, например, утверждать перечни участков, ограниченных в обороте (ст. 27 ЗК РФ), порядок проведения торгов или определять перечень видов лесопользования (ст. 25 ЛК РФ).

Однако установление в специальном законе собственного понимания базовых правил заключения гражданских договоров является недопустимым.

В научной литературе есть несколько подходов к проблеме коллизий между ГК РФ и природоресурсными законами, регулирующими вопросы аренды земельных участков. Так, Т.А. Еремкина, отмечая ряд коллизий между нормами ГК РФ и ЗК РФ (например, в части права арендатора передавать арендованное имущество в субаренду), полагает, что такие противоречия следует разрешать в пользу ГК РФ. В свою очередь, земельное законодательство должно регламентировать вопросы приобретения земли в частную собственность, изъятия участка для государственных нужд и т. д. [3, с. 23–24].

С таким подходом можно согласиться. В то же время, следует заметить, что вопросы права собственности (как частной, так и публичной) на землю и любую иную недвижимость также находятся в сфере действия гражданского законодательства, и просто так передавать эти вопросы ЗК РФ не совсем последовательно. Более логичным будет сохранить в сфере действия земельного законодательства ряд частных вопросов, в том числе дополнительные требования к арендатору в части рационального использования и охраны земель (особенно сельскохозяйственного назначения и лесного фонда), определение порядка сдачи земли в аренду по итогам торгов и без проведения таковых, порядок расчета арендной платы за участки в составе разных категорий, арендодателем которых является орган власти и т. д.

При этом наиболее перспективным является принятие специального Федерального закона «Об аренде земельных участков», как это сделано на Украине, где среди прочего были бы указаны и полномочия субъектов РФ.

4. Проанализированные выше проблемы касаются земли как объекта гражданского оборота, однако ст. 15 Закона об обороте упоминает и такой объект земельных и гражданских правоотношений как земельная доля. Из этого вытекает естественный вопрос: может ли земельная доля быть передана в аренду? На этот счет в научной литературе сложилась вполне определенная позиция.

Л.Т. Кокоева указывает, что договор аренды земельных долей невозможен – для этого необходимо выделение доли в натуре на местности, но в этом случае произойдет уже аренда земельного участка [4, с. 19]. Е.В. Менис занимает схожую позицию, отмечая, что земельные доли не выделяются на местности, они не индивидуализированы, и потому заключение договора их аренды невозможно. В то же время она признает, что ранее такие договоры часто заключались и добросовестно исполнялись [7, с. 76]. В отношении последнего тезиса, заметим, что в первые годы земельной реформы аренда земельных долей и правда была распространенным явлением. Однако с позиций действующего ГК РФ, передача в аренду недвижимого имущества, которое нельзя индивидуализировать, невозможно. Учитывая это обстоятельство, действующая редакция Закона об обороте не предусматривает аренду земельных долей. Если мы проанализируем положения данного закона, то обнаружим лишь упоминания аренды земельного участка, находящегося в долевой собственности (ст. 9, 14). Более того, согласно ст. 14 Закона об обороте, долевой собственник (без выделения доли в участок) вправе подарить, завещать, внести в уставной капитал и т. д. свою земельную долю, но не передавать ее в аренду. Это значит, что аренда земельной доли не предусмотрена земельным законодательством. ГК РФ также допускает лишь аренду индивидуально-определенной вещи.

5. Согласно ст. 128 ГК РФ, цифровые права являются одной из разновидностей объектов гражданских прав. Появление в ГК РФ этой

нормы является отражением более глобальной тенденции, связанной с цифровизацией различных сфер общественной жизни, которая требует регламентации правовыми нормами. Отдельным аспектом этой тенденции является возможность граждан и юридических лиц заключать различные договоры (включая арендные) в электронном виде, скрепляя их цифровой подписью; они также могут (при желании) перейти на электронный документооборот. В ЗК РФ эта тенденция получила широкое распространение. Согласно ст. 11.10 ЗК РФ, подготовка схемы расположения земельного участка осуществляется в форме *электронного документа*; в силу ст. 39.12 ЗК РФ, для участия в аукционе на право заключения договора аренды земли из состава публичной собственности, заявители подтверждают свой статус субъектов малого и среднего предпринимательства путем предъявления сведений из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе, в форме *электронного документа*; в ст. 39.13 ЗК РФ установлено, что аукционы по продаже участков, находящихся в публичной собственности, могут проводиться в *электронной форме*. Возможность использования электронных документов упоминается и в других статьях ЗК РФ.

Это обстоятельство дает основание представителям правовой науки, с одной стороны, прогнозировать дальнейшее развитие цифровой среды, например, в части возможностей участников гражданского оборота заключать электронный договор аренды земельных участков и выплачивать арендную плату электронными денежными средствами, но, с другой стороны, и предупреждать об угрозах киберпреступности – то есть совершения преступлений в интернете с использованием современных компьютерных технологий, направленных на нарушение цифровых прав граждан в электронной сфере [6, с. 526].

Заключение

Таким образом, гражданское и природо-ресурсное законодательство осуществляют совместное правовое регулирование отношений аренды земли, отмечая два существенных условия такого договора – предмет договора и

размер арендной платы. Дополнительные условия договора могут быть связаны с субъектом договора (например, резидентом особой экономической зоны), либо объектом аренды (лесные участки), причем в составе иных категорий могут также предусматриваться дополнительные требования и ограничения.

Срок не является существенным условием рассматриваемого договора, однако, учитывая, что земля является природным объектом, требующим особой охраны, представляется целесообразным дополнить ГК и ЗК РФ соответствующим существенным условием. При этом для более эффективного правового регулирования отношений по аренде земли является необходимым принятие отдельного закона «Об аренде земель», как это сделано в некоторых зарубежных странах. Другим вариантом решения данного вопроса может стать дополнение ГК РФ специальным параграфом, в котором будут изложены особенности аренды земельной недвижимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметшина, Л. М. Аренда земли по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ахметшина Лилия Маратовна. – Казань, 2002. – 25 с.
2. Балтутите, И. В. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 86–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>.
3. Еремкина, Т. А. Договор аренды и его роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Еремкина Татьяна Александровна. – М., 2008. – 24 с.
4. Кокоева, Л. Т. Основные проблемы гражданско-правового регулирования арендных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук / Кокоева Луиза Темблатовна. – Саратов, 2004. – 452 с.
5. Кузьмин, Р. Р. К вопросу о двойной аренде земельных участков / Р. Р. Кузьмин // *Юридическая наука и практика*. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 41–47. – DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2019-15-1-41-47>.
6. Макаренко, А. Ю. Особенности аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, с использованием цифровых технологий / А. Ю. Макаренко // *Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию*. – 2020. – № 1. – С. 520–529.

7. Менис, Е. В. Договор аренды земельного участка: общие и специальные существенные условия / Е. В. Менис // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2016. – № 5. – С. 73–77.

8. Шуплецова, Ю. И. Правовые проблемы реализации прав на лесные участки / Ю. И. Шуплецова // *Журнал российского права*. – 2016. – № 12. – С. 151–161.

REFERENCES

1. Ahmetshina L.M. *Arenda zemli po rossijskomu zakonodatel'stvu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Land Lease Under Russian Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan, 2002. 25 p.
2. Baltutite I.V. *Pravovoe regulirovanie oborota nedvizhimogo imushchestva v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki* [The Legal Regulation of Real Estate Turnover in the Context of Digitalization of the Russian Economy]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 86-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>.
3. Eremkina T.A. *Dogovor arendy i ego rol' v grazhdanskom oborote: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Lease Agreement and Its Role in Civil Turnover. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2008. 24 p.
4. Kokoeva L.T. *Osnovnye problem grazhdansko-pravovogo regulirovaniya arendnyh otnoshenij: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Main Problems of Civil Law Regulation of Rental Relations. Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2004. 452 p.
5. Kuz'min R.R. *K voprosu o dvojnoj arende zemel'nyh uchastkov* [On the Issue of Double Lease of Land Plots]. *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Legal Science and Practice], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 41-47. DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0410-2019-15-1-41-47>.
6. Makarenko A.Y. *Osobennosti arendy zemel'nogo uchastka, naho-dyashchegosya v gosudarstvennoj ili municipal'noj sobstvennosti, s ispol'zovaniem cifrovyyh tekhnologij* [Features of Renting a Land Plot in State or Municipal Ownership Using Digital Technologies]. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu* [Intellectual Resources for Regional Development], 2020, no. 1, pp. 520-529.
7. Menis E.V. *Dogovor arendy zemel'nogo uchastka: obshchie i speci-al'nye sushchestvennye usloviya* [Land Lease Agreement: General and Special Essential Conditions]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], 2016, no. 5, pp. 73-77.
8. Shuplecova Y.I. *Pravovye problem realizacii prav na lesnye uchastki* [Legal Problems of Realization of Rights to Forest Plots]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 12, pp. 151-161.

Information About the Author

Buynta B. Injieva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4685-5787>

Информация об авторе

Буйнта Борисовна Инжиева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4685-5787>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

UDC 349
LBC 67.404.9

Submitted: 15.11.2021
Accepted: 26.12.2021

LEGAL ISSUES OF SATISFYING BANKRUPTCY CREDITORS' CLAIMS IN THE CONTEXT OF REFORMING THE FEDERAL LAW "ON INSOLVENCY (BANKRUPTCY)"

Svetlana Yu. Kazachenok

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: despite its rather young age, the institution of bankruptcy is one of the most popular both in practical and doctrinal terms. In the mechanism of enforced liquidation of the debtor, bankruptcy is one of the most dynamically developing areas, but as a tool to satisfy creditors' claims, the existing bankruptcy model is characterized by low efficiency. In this connection, it is necessary to turn the legislator's attention to other, different from the existing, options for satisfying creditors' claims. The author identifies the **purpose** of the study as a doctrinal justification of the consequences of satisfying the debtor's creditors' claims by third parties for more effective use of the existing mechanism for satisfying creditors' claims within the framework of the bankruptcy institution. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of systematicity, analysis, and comparative law. **Research results:** the author's position indicated in the work is based on the needs of the institution of bankruptcy. Based on the analysis of the current legislation and the established law enforcement practice, the author draws attention to the unjustified separation by the legislator of the legal consequences of satisfying the claims of various creditors: authorized bodies and other creditors, the shortcomings of the existing legal structures used to satisfy creditors' claims are revealed. **Conclusions:** the author proposes to establish a single mechanism, including legal consequences, to satisfy the debtor's creditors' claims by third parties.

Key words: satisfying claims, bankruptcy creditors, termination of bankruptcy proceedings, legal succession, set-off in bankruptcy.

Citation. Kazachenok S.Yu. Legal Issues of Satisfying Bankruptcy Creditors' Claims in the Context of Reforming the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 122-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

УДК 349
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 15.11.2021
Дата принятия статьи: 26.12.2021

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПОГАШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КОНКУРСНЫХ КРЕДИТОРОВ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)»

Светлана Юрьевна Казаченок

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на довольно молодой возраст, институт банкротства является одним из самых востребованных как в практическом, так и доктринальном плане. В механизме принудительной ликвидации должника, банкротство является одним из наиболее динамично развивающихся направлений, но, как инструмент удовлетворения требований кредиторов, существующая модель банкротства характеризуется низкой эффективностью. В связи с чем, необходимо обратить внимание законодателя на иные, отличные, от существующих, варианты удовлетворения требований кредиторов. Автором обозначена **цель исследования**, как доктринальное обоснование последствий погашения требований кредиторов должника третьими лицами

для более эффективного применения существующего механизма удовлетворения требований кредиторов в рамках института банкротства. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты исследования:** обозначенная в работе авторская позиция опирается на потребности института банкротства. На основании анализа действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики, автором обращено внимание на необоснованное разделение законодателем правовых последствий удовлетворения требований различных кредиторов: уполномоченных органов и остальных кредиторов, вскрыты недостатки существующих правовых конструкций, используемых для погашений требований кредиторов. **Выводы:** автором предлагается установить единый механизм, включая правовые последствия, погашения третьими лицами требований кредиторов должника.

Ключевые слова: погашение требований, конкурсные кредиторы, прекращение производства по делу о банкротстве, правопреемство, зачет в банкротстве.

Цитирование. Казаченок С. Ю. Правовые вопросы погашения требований конкурсных кредиторов в контексте реформирования Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 122–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

Введение

Российское банкротное право, хотя и является молодым институтом российского законодательства, за свой относительно небольшой срок успело столкнуться с множеством случаев злоупотреблений, но успешно их преодолело. В целях совершенствования правового регулирования несостоятельности (банкротства) Министерство экономического развития РФ подготовило поправки в Закон о банкротстве. На момент написания настоящей статьи Проект Федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” (далее – “Проект”) и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были переданы на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Безусловно, сейчас перед законодателем и правоприменителем стоят вопросы, но они являются более сложными и тонкими, по сравнению с погашением отдельных требований кредиторов. В связи с этим встает вопрос об актуальности обоснования запрета погашения требований отдельных кредиторов. Последовательное развитие судебной практики в части регулирования института арбитражного управления создало ориентиры для определения добросовестности и разумности поведения арбитражного управляющего. В то же время, Проект, помимо прочего, реформирует порядок назначения и требования к арбитражным управляющим¹. Следовательно, снижается вероятность того, что арбитражный уп-

равляющий будет действовать в интересах лица, которое погасило требования. Наконец, нигде не исчезает контрольная функция суда, который следит за соблюдением баланса интересов в деле о банкротстве.

Различие правовых последствий удовлетворения требований уполномоченного органа третьим лицом: наличие обоснованности

В рамках настоящей статьи мы исследуем институт погашения требований конкурсных кредиторов. В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон о банкротстве») закреплено два способа погасить требования конкурсных кредиторов должника. Первый способ закреплен в ст. 113 и ст. 125 Закона о банкротстве, который предполагает, что требования кредиторов могут быть погашены учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия и (или) третьим лицом. При этом требования могут быть погашены только в полном объеме.

В противовес вышеназванному порядку Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» были добавлены ст. 71.1, 85.1, 112.1 и 129.1, которые санкционировали частичное погашение требований. В рамках этого способа погашены могут быть требования только уполномоченного органа.

Пояснительная записка, размещенная в системе обеспечения законодательной деятельности, как водится, не раскрывает истинные намерения законодателя и ограничивается лишь указанием на то, что «законопроект уточняет отдельные положения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, касающиеся финансового оздоровления, внешнего управления, упрощенных процедур банкротства (ликвидируемых и отсутствующих должников)» [15]. Вместе с тем экономический кризис последнего десятилетия, малый процент удовлетворенных требований, а также общая тенденция на занятие государством главенствующей роли в экономических отношениях превращают скрытие цели законодателя в секрет Полишинеля.

Насколько строго соблюдается разделение порядков погашения требований кредиторов и возможно ли их погасить иначе? Данный вопрос является ответвлением более глобальной проблемы – пределы диспозитивности в правоотношениях несостоятельности (банкротства). В отличие от гражданского законодательства, в отношении которого Постановлением Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» были даны указания по трактовке норм, зафиксированных в ГК РФ, Закон о банкротстве и судебная практика не дают явных указаний в отношении положений, регулирующих правоотношения в сфере несостоятельности. Обосновано это тем, что институт несостоятельности (банкротства) является комплексной отраслью права, включающей в себя переплетение частноправовых и публично-правовых норм [6, с. 132–133]. В то же время в отношении погашения требований конкурсных кредиторов сложилась определенная судебная практика.

Так, суды твердо стоят на подходе, что не допускается частичное погашение требований кредиторов в порядке ст. 313 ГК РФ [11]. Мы полагаем, подход запрета частичного погашения требований кредиторов, хотя и имеет в своей основе разумные основания, несовершенно и не соблюдается на практике.

Целью ограничения возможности погашения требований части кредиторов является недопущение получения контроля над процедурой банкротства должника связанными с

должником лицами. При этом стоит не соглашаться, что такое регулирование направлено только на учредителей и аффилированных лиц должника [6]. Нередко складывается ситуация, когда один из кредиторов желает всеми возможными способами получить контроль над процедурой банкротства. В связи с тем, что интересы кредиторов по форме схожи (удовлетворение требований), они противопоставляются друг другу (не дать удовлетворить требования других, если это приведет к неполному удовлетворению своего требования). Именно для этих целей кредитор может выкупить часть требования, чтобы получить большинство голосов на собрании кредиторов и потенциально поставить ангажированного арбитражного управляющего. А последствия такого поведения для независимых добросовестных кредиторов широко и печально известны.

Казалось бы, такой подход является разумным и справедливым. Он базируется на фундаментальном принципе банкротного права – *pari passu* [16]. Все конкурсные кредиторы получают равные возможности удовлетворения своих требований из конкурсной массы должника. Такое равенство достигается за счет пропорциональности между размером требований и общей суммой задолженности должника перед всеми кредиторами. Тем не менее при конструировании двух вариантов погашения требований кредиторов, предпочтение отдается удовлетворению требований уполномоченного органа перед соблюдением баланса интересов других лиц, участвующих в деле о банкротстве [4].

Отличия двух институтов сводятся не только к субъективному составу кредиторов, чьи требования включены в реестр требований кредиторов должника. Разница заключается еще и в последствиях погашения требований. В случае погашения требований всех кредиторов в порядке ст. 125 Закона о банкротстве, производство по делу о банкротстве подлежит прекращению; правопреемства между старыми кредиторами и новыми не происходит, поскольку денежные средства, предоставленные для погашения, квалифицируются в качестве предмета договора займа, который в силу закона заключается между новым кредитором и должником. В то же время во вто-

ром случае производство по делу о банкротстве продолжается. Происходит процессуальное правопреемство, и новый кредитор встает в реестр в одну очередь с другими.

Следовательно, законодателю не претит идея того, что контроль над процедурой может быть опосредованно получен должником с последующим риском сокрытия имущества и оставления частных конкурсных кредиторов ни с чем. Идеологическое обоснование отказа в частичном погашении требований конкурсных кредиторов вступает в противоречия с намерениями законодателя в деле о банкротстве, которое прослеживается в принятых им поправках.

Законодателю вторит и правоприменитель. Арбитражные суды часто отдают предпочтение позициям уполномоченного органа только в силу их статуса. Одновременно ВС РФ, опосредованно закрепляя эту практику нижестоящих судов, упрочивает положение уполномоченного органа как кредитора, интересы которых превалируют над интересами частных кредиторов. Так, Определением ВС РФ от 8 апреля 2021 г. № 305-ЭС20-20287, высшая судебная инстанция указала, что налог на имущество и земельный налог, начисленные на залоговое имущество должника-банкрота за период нахождения этого имущества в банкротных процедурах, подлежат уплате в режиме погашения расходов на обеспечение сохранности предмета залога и реализации его на торгах, то есть в первоочередном порядке за счет средств, поступивших от реализации предмета залога.

В силу Постановления Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» ФНС РФ является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим представление в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам. Выступая в деле о банкротстве, в отличие от остальных конкурсных кредиторов, ФНС не преследует свой частный интерес. Напротив, потенциально полученные денежные средства пойдут в федеральный бюджет, выгодоприобретателем которого являются все граждане. Следова-

но, отдавая ФНС большее предпочтение, суд действует во благо многонационального народа Российской Федерации.

Такой подход является односторонним и потенциально может привести к проблемам в экономической сфере. Банкротство является механизмом обновления и очищения экономики от неблагонадежных участников. Оно способствует перераспределению экономических благ к тем, кто сможет их использовать более эффективно, чем банкрот [2; 13; 14; 16]. В то же время «при анализе рассматриваемых факторов акцент необходимо сместить именно в сторону социальной составляющей, поскольку в современных условиях целью института несостоятельности (банкротства) является не только удовлетворение требований кредиторов, защита прав должника, но и стабильность рынка, рыночных отношений» [12].

Тем самым, оказание предпочтений уполномоченному органу в ущерб интересам участников оборота может неблагоприятно сказаться на экономическом благосостоянии в целом. Частным проявлением этой идеи является необоснованность и неактуальность запрета на частичное погашение требований кредиторов [5].

Помимо этого, сама конструкция запрета погашения дает сбой, если требования не погашаются через депозит суда или депозит нотариуса, а выкупается у кредитора. Посредством правового механизма уступки прав требований к должнику от конкурсного кредитора (цедента) к третьим лицам (цессионариям) обходится запрет на погашения отдельных требований кредиторов в конкурсном производстве. Такой подход нашел широкое распространение в судебной практике [7–10]. Суды не считают, что в отличие от погашения требований посредством ст. 313 ГК РФ, кредитор, уступая требования, нарушает запрет на частичное погашение требований.

Полагаем, это связано с тем, что в отличие от ст. 313 ГК РФ, кредитор не может лишиться своего права помимо своей воли [3]. Если при погашении требований кредитора третьим лицом в порядке, закрепленном в ГК РФ, кредитор, в силу наступления определенных обстоятельств, не может отказаться от принятия исполнения за должника, то при

уступке прав требования к должнику не происходит нарушения принципа автономии воли: цедент и цессионарий свободны во вступлении в правоотношения и определении их условий.

Тем не менее требования могут уступаться лицам, перечисленным в ст. 71.1, 85.1, 112.1 125 и 129.1 Закона о банкротстве, и/или заинтересованному в получении контроля над ходом процедуры кредиторам. Тем самым, формально, такое поведение является обходом закона в части порядка погашения требований уполномоченного органа и/или всех конкурсных кредиторов.

Выводы

В настоящее время правовой институт несостоятельности (банкротства) стоит на пороге большой реформы. Причиной этого, помимо прочего, стало то, что реабилитационные процедуры финансового оздоровления и внешнего управления показали свою неэффективность. Процедура внешнего управления была известна еще со времен действия Закона РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Однако ему не суждено было улучшить экономическую ситуацию посредством придания реабилитационной процедуре большей популярности по сравнению с ликвидационной. С 2015 по 2019 г. арбитражными судами было вынесено 1 656 определений о введении внешнего управления [1]. Более молодой институт финансового оздоровления был закреплен только в Федеральном законе от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и с изменениями перекочевал в Закон о банкротстве. Тем не менее из-за необходимости получения 120 % обеспечения требований кредиторов, стремления конкурсных кредиторов получить свое «здесь и сейчас», эта процедура оказалась мертворожденной. С 2015 по 2019 г. арбитражными судами было вынесено 160 определений о введении финансового оздоровления [1]. К сожалению, большинство введенных реабилитационных процедур были окончены в связи с переходом к конкурсному производству.

Новая реабилитационная процедура – реструктуризация долгов – призвана объеди-

нить в себе лучшее, что было в финансовом оздоровлении и внешнем управлении. Тем не менее в ст. 79 Проекта законодатель планирует оставить возможность частичного погашения требований включенных в реестр кредиторов посредством погашения учредителями (участниками) должника, собственником имущества должника – унитарного предприятия и (или) третьим лицом задолженности по обязательным платежам в ходе реструктуризации долгов. Порядок погашения требований уполномоченного органа принципиально не отличается от того, который закреплен в Законе о банкротстве.

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» имеет очевидные противоречия и нуждается в доработке. Несмотря на то что в Законе о банкротстве указано, что арбитражный управляющий должен быть независимым и действовать в интересах должника, кредиторов и общества, на практике выявленные правовые пробелы позволяют недобросовестным участникам процесса банкротства совершать мошеннические действия и проводить махинации в процедуре банкротства с непосредственным участием арбитражного управляющего. Полагаем, что действующее законодательство нуждается в доработке в части порядка назначения и требований к арбитражному управляющему, которые минимизируют возможности недобросовестного использования действий арбитражного управляющего в интересах третьих лиц.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мы говорим о реформировании института арбитражного управления только в контексте разрешения вопроса с частичным погашением требований кредиторов. Мы воздерживаемся от комментирования Проекта кроме как в рамках вышеназванного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банкротства компаний – статистика Федресурса за 2019 год. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da> (дата обращения: 13.06.2021). – Загл. с экрана.

2. Губин, Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы / Е. П. Губин. – М., 2005. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Егоров, А. В. Платеж третьего лица кредитору помимо его воли / А. В. Егоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 8. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Казаченок, О. П. Развитие цифровых технологий финансовых услуг: проблемы соблюдения банковской тайны и защиты прав клиентов / О. П. Казаченок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 16–21.

5. Казаченок, О. П. Цифровые права в современном гражданском обороте: тенденции и перспективы развития / О. П. Казаченок // Хозяйство и право. – 2019. – № 11. – С. 39–44.

6. Несостоятельность (банкротство) : учеб. курс : в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. – М. : Статут, 2019. – Т. 1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 01.09.2016 № 307-ЭС16-10356(2) по делу № А05-11303/2013. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда РФ от 28.10.2016 № 307-ЭС16-10356(4) по делу № А05-11303/2013. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2019 № 309-ЭС18-2594(3) по делу № А47-188/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2019 № 306-ЭС19-12527(2) по делу № А57-25624/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред. Е. П. Губин. – М. : Юстицинформ, 2019. – 664 с.

13. Розанова, Н. М. Банкротство как атрибут рыночной экономики / Н. М. Розанова // Вестник Московского университета. Серия 6. «Экономика». 1998. – № 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Химичев, В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве / В. А. Химичев. – М., 2005. –

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”» (в части совершенствования законодательства о банкротстве) от 31.12.2008 г. № 145263-4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/145263-4>. – Загл. с экрана.

16. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. – М., 2003. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. *Bankrotstva kompaniy – statistika Fedresursa za 2019 god* [Company Bankruptcies – Federal Statistics for 2019]. URL: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da> (accessed 13 June 2021).

2. Gubin E.P. Gosudarstvennoe regulirovanie rynochnoi ekonomiki i predprinimatelstva: pravovye problemy [State Regulation of the Market Economy and Entrepreneurship: Legal Problems]. Moscow, 2005. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

3. Egorov A.V. Platezh tretego litsa kreditoru pomimo ego voli [Payment of a Third Party to a Creditor Against His Will]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2016, no. 8. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

4. Kazachenok O.P. Razvitiye tsifrovyykh tekhnologiy finansovykh uslug: problemy soblyudeniya bankovskoy tayny i zashchity prav kliyentov [Development of digital technologies of financial services: problems of bank secrecy and protection of clients' rights]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 6, pp. 16-21.

5. Kazachenok O.P. Tsifrovyye prava v sovremennom grazhdanskom oborote: tendentsii i perspektivy razvitiya [Digital Rights in Modern Civil Turnover: Trends and Prospects of Development]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 2019, no. 11, pp. 39-44.

6. Nesostoiatel'nost (bankrotstvo): ucheb. kurs: v 2 t. [Insolvency (Bankruptcy). Training Course in 2 Vols.]. Moscow, Statut Publ., 2019, vol. 1. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 01.09.2016 № 307-ES16-10356(2) po delu № А05-11303/2013 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES16-10356 (2) Dated September 1, 2016 in Case No. A05-11303/2013]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 28.10.2016 № 307-ES16-10356(4) po delu № А05-

11303/2013 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES16-10356 (4) Dated October 28, 2016 in Case No. A05-11303/2013]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Opređenje Verkhovnogo Suda RF ot 06.02.2019 № 309-ES18-2594(3) po delu № A47-188/2016 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES18-2594(3) Dated February 6, 2019 in Case No. A47-188/2016]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

10. Opređenje Verkhovnogo Suda RF ot 06.09.2019 № 306-ES19-12527(2) po delu № A57-25624/2016 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES19-12527 (2) Dated September 6, 2019 in Case No. A57-25624/2016]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

11. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 g. № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniia polozhenii glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o peremene lits v obiazatel'stve na osnovanii sdelki» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 Dated December 21, 2017 "On Certain Issues of Application of the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the Change of Persons in an Obligation on the Basis of a Transaction"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

12. Afanaseva E.G., Belitskaia A.V., Vaipanidr V.A. Predprinimatelskoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i putirazvitiia: monografiia [Business Law of Russia: Results, Trends and Ways of Development. monograph]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2019. 664 p. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

13. Rozanova N.M. Bankrotstvo kak atribut rynochnoi ekonomiki [Bankruptcy As an Attribute of a Market Economy]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. «Ekonomika», 1998, no. 3. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

14. Khimichev V. Zashchita prav kreditorov pri bankrotstve [Protection of Creditors' Rights in Bankruptcy]. Moscow, 2005. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

15. Federal'nyy zakon «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)"» (v chasti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o bankrotstve) ot 31.12.2008 g. 145263-4 [Federal Law "On Amendments to the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'" (In Terms of Improving Bankruptcy Legislation) No. 145263-4 Dated December 31, 2008]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/145263-4> (accessed 13 June 2021).

16. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. IV: Torgovyi protsess. Konkursnyi protsess [Course of Commercial Law. Vol. 4. Trade Process. Competitive Process]. Moscow, 2003. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

Information About the Author

Svetlana Yu. Kazachenok, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kazachenok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9403-820X>

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Казаченок, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kazachenok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9403-820X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>

UDC 347.133:330.322
LBC 67.404.04

Submitted: 10.01.2022
Accepted: 28.01.2022

THE CONCEPT OF A REMOTE DIGITAL INVESTMENT TRANSACTION IN THE INFORMATION SPACE ¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
International Law Institute (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Introduction: in the legal literature, sufficient attention has always been paid and is currently being paid to the topic of transactions. At the same time, remote digital investment transactions in the information space have not been considered by colleagues in civil studies until recently. In this regard, it would be expedient and timely to substantiate the scientific interpretation of this type of transaction, highlighting its characteristic distinguishing features, to begin with. **Purpose:** the purpose of the paper is to substantiate the author's definition of a remote digital investment transaction made in the information space from the standpoint of the civilistic doctrine. **Methods:** the main methodological step of the author in the interpretation of the original author's definition is the identification and justification of five characteristic distinctive qualitative features of such a transaction. **Results:** it has been established that the legal purpose of the contact and expression of the will of the subjects of a remote digital investment transaction – the receipt of the investment object into the investor's property, funds to the recipient of the investment – is achieved and forms legal consequences: establishment, possible agreed change, within the stipulated period or termination of civil rights and obligations agreed before the deadline. The essence, the internal substance of a remote digital investment transaction is a certain entrepreneurial idea, without which investing in the information space is impossible. **Conclusions:** it is proved that a remote digital investment transaction in the information space is an intellectual and volitional behavioral act of competent, legally capable subjects (investor, investment intermediary, recipient of investments), forming a legal fact during their mutual contact and expression of will on the Internet through special software and hardware, expressed in an electronic form regulated by law.

Key words: remote investment, computer technology, investor, investment intermediary, recipient of investment, entrepreneurship, information space.

Citation. Matytsin D.E. The Concept of a Remote Digital Investment Transaction in the Information Space. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 129-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>

УДК 347.133:330.322
ББК 67.404.04

Дата поступления статьи: 10.01.2022
Дата принятия статьи: 28.01.2022

ПОНЯТИЕ ДИСТАНЦИОННО-ЦИФРОВОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СДЕЛКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Международный юридический институт (Волжский филиал), г. Волжский, Российская Федерация

Введение: в юридической литературе всегда уделялось и уделяется достаточное внимание теме сделок. Вместе с тем дистанционно-цифровые инвестиционные сделки в информационном пространстве до последнего времени коллегами в цивилистических исследованиях не рассматривались. В связи с этим целесообразным и своевременным будет обосновать научную трактовку указанной разновидности сделок, выделив для начала ее характерные отличительные признаки. **Целью** статьи является обоснование с позиций цивилистической доктрины авторской дефиниции дистанционно-цифровой инвестиционной сделки, совершаемой в информационном пространстве. **Методы:** основным методологическим шагом при трактовке оригиналь-

ного авторского определения выступает выделение и обоснование пяти характерных отличительных качественных признаков такой сделки. **Результаты:** установлено, что правовая цель контакта и волеизъявления субъектов дистанционно-цифровой инвестиционной сделки – поступление объекта инвестирования в собственность инвестора и поступление денежных средств получателю инвестиций – достигается и образует правовые последствия: установление, возможное согласованное изменение, в предусмотренный срок либо согласованное до срока прекращение гражданских прав и обязанностей. Сущность, внутреннее содержание дистанционно-цифровой инвестиционной сделки составляет определенная предпринимательская идея, без которой инвестирование в информационном пространстве невозможно. **Выводы:** обосновано, что дистанционно-цифровая инвестиционная сделка в информационном пространстве представляет собой интеллектуально-волевой поведенческий акт дееспособных, правоспособных субъектов (инвестор, инвестиционный посредник, получатель инвестиций), образующий юридический факт при их взаимном контакте и волеизъявлении в информационно-телекоммуникационной сети Интернет посредством специального программно-аппаратного обеспечения, выраженный в урегулированной законом электронной форме.

Ключевые слова: дистанционное инвестирование, компьютерные технологии, инвестор, инвестиционный посредник, получатель инвестиций, предпринимательство, информационное пространство.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Понятие дистанционно-цифровой инвестиционной сделки в информационном пространстве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 129–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>

Введение

Обосновывая научное понятие инвестиционной сделки в информационном пространстве, обратим внимание на сам корневой термин «инвестиции». Законодатель в Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» в составе основных понятий раскрывает содержание этого термина: это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [4]. Как видим, имеются в виду определенные объекты гражданских прав (имущество), имеющие денежную оценку и переходящие из статического положения в состояние динамики от интеллектуально-волевого импульса (поведенческого акта) дееспособного субъекта-предпринимателя с целью вложения денег, затем их возврата и получения добавочных денег и (или) приращения стоимости этого имущества. Также видим, что имущество может быть приведено в состояние динамики и в процессе некой иной (например, социальной) деятельности неограниченного круга лиц, вследствие чего возможно возникновение некоторой пользы. По нашему мнению, не следовало в базовом

инвестиционном законе смешивать инвестиции – объекты гражданских прав (имущество), имеющие денежную оценку и находящиеся в состоянии предпринимательского вложения, и социальные расходы (а также волонтерские акции), которые, как мы понимаем, имеются в виду. Последние, конечно, дают полезный эффект, но относятся к реализации либо соответствующей функции государства, либо к добровольной деятельности и пожертвованиям частных лиц. Ключевым содержательным признаком, раскрывающим дефиницию инвестиций, является имущество, имеющее денежную оценку, причем обязательна его динамика вовлечения в сделку для приращения стоимости (получения прибыли) в процессе реализации определенной предпринимательской идеи и исполнения самой сделки.

Также в Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ раскрывается понятие «инвестиционная деятельность». Указано, что это вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [4]. На наш взгляд, плеоназм «инвестиционная деятельность» как юридический термин недопустим (...денег вкладываемых вложение...). Мы считаем, что инвестиции – это объекты гражданских прав (имущество), имеющие денежную оценку, используемые субъектами-предпринимателями с целью получения прибыли и (или) приращения стоимости в определенной сделке, которая есть дискретный

эпизод их предпринимательской деятельности. Поэтому в Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ словосочетание «инвестиционная деятельность» следует по всему тексту изменить на термин «инвестирование», исключив некорректное словосочетание из состава основных понятий закона, что позволит законодателю устранить еще один плеоназм – «вложение инвестиций» (...вложение денег вкладываемых...), который встречается в тексте при раскрытии понятия «инвестиционная деятельность». При этом в составе основных понятий закона после раскрытия термина «инвестиции» следом за ним необходимо записать термин «инвестирование». Мы полагаем, что инвестирование в информационном пространстве – это осуществление практических действий в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по вложению, а именно по использованию объектов гражданских прав (имущества), имеющих денежную оценку, для получения прибыли и (или) приращения стоимости в процессе осуществления определенной предпринимательской идеи, имеющей внешнее выражение сделки.

Следует уточнить, что в Законе РСФСР от 26 июня 1991 г. «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» трактовка плеоназма «инвестиционная деятельность» осуществлена тоже неудачно: указано, что это «вложение инвестиций, или инвестирование, и совокупность практических действий по реализации инвестиций» [1]. К сожалению, и в этом самом первом инвестиционном законе современной России встречаются некорректные термины «вложение инвестиций» и «реализация инвестиций». Но положительно, что в тексте имеется указанный нами выше корректный термин «инвестирование». Мы считаем, что невозможна «реализация инвестиций» как осуществление, как воплощение в жизнь объектов гражданских прав (имущества), имеющих денежную оценку и задействованных в определенной, нацеленной на получение прибыли сделке.

Исследование

В юридической литературе всегда уделялось и уделяется достаточное внимание теме сделок, включая уровень докторских монографических исследований. Вместе с тем

дистанционно-цифровые инвестиционные сделки в информационном пространстве до последнего времени коллегами в цивилистических исследованиях не рассматривались. Обосновывая научную трактовку указанной разновидности сделок, следует сначала выделить характерные для нее отличительные признаки.

Во-первых, для осуществления сделки и возникновения в правовом поле данного юридического факта необходимы специальные устройства, обеспечивающие контакт взаимодействующих субъектов: компьютеры либо смартфоны, которые должны обязательно иметь кабельное либо беспроводное соединение с Интернетом, а также соединение с источником энергии (стационарная сеть переменного тока либо аккумуляторная батарея). Кроме того, на указанные устройства обязательно должны быть установлены специальные программы, позволяющие поддерживать связь с определенным веб-сайтом, на котором сделка будет осуществлена и зафиксирована. Такой специальной программой является браузер, который позволяет находить, просматривать, читать, слушать текстовую, звуковую и видеoinформацию на веб-сайтах в Интернете, загружать на свой компьютер (смартфон) с веб-сайтов файлы (тексты, изображения, аудио, видео). Браузер – главное связующее звено между субъектом-пользователем и глобальным информационным пространством.

Наиболее широко распространены браузеры: Google Chrome, Opera, Firefox, Safari, Яндекс, Internet Explorer. Согласно исследованию HotLog, на октябрь 2020 г. 64,10 % пользователей предпочитали браузер Chrome, за ним следуют Safari (14,91 %) и Яндекс (12,79 %) [6]. Механизм работы в Интернете у всех браузеров одинаковый: 1) субъект-пользователь открывает браузер на своем компьютере (смартфоне) и вводит уникальное название веб-сайта; 2) браузер по IP-адресу и доменному имени, которые индивидуальны для каждого веб-сайта, обращаясь к DNS (Domain Name System), отыскивает в Интернете сервер; 3) когда браузер отыскал IP-адрес, он устанавливает с ним соединение по специальному обеспечивающему передаче данных в Интернете протоколу TCP / IP;

4) браузер отправляет http:// запрос на сервер; 5) сервер обрабатывает этот запрос и направляет браузеру ответ; 6) браузер в свою очередь обрабатывает полученный от сервера ответ, в итоге субъект-пользователь видит на мониторе своего компьютера загруженную страницу определенного веб-сайта с текстом и (или) видеоизображение контрагента инвестиционного отношения.

Здесь необходимо уточнить, что компьютерные программы функционируют на основе отработки единиц информации (называется бит) и двоичного кода, в котором всего две цифры 1 (единица) и 0 (ноль). Причем 0 означает, что команды нет, 1 означает, что команда (сигнал) есть. Любое число компьютер воспринимает в двоичной системе (например, число 2000 = 0000011111010000). Буквы компьютер тоже переводит в числа, затем превращает число в сигналы и записывает их, так же как и числа (например, буква Б – 193 – 11000001). Аналогично формируется изображение на мониторе компьютера, на смартфоне. Каждая точка в зависимости от цвета имеет свой код (например, черная точка: 0, 0, 0; коричневая: 153, 102, 51). Передавая цвета тремя байтами (1 байт равен 8 битам), можно зашифровать более 16 млн цветов. Переводятся в биты и байты (то есть в сигналы, состоящие из двух цифр 1 и 0) также звук и видеоинформация. Именно в этом технически правильном смысле существует корректный термин «оцифровка». Однако производные выражения «цифровизация», «цифровые права», «цифровая экономика» суть бессмыслица. Поскольку цифры (ноль и единица) в компьютерных алгоритмах – это лишь кодовый инструментарий применяемого в настоящее время языка программирования.

Особенно сомнительно выглядят словообразования эпохи digital, если заглянуть на 5–8 лет вперед и вникнуть в принцип работы квантовых компьютеров следующего поколения. Тогда по аналогии должны войти в терминологический оборот словообразования «оцифровка», «оцифровизация», «оцифровые права», «оцифровые финансовые активы». Вместе с тем мы обязаны и будем уважительно относиться к законодателю, который закрепил категорию цифры в отечественном правовом поле. Существует даже Минцифры – Мини-

стерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Поскольку сделки, которые мы исследуем, совершаются, исполняются, прекращаются субъектами в информационном пространстве при обязательном использовании компьютерных алгоритмов, реализующих двоичный код, состоящий из цифр 0 и 1, сделки в информационном пространстве вполне корректно можно называть цифровыми. Особенностью исследуемых сделок является обязательное использование компьютеров (смартфонов) и программно-аппаратного комплекса, без которого юридический факт сделки невозможен.

Во-вторых, частный инвестор (физическое лицо) как инициативный субъект, отыскивая возможности приращения имеющегося капитала, должен иметь физические и интеллектуальные способности, отражающие его удовлетворительное здоровье (дееспособность) и высокий уровень подготовки, чтобы провести в инвестиционном сегменте Интернета анализ и выделить приемлемый для себя вариант вложений в определенный объект инвестирования. Указанная подготовка включает прежде всего достаточное зрение и слух, знания, умения, навыки физического лица по общению с современным компьютером (смартфоном), а также его интеллектуальные способности в части понимания порядка и условий функционирования инвестиционного сегмента Интернета для выбора из массы инвестиционных предложений перспективного объекта инвестирования для себя.

Указание Банка России от 29 апреля 2015 г. № 3629-У (далее – Указание) устанавливает порядок признания лиц квалифицированными инвесторами и ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами [2]. Если физическое лицо соответствует 1 из 5 требований Указания, то может быть признано квалифицированным инвестором. Например, требование 2.1.2: гражданин 3 года и более проработал в организации, которая совершала сделки с ценными бумагами и (или) заключала договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами. Весьма странно выглядит такое требование, если гражданин работал, предположим, водителем или электриком в этой организации. Например, требование 2.1.4:

гражданину принадлежит имущество стоимостью от 6 и более млн руб. (деньги на счетах в банках, ценные бумаги, др.). Это тоже очень странное требование. Сразу возникает вопрос: почему именно 6, а не 8 и не 10 млн рублей? Далее, допустим, гражданин, всю жизнь работающий монтажником на стройке, получает 10-миллионное наследство в виде вклада в банке. Это случайное событие автоматически делает его квалифицированным инвестором.

Признание квалифицированным инвестором физическое лицо получает по своему заявлению от брокера, управляющего активами, управляющей компании паевого инвестиционного фонда, которые раскрывают Регламент такого признания на своих веб-сайтах в Интернете. Следует уточнить, что, согласно п. 3.4 Указания, Решение о признании лица квалифицированным инвестором фиксирует, в отношении каких именно видов ценных бумаг, и (или) производных финансовых инструментов, и (или) видов услуг заявитель признан квалифицированным инвестором. Такая очень узкая квалификация, по нашему мнению, скорее представляет собой допуск частного инвестора к закрытому перечню объектов инвестирования. В 2020 г. в Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» были внесены дополнения, касающиеся квалифицированных инвесторов [3]. В настоящее время можно говорить о том, что современный российский социум содержит в себе особую социальную прослойку людей – квалифицированных инвесторов с особым правовым положением в инвестиционных отношениях. Вместе с тем мы считаем, что квалификация инвесторов базируется не на размере денежной суммы в банке, не на длительности трудового стажа в определенной организации, а на профессиональном образовании, которое нелегко и небыстро можно получить в высших учебных заведениях Российской Федерации. Кроме того, по нашему мнению, инвестиционные сделки в информационном пространстве – это вид сложно-рисковой предпринимательской деятельности и высокая квалификация (профильное высшее образование) для этого обязательна [7].

В-третьих, вполне возможны вложения физическим лицом денежных сумм без по-

средников, например при приобретении пакета облигаций эмитента по индивидуальной сделке. Аналогично возможно так же без посредников приобретение пакета акций одним из акционеров своего хозяйственного общества. Однако следует иметь в виду, что подобные случаи единичны, систематического оборота объектов инвестирования здесь не возникает. В соответствии с требованиями законодательства абсолютное большинство инвестиционных сделок физические лица совершают при участии профессиональных посредников преимущественно в электронной форме, используя электронные подписи. Посредники – юридические лица специальной правоспособности (имеющие лицензии и допуски Банка России) в течение многих лет ведут предпринимательскую деятельность в сфере инвестиций, на предусмотренных для этого организованных площадках – биржах, финансовых платформах, инвестиционных платформах. Частный инвестор не сможет самостоятельно выйти на торги, например, Мосбиржи для того, чтобы совершить сделку с каким-либо объектом инвестирования. На веб-сайте биржи имеется информация о тех самых профессиональных посредниках, допущенных данной биржей к участию в торгах, каждое физическое лицо может реализовать свои планы по инвестированию именно во взаимодействии с таким инвестиционным посредником. Взаимодействие осуществляется на основе соглашения сторон, как правило, с брокером, с управляющим активами. Современные информационные технологии избавили упомянутые стороны от необходимости организовывать и проводить встречи и переговоры в помещении офиса по месту нахождения юридического лица. Совершенно обыденным стал видеозвонок, который применяется легко и безвозмездно даже в простейших сервисах электронной почты: @gmail.com; @mail.ru; @yandex.ru. За время пандемии новой коронавирусной инфекции 2020–2021 гг. стали привычными видеосервисы Zoom, Skype, Teams, Discort и др., применение которых самыми широкими слоями населения доведено практически до автоматизма.

По нашему мнению, дистанционный признак исследуемых сделок является позитивным достижением компьютеризации и интер-

нетизации инвестиционных отношений. Прежде всего неограниченно расширяется круг потенциальных частных инвесторов, которым не нужно из дальних мест огромной Российской Федерации приезжать в столицу для встречи с профессиональным инвестиционным посредником и обсуждать условия соглашения об услугах, которые будут ему оказаны. Напротив, видеозвонок по тому же поводу можно осуществить даже 10 раз, при этом затраты сторон и по времени, и по материальным ресурсам будут минимальны. Здесь уточним, что участие в инвестиционных отношениях профессионального предпринимательского субъекта-посредника специальной правоспособности несколько не снижает риски и ответственность за принимаемые решения для инвестора. Частный инвестор юридически не является предпринимателем и не становится им де-факто даже во взаимодействии с лицензированным брокером и (или) управляющим активами.

В-четвертых, мы полагаем, что дистанционный вариант видеообщения частного инвестора с «акулами» инвестиционной сферы положительно влияет на процесс формирования его волеизъявления, которое должно быть совершенно свободным и осознанным. Согласимся с Ю.В. Холоденко, по мнению которого волеизъявление есть внешнее выражение воли в предусмотренной или допускаемой законом форме, делающее волю субъекта доступной восприятию других лиц [5, с. 37]. Частный инвестор, находясь на удалении и проводя переговоры с инвестиционным посредником видеоспособом, имеет, несомненно, более уравновешенное психическое состояние, потому что «дома и стены помогают», и может без стеснения и ложной скромности задать во много раз больше интересующих его вопросов и выдвинуть выгодные для себя условия, нежели находясь в помещении переговорного офиса организации. Современные интернет-технологии предусматривают запись процесса видеообщения сторон, что позволяет создать индивидуальный видеофильм, в котором будет зафиксировано, что видимое волеизъявление точно и полностью отражает внутреннюю волю каждого из субъектов, что субъекты это увидели и приняли к сведению. По соглашению между ними указанный видео-

фильм может признаваться за доказательство свободного и осознанного волеизъявления субъектов при заключении сделки.

В-пятых, юридическая цель сделки в информационном пространстве состоит в том, чтобы в процессе воплощения в реальность предпринимательской идеи и приведения в динамичное состояние денежных средств инвестора встречно пришел в состояние динамики определенный объект инвестирования и по итогам сделки поступил в собственность инвестора. Получатель инвестиций становится обязанным перед ним лицом, инвестор, владеющий в течение запланированного срока объектом инвестирования, становится кредитором, участником бизнеса, учредителем доверительного управления. Тем самым достигается плановый правовой результат сделки: установление, возможное согласованное изменение, прекращение в предусмотренный срок либо согласованное до срока прекращение гражданских прав и обязанностей.

Заключение

По нашему мнению, дистанционно-цифровая инвестиционная сделка в информационном пространстве представляет собой интеллектуально-волевой поведенческий акт дееспособных, правоспособных субъектов (инвестор, инвестиционный посредник, получатель инвестиций), образующий юридический факт при их взаимном контакте и волеизъявлении в информационно-телекоммуникационной сети Интернет посредством специального программно-аппаратного обеспечения, выраженный в урегулированной законом электронной форме. Правовая цель их контакта и волеизъявления – поступление объекта инвестирования в собственность инвестора и поступление денежных средств получателю инвестиций – достигается и образует правовые последствия: установление, возможное согласованное изменение, в предусмотренный срок либо согласованное до срока прекращение гражданских прав и обязанностей. Сущность, внутреннее содержание дистанционно-цифровой инвестиционной сделки составляет определенная предпринимательская идея, без которой инвестирование в информационном пространстве невозможно.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция».

The research is carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences in the framework of the scientific project No. 20-18-00314 “Transformation of public relations in the context of Industry 4.0: legal prevention”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – 18 июля (№ 29). – Ст. 1005.
2. Указание Банка России от 29 апреля 2015 г. № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами» // Вестник Банка России. – 2015. – 15 июня (№ 51).
3. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Российская газета. – 1996. – 25 апр. (№ 79).
4. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Российская газета. – 1999. – 4 марта (№ 41/42).
5. Холоденко, Ю. В. Недействительность сделок с пороками воли: проблемы правового регулирования / Ю. В. Холоденко. – Саарбрюккен : Lambert Academic Publishing, 2011. – 288 с.
6. Что такое браузер: определение, функции // SendPulseInc. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sendpulse.com/ru/support/glossary/browser> (дата обращения: 25.03.2021).
7. Goncharov, A. I. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors / A. I. Goncharov, D. E. Matytsin, A. O. Inshakova // *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. – Cham : Information Age Publishing Inc., 2022. – P. 199–208.

REFERENCES

1. Zakon RSFSR ot 26 iyunja 1991 g. «Ob investicionnoj dejatel'nosti v RSFSR» [Law of the RSFSR Dated June 26, 1991 “On the Investment Activity in the RSFSR”]. *Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov RSFSR i VS RSFSR* [Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and VS RSFSR], 1991, July 18 (no. 29), article 1005.
2. Ukazanie Banka Rossii ot 29 aprelja 2015 g. № 3629-U «O priznanii lic kvalificirovannymi investoram i porjadke vedenija reestra lic, priznannyh kvalificirovannymi investoram i» [Decree of the Bank of Russia No. 3629-U Dated April 29, 2015 “On the Recognition of Persons As Qualified Investors and the Procedure for Maintaining the Register of Persons Recognized As Qualified Investors”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of the Bank of Russia], 2015, June 15 (no. 51).
3. Federal'nyj zakon ot 22 aprelja 1996 g. № 39-FZ «O rynke cennyh bumag» [Federal Law No. 39-FZ Dated April 22, 1996 “On the Securities Market”]. *Rossijskaja gazeta*, 1996, April 25 (no. 79).
4. Federal'nyj zakon ot 25 fevralja 1999 g. № 39-FZ «Ob investicionnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushhestvljaemoj v forme kapital'nyh vlozhenij» [Federal Law No. 39-FZ Dated February 25, 1999 “On Investment Activity in the Russian Federation in the Form of Capital Investments”]. *Rossijskaja gazeta*, 1999, March 4 (no. 41/42).
5. Holodenko Ju. V. *Nedejstvitel'nost' sdelok s porokami voli: problem pravovogo regulirovanija* [Invalidity of Transactions with Defects of Will: Problems of Legal Regulation]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2011. 288 p.
6. Chto takoe brauzer: opredelenie, funktsii [What is Browser? Definition, Functions]. *SendPulse Inc.* URL: <https://sendpulse.com/ru/support/glossary/browser> (accessed 25 March 2021).
7. Goncharov A.I., Matytsin D.E., Inshakova A.O. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2022, pp. 199-208.

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute (Volzhsky Branch), Bolshevikskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Международный юридический институт (Волжский филиал), ул. Большевистская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.19>

UDC 34.347.4
LBC 67.404

Submitted: 03.11.2021
Accepted: 05.12.2021

PROVISION OF CULTURAL SERVICES AS THE SCOPE OF AGREEMENT

Maxim V. Sevostyanov

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: social relations developing in the sphere of culture are subject to legal regulation following the dynamics of socio-economic development. Under their legal nature, these relations are regulated by public and private legal means, one of which is an agreement. Despite the recognition of this agreement as one of the types of contracts for the provision of paid services, its subject is insufficiently studied by the means of the science of civil law, which creates certain problems in the field under study. The **purpose** of the publication is to identify the legal content of the subject of the agreement for the provision of cultural services. **Methods:** the research is based on the systematic method, civil law aspects of interpretation, analysis, and synthesis, as well as a comparative legal methodological technique. **Results:** based on lexical and legal analysis, definitions are given of the concepts of “provision of cultural services”, considered as an object of civil rights and “subject of an agreement for the provision of cultural services”, qualifying the condition without which the use of this means of legal regulation becomes impossible. **Conclusions:** the position is substantiated that the proper implementation of cultural activities in the current conditions of civil turnover becomes impossible without the use of an individual legal regulator of the emerging relations – an agreement. Being one of the essential conditions of such an agreement, the subject acts as a combination of actions of individuals and legal entities carried out by the contractor of services on behalf of the customer to obtain a useful intangible effect achieved with the help of the creative abilities of the contractor. The qualifying features of the subject of the agreement for the provision of cultural services are revealed.

Key words: provision of cultural services, cultural activity, subject of the agreement, contractor, customer, civil turnover, qualifying signs.

Citation. Sevostyanov M.V. Provision of Cultural Services As the Scope of Agreement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 137-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.19>

УДК 34.347.4
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 03.11.2021
Дата принятия статьи: 05.12.2021

ОКАЗАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ УСЛУГ КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

Максим Владимирович Севостьянов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: общественные отношения, складывающиеся в сфере культуры, подлежат правовому регулированию в соответствии с динамикой социально-экономического развития. В силу своей правовой природы эти отношения регулируются при помощи публично- и частноправовых средств, одним из которых является договор. Несмотря на признание указанного соглашения одним из видов договоров возмездного оказания услуг, его предмет в недостаточной степени изучен средствами науки гражданского права, что создает определенные проблемы в изучаемой области. Выявление правового содержания предмета договора оказания культурных услуг является целью настоящей публикации. **Методы:** за основу исследования взяты системный метод, гражданско-правовые аспекты толкования, анализ и синтез, а также сравнительно-правовой методологический прием. **Результаты:** на основе лексического и правового анализа даются определения понятий «оказание культурных услуг» (рассматриваемых в качестве объекта гражданских прав) и «предмет договора оказания культурных услуг» (квалифицируемого как условие, без которого применение указанного средства правового

регулирования становится невозможным). **Выводы:** обосновывается положение о том, что надлежащее осуществление культурной деятельности в сложившихся условиях гражданского оборота становится невозможным без применения индивидуально-правового регулятора складывающихся отношений – договора. Будучи одним из существенных условий такого соглашения, предмет выступает как объединение действий физических и юридических лиц, осуществляемых исполнителем услуг по заданию заказчика с целью получения полезного нематериального эффекта, достигаемого при помощи творческих способностей исполнителя. Выявляются квалифицирующие признаки предмета договора оказания культурных услуг.

Ключевые слова: оказание культурных услуг, культурная деятельность, предмет договора, исполнитель, заказчик, гражданский оборот, квалифицирующие признаки.

Цитирование. Севостьянов М. В. Оказание культурных услуг как предмет договора // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 137–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.19>

Введение

Актуальность поднимаемой проблемы обусловлена целым рядом современных факторов. Первый из них связан с конституционной значимостью участия граждан в культурной деятельности, по сути, представляющего собой содержание «культурного правоотношения». При этом субъективное право человека проявляется в его участии в культурной жизни и свободе пользования культурными достижениями, а юридическая обязанность заключается в бережливом отношении к культурному наследию и к другим подобным объектам (ст. 44 Конституции РФ). Второй фактор продиктован необходимостью реализации национального проекта «Культура», позволяющего проявить «созидательную инициативу» граждан и организаций с учетом сложившихся «культурно-исторических традиций» [9].

В контексте развития гражданского оборота названные факторы могут быть реализованы посредством применения как публично-, так частноправовых средств, одним из которых является гражданско-правовой договор. В силу недостаточной изученности предмета как существенного условия договора может сложиться ситуация, которая не только повлечет за собой незаключение договора, но и будет ограничивать право его сторон на реализацию своих «культурных» прав и свобод. Фактически, такое положение может препятствовать осуществлению правомочий участников гражданского оборота в изучаемой области.

На основании изложенных аспектов целью проводимого исследования является выявление правовых свойств оказания услуг культуры в качестве предмета договора. Достигнуть эту цель можно посредством реше-

ния двух задач, в частности: определить сущность понятия «оказание культурных услуг», а также установить «предмет договора оказания культурных услуг» и выявить его квалифицирующие признаки.

Методология исследования основывается на применении тех методов научного познания, которые основаны на законах логики и диалектики, способах анализа и синтеза, а также на приеме цивилистического толкования изучаемых терминов, дающего возможность сформулировать определение необходимых понятий в пределах тематики публикации [1, с. 80].

Определение сущности понятия «оказание культурных услуг»

Для решения первой задачи публикации необходимо выявить комплексное содержание термина «оказание культурных услуг». Решение этой задачи становится возможным посредством использования метода лексического и правового анализа термина с последующим синтезом полученных результатов, ранее применяемого автором в своих научных исследованиях [12].

В контексте сочетания «оказание культурных услуг» последовательно рассмотрим сущность его составных элементов: «оказание», «культура» и «услуга».

Слово «оказание» является производным от слова «оказать», лексическое толкование которого зависит от его сочетания с определенным существительным и в буквальном смысле означает «действие по значению данного существительного» [7, с. 446].

В своем лексическом содержании слово «культура» проявляется во многих значениях: 1) «совокупность производственных и ду-

ховно-общественных достижений человека»; 2) «выращивание, разведение различного рода растений, животных»; 3) определенный уровень навыков человека [7, с. 314]. Следует обратить внимание и на производный от слова «культура» термин – «культурный», под которым понимается достижение соответствующего результата человеческой жизнедеятельности, базирующегося на действиях, связанных с преобразованием каких-либо материально-духовных объектов [7, с. 314].

В базовом источнике правового регулирования «культурных отношений» – Основях законодательства Российской Федерации о культуре [8], несмотря на то что термин «культура» и его производные упоминается почти четыреста раз, законодателем все же не дается в буквальном смысле определение искомого понятия. Однако его сущность можно выявить посредством анализа других официальных терминов: «культурная деятельность», «культурные ценности», «культурные блага» и т. п. В результате такого анализа «культура» представляет собой «систему тех человеческих благ, которые базируются на ценностях, связанных с морально-этическими идеями, образцами поведения, национальными традициями, художественными ремеслами и промыслами, имеющими значение вещами, территориями и другими подобными объектами» [8].

На многоаспектный характер термина «культура» обращают внимание и ученые, видящие в нем совокупность «ценностей, верований, художественных достижений, просвещенности, уклада жизни...» и др. [10, с. 12–13].

В словесном значении «услуга» выражается как «действие», приносящее «пользу, помощь» иному лицу [7, с. 837].

В базовом источнике о культуре термин «услуга» используется более семидесяти раз, но несмотря на это обстоятельство законодателем фактически не дается определение этого понятия [8]. В то же время анализ термина «культурные блага», объединяющего в себе «условия» и «услуги», позволяет сделать вывод о том, что изучаемая услуга представляет собой реализацию «культурных потребностей» людей, удовлетворение которых осуществляется при помощи действий физических и юридических лиц посредством создания культурных ценностей в их различных интерпретациях [8].

Исследователи культурных услуг отмечают, что эти услуги «удовлетворяют потребности человека» за счет реализации его творческого потенциала посредством «создания культурных ценностей» [3, с. 11]. Кроме того, в настоящее время изучаемые услуги зачастую оказываются при помощи «информационно-коммуникационных технологий», не только дающих возможность электронного доступа к базам библиотек, но и позволяющих совершать «виртуальные экскурсии» по различным культурным объектам [3, с. 13–14]. Действующие в настоящее время эпидемиологические ограничения только подтверждают сделанный вывод.

Исследователи объектов гражданских прав рассматривают услугу в контексте ее взаимодействия с другими объектами. Так, услуга органически связана с таким объектом, как «вещи», и, по сути, проявляется в совершении вышеуказанных действий в отношении названного объекта гражданских прав [5, с. 89]. При этом характер таких действий представляет собой определенную «правовую операцию», в результате которой не создается, а если и создается, то поглощается материальный эффект услуги [11, с. 12].

Проведенный анализ дает возможность определить понятие «оказание культурных услуг» как «процесс совершения исполнителем действий (или деятельности), приносящих пользу заказчику (или указанным им лицам), ориентированных на получение полезного нематериального эффекта, опирающихся на творческие способности исполнителя и по этой причине неотделимых от него, которые могут быть совершены как фактически, так и при помощи информационно-коммуникационных технологий».

Предмет договора оказания культурных услуг и его квалифицирующие признаки

В контексте решения второй задачи публикации следует заметить, что Гражданский кодекс РФ не дает определения понятия «предмет договора» в целом и по отношению к оказанию культурных услуг в частности.

Классики русской цивилистики рассматривали предмет договора как «право на чужое действие», которое должно быть согласовано

сторонами [6, с. 420]. Современные исследователи договорного права связывают предмет договора с объектом гражданских прав, в отношении которого сторонам договора необходимо совершить соответствующее действие [4, с. 36]. Например, по мнению В.В. Витрянского, предмет договора являет собой действие (бездействие), которое должна совершить обязанная сторона (или, соответственно, воздержаться от их совершения) [2, с. 108].

Синтезируя полученные в настоящем исследовании результаты можно дать следующее определение: *«предмет договора оказания культурных услуг – это совокупность согласованных действий, которые необходимо совершить исполнителю услуг по заданию заказчика для достижения полезного нематериального (неовещественного) эффекта, обусловленного реализацией творческих и иных способностей исполнителя».*

Предмет изучаемого договора имеет свои квалифицирующие правовые свойства, которые отражают динамику социально-экономических отношений в целом и культурной деятельности в частности и классифицируются по различным основаниям: 1) по совокупности действий сторон – простые и сложные; 2) по направленности на вещественный характер результата действий – действия, не имеющие такого характера, или действия, поглощающие материальный эффект услуги; 3) по направленности действий – действия, совершаемые только в пользу заказчика услуг, и (или) действия, приносящие пользу третьему лицу, указанному заказчиком; 4) по сфере совершения действий – публичные и (или) частные действия; 5) по характеру удовлетворения потребностей исполнителя услуг – возмездные и (или) безвозмездные действия; 6) по целевой направленности пользы, получаемой от совершения действий – действия, имеющие предпринимательский, потребительский или социальный характер; 6) иные свойства действий, проявляющиеся в процессе динамики общественных отношений.

Выводы

1. В настоящее время осуществление культурной деятельности становится невозможным без использования основополагаю-

щего частнопроводного средства правового регулирования – договора. Предмет этого договора, будучи его обязательным условием, еще недостаточно изучен средствами науки гражданского права.

2. Предмет договора представляет собой систему взаимообусловленных действий, совершаемых заказчиком и исполнителем культурных услуг с целью получения соответствующего полезного нематериального эффекта, основанного на творческих и иных подобных качествах услугодателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтутите, И. В. Судебные акты в качестве источника гражданского права: потенциал правовой природы и перспективы официального признания / И. В. Балтутите, А. О. Иншакова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 7 (74). – С. 78–83.
2. Витрянский, В. В. Общие положения о договоре / В. В. Витрянский // Кодификация российского частного права, 2019 / под ред. Д. А. Медведева. – М. : Статут, 2019. – С. 97–151.
3. Горушкина, С. Н. Услуги учреждения культуры как инструмент реализации государственной культурной политики : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Горушкина Светлана Николаевна. – М., 2011. – 34 с.
4. Корецкий, А. Д. Теория договорного регулирования гражданско-правовых отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Корецкий Аркадий Данилович. – Ростов н/Д, 2007. – 59 с.
5. Матыцин, Д. Е. Содержание договора об оказании платных медицинских услуг: теоретико-прикладной анализ / Д. Е. Матыцин, Т. А. Плаксунова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 89–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ls.jvolsu.2020.4.12>
6. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : (в 2 ч.) / Д. И. Мейер. – Изд. 3-е, испр. – М. : Статут, 2003. – 831 с.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1989. – 924 с.
8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Российская газета. – 1992. – 17 нояб. (№ 248).
9. Путин, В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 / В. В. Путин // Российская газета. – 2020. – 16 янв. (№ 7).
10. Сазонникова, Е. В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Сазонникова Елена Викторовна. – М., 2012. – 46 с.

11. Степанов, Д. И. Услуги как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук / Степанов Дмитрий Иванович. – М., 2004. – 315 с.

12. Sevostyanov, M. V. Civil law concert activities regulation in the Russian Federation in the era of the economy digitalization / M. V. Sevostyanov, S. A. Sharonov // *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)* / eds. Agnessa O. Inshakova, Elena I. Inshakova. – Springer, 2020. – P. 435–441. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_51.

REFERENCES

1. Baltutite I.V., Inshakova A.O. Sudebnye akty v kachestve istochnika grazhdanskogo prava: potentsyal pravovoj prirody i perspektivy ofitsyalnogo priznaniya [Judicial Acts As a Source of Civil Law: The Potential of Legal Nature and Prospects for Official Recognition]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], 2016, no. 7 (74), pp. 78-83.

2. Vitryansky V.V. Obshchie polozheniya o dogovore [General Provisions on the Contract]. Medvedev D.A., ed. *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava* [Codification of Russian Private Law]. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 97-151.

3. Gorushkina S.N. *Uslugi uchrezhdeniya kultury kak instrument realizatsyi gosudarstvennoi kulturnoi politiki : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Services of a Cultural Institution As a Tool for the Implementation of State Cultural Policy. Cand. sociol. sci. abs. diss.]. Moscow, 2011. 34 p.

4. Koretsky A.D. *Teoriya dogovornogo regulirovaniya grazhdansko-pravovykh otnoshenii : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theory of Contractual Regulation of Civil Law Relations. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 59 p.

5. Matycin D.E., Plaksunova T.A. Soderzhanie dogovora ob okazanii platnykh meditsynskikh uslug:

teoretiko-prikladnoj analiz [The Content of a Paid Medical Services Contract: Theoretical and Applied Analysis]. *Pravovaya paradigma* [LegalConcept], 2020, vol.19, no. 4, pp. 89-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.12>.

6. Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo: (v 2 ch.)* [Russian Civil Law (In 2 Parts)]. Moscow, Statut Publ., 2003. 831 p.

7. Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1989. 924 p.

8. Osnovy zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii o kulture: utv. VS RF 09.10.1992 № 3612-1 [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture. Approved by the Supreme Court of the Russian Federation, No. 3612-1 Dated October 9, 1992]. *Rossiiskaya gazeta*, 1992, November 17, no. 248.

9. Putin V.V. Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu ot 15.01.2020 [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly Dated January 15, 2020]. *Rossiiskaya gazeta*, 2020, January 16, no. 7.

10. Sazonnikova E. V. *Nauka konstitutsionnogo prava Rossii i kontsept «kultura»: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Science of Constitutional Law of Russia and the Concept of “Culture”. Questions of Theory and Practice. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 46 p.

11. Stepanov D. I. *Uslugi kak obekt grazhdanskikh prav: dis. ... kand. jurid. nauk* [Services as an Object of Civil Rights. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 315 p.

12. Sevostyanov M.V., Sharonov S.A. Civil Law Concert Activities Regulation in the Russian Federation in the Era of the Economy Digitalization. Agnessa O. Inshakova, Elena I. Inshakova, eds. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)*. Springer, 2020, pp. 435-441. DOI: [10.1007/978-3-030-45913-0_51](https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_51).

Information About the Author

Maxim V. Sevostyanov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of the Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, Sev_mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

Информация об авторе

Максим Владимирович Севостьянов, кандидат юридических наук, доцент, директор Волжского филиала Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, Sev_mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.20>

UDC 347.741
LBC 67.404.2.

Submitted: 05.12.2021
Accepted: 28.12.2021

THE INTEGRITY OF A BUSINESS ENTITY IN REPRESENTATIONS

Maxim S. Sitnikov

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: recently, the institution of representations has been reflected in civil legislation. The scientific and legislative classification of integrity into objective and subjective has important theoretical and practical significance. This gives reason to think about the impact of subjective and objective integrity in the context of the application of Part 4 of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation on the responsibility of a business entity. The essence and necessity of the existence of the institution of representations, its historical origin are highlighted. There is a logical relationship in terms of the legal regulation of this institution in Russia and England. The **purpose** of the study is to analyze the possibility of the impact of the integrity of the entrepreneur on the responsibility for the falsity of the representations provided. **Methods:** the methodology of the paper is formed by the methods of scientific cognition: formal-legal, comparative-legal, analytical. **Results:** when applying Part 4 of Article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation, legal situations may arise in which a business entity will be partially bona fide. However, this circumstance does not affect the liability. Subjective integrity will not be a circumstance excluding and limiting liability measures. This provision does not meet the requirements of fairness and reasonableness of private law. This, in turn, leads to a decrease in the level of effectiveness of private law norms. **Conclusions:** based on the long-term existence and functioning of the institution of representations in England, a possible way to solve this problem is proposed by partially reforming this legal norm. Such a solution will correspond to the goals of the existence of private law.

Key words: objective integrity, subjective integrity, representations, good faith in contract law, the integrity of an entrepreneur.

Citation. Sitnikov M.S. The Integrity of a Business Entity in Representations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 142-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.20>

УДК 347.741
ББК 67.404.2.

Дата поступления статьи: 05.12.2021
Дата принятия статьи: 28.12.2021

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ СУБЪЕКТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ЗАВЕРЕНИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Максим Сергеевич Ситников

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: с недавнего времени в гражданском законодательстве нашел свое отражение институт заверений об обстоятельствах. Научная и законодательная классификация добросовестности на объективную и субъективную имеет важное теоретическое и практическое значение. Это дает повод задуматься о влиянии субъективной и объективной добросовестности в контексте применения ч. 4 ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности субъекта предпринимательской деятельности. Освещается сущность и необходимость существования института заверений об обстоятельствах, его историческое происхождение. Проводится логическая взаимосвязь в части правового регулирования указанного института в России и Англии. **Цель исследования:** проанализировать возможность влияния добросовестности предпринимателя на ответственность за ложность предоставленных заверений. **Методы:** методологию настоящей статьи образуют методы научного познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, аналити-

ческий. **Результаты:** при применении ч. 4 ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации могут возникать правовые ситуации, в которых субъект предпринимательской деятельности будет являться частично добросовестным. Однако на ответственность это обстоятельство не влияет. Субъективная добросовестность не будет являться обстоятельством, исключающим и ограничивающим меры ответственности. Данное положение не отвечает требованиям справедливости и разумности частного права и, в свою очередь, приводит к снижению уровня эффективности норм частного права. **Выводы:** на основе многолетнего существования и функционирования института заверения об обстоятельствах в Англии предлагается возможный путь решения указанной проблемы посредством частичного реформирования указанной правовой нормы. Такое решение будет соответствовать целям существования частного права.

Ключевые слова: объективная добросовестность, субъективная добросовестность, заверения об обстоятельствах, добросовестность в договорном праве, добросовестность предпринимателя.

Цитирование. Ситников М. С. Добросовестность субъекта предпринимательской деятельности при заверении об обстоятельствах // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 142–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.20>

Введение

В 2015 г. в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) получил свое легальное закрепление институт заверения об обстоятельствах. Это нашло свое отражение в ст. 431.2 ГК РФ. Согласно данной норме, заверитель должен возместить реципиенту убытки или договорную неустойку в случае, если заверения об обстоятельствах окажутся ложными. помимо этого, наряду с требованием о возмещении убытков или уплаты неустойки, возможно расторжение договора.

Сущность заверения об обстоятельствах

Впервые об институте заверений об обстоятельствах заговорили в английской системе права [1, с. 5]. Примерно во второй половине XVIII в. был сформирован данный институт [2, с. 96]. Как отмечает Е.А. Суханов, заверение об обстоятельствах означает достоверность информации заверителя, на которую разумно полагается другая сторона договора. Оно предполагает возникновение обязательства, по которому заверитель гарантирует достоверность значимой для другой стороны информации [3, с. 222]. Такое заверение является гарантией для реципиента в достоверности информации. В противном случае реципиент может использовать меры ответственности в отношении заверителя. О том, что заверение об обстоятельствах является гарантией достоверности информации, указывается в решениях английских судов.

Так, в одном из решений [9] было отмечено, что заверение является гарантией, на которое другая сторона полагается при заключении договора (в ходе переговоров). Цель такой гарантии предполагает склонение реципиента заключить договор.

Несмотря на внешнее сходство российского и английского подхода, между ними имеется определенная разница, которая проявляется, в частности, в способах расчета ущерба [5, с. 118–119].

В 2018 г. Верховным Судом Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ) выпущено разъяснение (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»), которое, в частности, раскрывает более подробно некоторые положения о применении ст. 431.2 ГК РФ. Так, повторяя содержание этой статьи, ВС РФ в абз. 2 п. 35 указанного акта отмечает, что заверение об обстоятельствах распространяется, в том числе, на предмет договора. В этой связи следует указать на позицию А.Г. Карапетова. Он считает, что применение специальных договорных норм о предмете почти полностью исключает применение ст. 431.2 ГК РФ [4, с. 619]. Проанализировав положения ГК РФ, надо полагать, что с этой позицией стоит согласиться. Складывается ситуация, в которой ст. 431.2 ГК РФ по отношению к предмету договору, скорее всего, является не столько субсидиарной, сколько мертвой нормой.

Заверение об обстоятельствах и преддоговорная ответственность

Сравнительно недавно российское гражданское право признало институт преддоговорной ответственности. Согласно ч. 1 ст. 434.1 ГК РФ, стороны при вступлении в переговоры должны действовать добросовестно. В ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ законодатель пишет о двух формах недобросовестного ведения переговоров (необоснованный выход из переговоров [7] и предоставление неполной или ложной информации). Такими формами являются необоснованный выход из переговоров и предоставление неполной или ложной информации. Можно говорить о том, что между институтами преддоговорной ответственности и заверений об обстоятельствах имеется некоторое сходство.

Действительно, между данными институтами имеется тесная связь. Однако нельзя говорить об их тождественности. Как отмечалось выше, заверение об обстоятельствах является обязательством. При этом, такое обязательство отражено в самом договоре. Обычно заверение об обстоятельствах выражается в договоре через терминологию «гарантирую», «заверяю» и др. [4, с. 596–597]. При нарушении норм о добросовестном ведении переговоров по заключению договора должны применяться нормы о деликтной ответственности.

Добросовестность и заверение об обстоятельствах

Очень интересно дело обстоит с добросовестностью заверителя при заверении об обстоятельствах. Для понимания сущности добросовестности целесообразно обратиться к учению дореволюционного правоведа И.Б. Новицкого. Его позиция складывается из того, что добросовестность следует делить на объективную и субъективную. Объективная добросовестность означает ожидаемое разумное и справедливое поведение лица в гражданских правоотношениях. Субъективная добросовестность предполагает, что лицо не знало и не могло знать о каких-либо значимых юридических фактах [7, с. 128–135]. Данная точка зрения особо ценится в доктрине частного права на сегодняшний день. Итак, в

случае, если заверения об обстоятельствах в итоге окажутся ложными, то заверитель будет считаться недобросовестным.

Однако возникает вопрос: всегда ли заверитель будет считаться добросовестным с точки зрения объективной и субъективной добросовестности? Мы полагаем, что заверитель при ложности заверений всегда будет объективно недобросовестным. Сложнее обстоит дело с субъективной добросовестностью. Дело в том, что можно представить себе ситуацию, когда заверитель будет объективно недобросовестным и при этом субъективно добросовестным. В качестве примера можно привести следующий смоделированный кейс.

По договору купли-продажи долей в уставном капитале общества содержится заверение, что у главного контрагента (субъект В) продавца (субъект А) отсутствуют долговые обязательства, которые могут послужить причиной его банкротства. Это заверение послужило главной причиной для заключения договора покупателем (субъект Б). Договором предусмотрено, что в случае, если такое заверение окажется ложным, то продавец обязан уплатить покупателю неустойку. При этом в договоре особо указывается, что ответственность за неисполнение какого-либо обязательства наступает только при наличии вины (исключается правило ч. 3 ст. 401 ГК РФ). Также стороны не предусмотрели механизма возмещения имущественных потерь по правилам ст. 406.1 ГК РФ. В процессе взаимоотношений субъект В предоставил субъекту А неполные сведения о наличии задолженности о чем субъект А не знал и не мог знать. Субъект А добросовестно полагался на эти сведения и в связи с этим добросовестно заверил субъекта Б об отсутствии у субъекта В перспектив банкротства. В течении определенного времени после заключения договора между субъектом А и субъектом Б выясняется, что субъект В находится в процедуре банкротства.

Такие проблемные ситуации должны существенно влиять на ответственность заверителя. В английском праве такой казус трактуется как невиновное введение в заблуждение. Сторона, которую ввели в заблуждение, может заявить иск о расторжении договора и возмещении ущерба, но не убытков [4, с. 164–165]. Можно говорить о том, что ответствен-

ность в таком случае будет усеченной. Российское гражданское право не знает такого механизма как невиновное введение в заблуждение. Анализ ч. 4 ст. 431.2 ГК РФ показывает, что субъективная добросовестность не является обстоятельством, ограничивающим или смягчающим ответственность субъекта предпринимательства. Иное может быть предусмотрено договором.

Результаты исследования

Таким образом, можно говорить о том, что по смыслу ст. 431.2 ГК РФ заверитель в определенных ситуациях одновременно является объективно недобросовестным и субъективно добросовестным. По общему правилу, такое положение вещей никоим образом не влияет на ответственность заверителя.

Как известно, одним из признаков осуществления предпринимательской деятельности является ее рисковый характер. Риск в такой деятельности предполагает, что лицо может как заработать какое-то количество средств, так и не заработать по каким-либо основаниям. Действительно, предоставление каких-либо заверений всегда имеет тот или иной уровень риска их достоверности. По мнению российского законодателя, лицо, которое знало о недостоверности предоставляемых заверений, и лицо, которое не знало и не могло знать об их недостоверности (проявило должную степень разумности и осмотрительности), несут ответственность на паритетных началах. Заверитель должен по требованию реципиента возместить убытки (реальный ущерб и/или упущенную выгоду) или уплатить предусмотренную договором неустойку. Кроме того, по требованию реципиента договор может быть расторгнут.

Данное положение является несправедливым. Оно умаляет значение субъективной добросовестности. Говоря о справедливости, стоит сказать, что в философском смысле слова, право есть отражение справедливости. В данном случае право следует рассматривать не как отражение чьей-то конкретной воли (какого-либо класса), а как надклассовую силу, о которой пишет, в частности, Л. Эннексерус [8, с. 7]. При таком подходе надо полагать, что положение ч. 4 ст. 431.2 ГК РФ противоречат представлениям об основных идеях и принципах права.

Выводы

В качестве возможного пути решения данной проблемы можно реформировать положения ч. 4 ст. 431.2 ГК РФ. При этом стоит указать, что заверитель вообще не должен подвергаться никаким санкциям в случае его субъективной добросовестности. Справедливым представляется, что субъективная добросовестность в таких ситуациях должна рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Заверитель будет нести ограниченную ответственность.

Если говорить более конкретно, то при субъективной добросовестности заверителя ответственность должна быть сокращена в 2 раза. Исключением будет расторжение договора. Здесь ничего не меняется. При взыскании убытков, реципиент может требовать возмещения либо реального ущерба, либо упущенной выгоды. Что касается неустойки, то она уменьшается ровно в 2 раза. При таких поправках в ч. 4 ст. 431.2 ГК РФ возможно будет обеспечить достойное и справедливое функционирование принципа добросовестности и справедливости в предпринимательских отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансон, В. Договорное право : пер. с англ. / В. Ансон ; под общ. ред. О. Н. Садикова. – М. : Юрид. лит., 1984. – 463 с.
2. Будылин, С. Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия. – 2016. – № 4. – С. 52–111.
3. Гражданское право : учебник. В 4 т. Т. 3 : Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2020. – 480 с.
4. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1425 с.
5. Морозов, А. В. Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплант» в современном праве России / А. В. Морозов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6 (73). – С. 115–121.
6. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий

// Вестник гражданского права. Научный журнал. – М. : ООО «Издат. дом В. Ема», 2006. – Т. 6, № 1. – С. 124–181.

7. Ситников, М. С. Недобросовестный выход из переговоров: внезапность, неоправданность и неожиданность для другой стороны / М. С. Ситников // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 870–872.

8. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права. В 2 т. Т. 1. Полутом 2 : Введение и общая часть / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф ; пер. с 13-го нем. изд. К. А. Граве [и др.] ; под ред. Д. М. Генкина, И. Б. Новицкого. – М. : Изд-во иностр. лит., 1950. – 483 с.

9. Dick Bentley Production v. Harold Smith Motors (1965). – Electronic text data. – Mode of access: [https://en.wikipedia.org/wiki/Dick_Bentley_Productions_Ltd_v_Harold_Smith_\(Motors\)_Ltd](https://en.wikipedia.org/wiki/Dick_Bentley_Productions_Ltd_v_Harold_Smith_(Motors)_Ltd). – Title from screen.

REFERENCES

1. Anson V. *Dogovornoe pravo: per. s angl.* [Contract Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984. 463 p.

2. Budylin S.L. *Delikt ili narushenie dogovora? Zavereniia i garantii v Rossii i za rubezhom* [Tort or Breach of Contract? Representations and Warranties in Russia and Abroad]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia* [Bulletin of Economic Justice], 2016, no. 4, pp. 52–111.

3. Suhanov E.A., ed. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 4 t. T. 3: Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvah i dogovorah. Dogovornye obyazatel'stva po peredache veshchej v sobstvennost' ili v pol'zovanie* [Civil Law. Textbook. In 4 Vols. Vol. 3. General Provisions on Obligations and Contracts. Contractual Obligations to Transfer Things into Ownership or Use]. Moscow, Statut Publ., 2020. 480 p.

4. Karapetov A.G., ed. *Dogovornoe pravo (obshchaya chast') : postatejnyj kommentarij k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Contract Law (General Part): Article-by-Article Commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos Publ., 2020. 1425 p.

5. Morozov A.V. *Zavereniia ob obstoiatel'stvakh kak «pravovoi transplant» v sovremennom prave Rossii* [The Institute of Representation As a “Legal Transplant” in Modern Russian Law]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2018, no. 6 (73), pp. 115–121.

6. Novickij I.B. *Princip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava* [The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava. Nauchnyj zhurnal* [Bulletin of Civil Law. Scientific Journal]. Moscow, ООО «Издат. дом В. Ема», 2006, vol. 6, no. 1, pp. 124–181.

7. Sitnikov M.S. *Nedobrosovestnyj vyhod iz peregovorov: vnezapnost', neopravdannost' i neozhidannost' dlya drugoj storony* [Unfair Exit from Negotiations: Suddenness, Unjustifiability and Surprise for the Other Side]. *Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: materialy XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodyh uchenykh* [Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law. Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Moscow, RG-Press Publ., 2020, pp. 870–872.

8. Ennekcerus L., Kipp T., Vol'f M. *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. V 2 t. T. 1, polutom 2: Vvedenie i obshchaya chast'* [Course of German Civil Law. In 2 Vols. Vol. 1, Half Vol. 2. Introduction and General Part]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1950. 483 p.

9. *Dick Bentley Production v. Harold Smith Motors (1965)*. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Dick_Bentley_Productions_Ltd_v_Harold_Smith_\(Motors\)_Ltd](https://en.wikipedia.org/wiki/Dick_Bentley_Productions_Ltd_v_Harold_Smith_(Motors)_Ltd).

Information About the Author

Maxim S. Sitnikov, Master Student, Department of Financial and Business Law, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, c_i_c_e_r_o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-0295>

Информация об авторе

Максим Сергеевич Ситников, магистрант 1-го курса кафедры финансового и предпринимательского права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, c_i_c_e_r_o@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-0295>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.21>

UDC 347
LBC 67.4

Submitted: 03.11.2021
Accepted: 05.12.2021

CHANGING THE LEGAL MECHANISM OF CONNECTION TO ELECTRIC NETWORKS: ELECTRONIC REMOTE MODEL

Dmitry Yu. Skrypnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the procedure for connecting consumers' property complexes to electric networks has changed since July 1, 2020, and is being implemented electronically. This procedure simplifies technological connection and conclusion of power supply contracts. The author **aims** to reveal the legal mechanism of the organization of energy supply in electronic form. **Methods:** the methodological framework for the study is analysis, synthesis, comparison, modeling; the formal legal method is used. **Results:** based on the analysis of the legislation, the procedure for organizing energy supply in electronic form is investigated and recommendations for its improvement are given. **Conclusions:** as a result of the study, the obligation of network organizations to install metering devices is determined regardless of the technical readiness of property complexes for electricity consumption. This leads to the obligation to re-install metering devices in cases of theft or malfunction. The author proposes to amend the current legislation in terms of ensuring commercial accounting after consumers complete the construction of facilities. This mechanism will prevent the growth of tariffs for electric power transmission services.

Key words: power supply contract, personal account of the consumer, certificate of authorization for operation of the metering device, act on the fulfillment of technical conditions, act on the implementation of technological connection, service "Techprispro".

Citation. Skrypnik D. Yu. Changing the Legal Mechanism of Connection to Electric Networks: Electronic Remote Model. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 147-151. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.21>

УДК 347
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 03.11.2021
Дата принятия статьи: 05.12.2021

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПОДКЛЮЧЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ: ЭЛЕКТРОННО-ДИСТАНЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Дмитрий Юрьевич Скрыпник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: порядок подключения имущественных комплексов потребителей к электрическим сетям с 1 июля 2020 г. изменился и реализуется в электронном виде. Данная процедура упрощает технологическое присоединение и заключение договоров энергоснабжения. Автором в работе поставлена **цель** раскрыть правовой механизм организации энергоснабжения в электронном виде. **Методы:** методологическую основу исследования составили: анализ, синтез, сравнение, моделирование, а также применялся формально-юридический метод. **Результаты:** на основании анализа законодательства исследована процедура организации энергоснабжения в электронном виде и даны рекомендации по ее усовершенствованию. **Выводы:** в результате исследования определена обязанность сетевых организаций устанавливать приборы учета независимо от технической готовности имущественных комплексов к потреблению электроэнергии. Это приводит к обязанности повторно устанавливать приборы учета в случаях их хищения или неисправности. Автор предлагает внести изменения в действующее законодательство в части обеспечения коммерческого учета после выполнения потребителями строительства объектов. Данный механизм позволит не допустить рост тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, личный кабинет потребителя, акт допуска в эксплуатацию прибора учета, акт о выполнении технических условий, акт об осуществлении технологического присоединения, сервис «Техприспро».

Цитирование. Скрыпник Д. Ю. Изменение правового механизма подключения к электрическим сетям: электронно-дистанционная модель // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 147–151. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.21>

Введение

С 1 июля 2020 г. в Правила технологического присоединения (утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 861; далее – Правила) [3] внесены изменения в части электронной организации энергоснабжения впервые вводимых в эксплуатацию имущественных комплексов потребителей (далее – объекты), указанных в п. 12.1 и 14 Правил, а именно:

– физических лиц с мощностью объектов до 15 киловатт, которые используются для бытовых и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью;

– юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с мощностью объектов до 150 киловатт [5].

Вместо оформления документов на бумажном носителе, сетевая организация размещает в личном кабинете потребителя проект договора энергоснабжения и документы о технологическом присоединении, которые подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – ЭЦП).

В свою очередь, гарантирующий поставщик электроэнергии до завершения процедуры технологического присоединения направляет в адрес сетевой организации проект договора энергоснабжения в электронном виде, подписанный ЭЦП.

В процессе организации энергоснабжения сетевая организация не проводит проверку выполнения потребителем технических условий. Согласно подпункту «д» п. 7 Правил, результатом услуги по технологическому присоединению является обеспечение потребителю технической возможности в любое время самостоятельно подать напряжение на свой объект.

Дата начала действия договора энергоснабжения определяется со дня оформления и размещения сетевой организацией в лич-

ном кабинете потребителя акта об осуществлении технологического присоединения (п. 113 Правил).

Организация учета электрической энергии

Согласно п. 108 Правил в обязательства сетевой организации в процессе технологического присоединения входит обеспечение учета электрической энергии.

После установки прибора учета, которая проводится без участия потребителя и гарантирующего поставщика электроэнергии, сетевая организация размещает в личном кабинете потребителя акт допуска в эксплуатацию прибора учета (п. 109 Правил).

В силу п. 110 Правил по окончании технологического присоединения, сетевая организация в одностороннем порядке оформляет акт о выполнении технических условий и акт об осуществлении технологического присоединения, подписывает их с помощью ЭЦП и размещает в личном кабинете потребителя.

Таким образом, независимо от готовности присоединяемого объекта к потреблению электроэнергии, сетевая организация обязана установить прибор учета на границе участка потребителя (например, на опоре линии электропередачи) и оформить документы о технологическом присоединении.

Если сетевая организация не разместит в личном кабинете потребителя документы о технологическом присоединении, она может привлекаться к административной ответственности по ст. 9.21 КоАП РФ за нарушение срока присоединения (см. решение Арбитражного суда г. Москвы от 15 апреля 2021 г. по делу № А40-18673/2021) [1].

С введением организации энергоснабжения в электронном виде, приборы учета могут не использоваться до завершения потре-

бителем строительства объекта. При этом договор энергоснабжения не расторгается, так как он считается бессрочным и действует с даты размещения в личном кабинете потребителя документов о технологическом присоединении. В результате коммерческий прибор учета может стать предметом хищения или непригодным к эксплуатации в период строительства имущественного комплекса.

В силу абзаца 4 п. 5 ст. 37 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [6] на сетевые организации возлагается обязанность по установке приборов учета при: отсутствии прибора учета; выходе из строя прибора учета; истечении срока эксплуатации или истечении интервала между его поверками, а также при технологическом присоединении.

Согласно п. 136 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии (утв. постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442) [4] расходы, понесенные для организации учета электрической энергии, учитываются в составе тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

Таким образом, установка или замена приборов учета после завершения технологического присоединения в случаях, когда потребитель не завершил строительство объекта, приводит к увеличению тарифов на услуги по передаче электрической энергии конечным потребителям в регионе.

Для предотвращения роста тарифов необходимо организовать завершающий этап энергоснабжения в следующем порядке:

– сетевая организация при необходимости выполняет строительство сетей до границ участка потребителя, составляет и подписывает акт о выполнении технических условий, размещает акт в личном кабинете потребителя и уведомляет о размещении акта потребителя;

– потребитель уведомляет сетевую организацию о готовности объекта к подаче напряжения любым доступным способом;

– сетевая организация производит установку прибора учета, составляет акт допуска в эксплуатацию прибора учета, оформляет акт об осуществлении технологического присоединения с помощью ЭЦП, размещает данные документы в личном кабинете потребителя и

уведомляет потребителя и гарантирующего поставщика.

Таким образом, уведомительный порядок позволит организовать учет электрической энергии после завершения строительства, что предотвратит риски хищения и признания непригодными к эксплуатации приборы учета, а также снизит рост тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

Вышеуказанные вопросы стали предметом обсуждения на практическом онлайн-семинаре, который состоялся 24.06.2021 г. на базе электронно-дистанционного интернет-сервиса облачной платформы «Техприспро», руководителем и разработчиком которого является автор настоящей статьи.

Электронно-дистанционный интернет-сервис на облачной платформе «Техприспро» является профессиональной справочной системой в области электроэнергетики, содержит авторские комментарии к законодательству, онлайн-поддержку специалистов сетевых организаций в режиме «горячей линии», а также регулярные тематические онлайн-семинары.

На онлайн-семинаре «Техприспро», посвященном подключению к электрическим сетям, приняли участие представители сетевых организаций и гарантирующих поставщиков различных регионов страны.

В октябре 2021 г. интернет-сервис «Техприспро» стал победителем в программе «Старт» в рамках проектно образовательного интенсива «Архипелаг 2121», проводимого ФГБУ «Фонд содействия инновациям», получен грант на НИОКР по развитию интернет-сервиса. В текущий период НИОКР осуществляются в части разработки чат-бота общения в режиме «горячей линии» с пользователями интернет-сервиса по обсуждению и разрешению технических и правовых вопросов в области электроснабжения [2, с. 45].

Выводы

С появлением процедуры организации энергоснабжения в электронном виде значительно упрощается порядок технологического присоединения и заключения договоров энергоснабжения.

Однако обязанность сетевых организаций обеспечивать коммерческий учет электроэнергии независимо от технической готов-

ности имущественных комплексов к подаче напряжения, может приводить к повторной установке приборов учета.

Внедрение механизма организации учета после завершения потребителями строительства объектов может предотвратить повторную установку или замену приборов учета, а также снизить рост тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курьянов, В. Н. Об основных изменениях Правил технологического присоединения к электрическим сетям с 1 июля 2020 года / В. Н. Курьянов, Д. Ю. Скрыпник, Е. В. Машанов // Энергия Единой Сети. – 2020. – № 3 (52). – С. 64–74.

2. Матыцин, Д. Е. Опыт судебного правоприменения по корпоративным спорам, связанным с истребованием акций из незаконного чужого владения и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 10. – С. 43–47.

3. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52 (ч. 2). – Ст. 5525. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 23. – Ст. 3008. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 15.04.2021 по делу № А40-18673/2021. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

6. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (принят ГД ФС РФ 21.02.2003) // Собрание законодательства РФ. –

2003. – № 13. – Ст. 1177. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

REFERENCES

1. Kuryanov V.N., Skrypnik D.Yu., Mashanov E.V. Ob osnovnykh izmeneniyakh Pravil tekhnologicheskogo prisoyedineniya k elektricheskim setyam s 1 iyulya 2020 goda [About the Main Changes in the Rules of Technological Connection to Electric Networks from July 1, 2020]. *Energiya Yedinoi Seti* [The Energy of a Single Network], 2020, no. 3 (52), pp. 64-74.

2. Matytsin D.E. Opyt sudebnogo pravoprimereniya po korporativnym sporam, svyazannym s istrebovaniem akcij iz nezakonnogo chuzhogo vladeniya i cifrovyte tekhnologii [Experience of Judicial Enforcement in Corporate Disputes Related to the Reclamation of Shares from Illegal Alien Ownership and Digital Technologies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 10, pp. 43-47.

3. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 27.12.2004 № 861 «Ob utverzhenii Pravil nediskriminatsionnogo dostupa k uslugam po peredache elektricheskoy energii i okazaniya etikh uslug, Pravil nediskriminatsionnogo dostupa k uslugam po operativno-dispetcherskomu upravleniyu v elektroenergetike i okazaniya etikh uslug, Pravil nediskriminatsionnogo dostupa k uslugam administratora tovgovoy sistemy optovogo rynka i okazaniya etikh uslug i Pravil tekhnologicheskogo prisoyedineniya energoprinyimayushchikh ustroystv potrebiteley elektricheskoy energii, ob'yektov po proizvodstvu elektricheskoy energii, a takzhe ob'yektov elektrosetevogo khozyaystva, prinadlezhashchikh setevym organizatsiyam i inym litsam, k elektricheskim setyam» [Russian Federation Government Resolution No. 861 Dated December 27, 2004 “On Approval of Regulation of Non-Discriminatory Access to Electricity Transmission and of Those Services Delivery, of the Rules of Non-Discriminatory Access to Operational Dispatch Management in the Electric Power Industry and Rendering of These Services, of the Rules of Non-Discriminatory Access to the Services of the Wholesale Market Trading System Administrator and Rendering of These Services and of the Regulation of the Consumers’ Grid Connection to Power Devices, Grid Connection of Electric Energy Facilities and Power Grid Facilities Owned by Grid Companies and Other Persons”]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of the Russian Federation Legislation], 2004, no. 52 (part 2), article 5525. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.

4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.05.2012 № 442 «O funktsionirovaniy roznichnykh rynkov

elektricheskoy energii, polnom i (ili) chastichnom ogranichenii rezhima potrebleniya elektricheskoy energii» [Russian Federation Government Resolution No. 442 Dated May 4, 2012 “On the Functioning of Retail Electricity Markets, the Full and (or) Partial Restriction of Electric Energy Consumption Mode”]. Sobraniye zakonodatel'stva RF [Collection of the Russian Federation Legislation], 2012, no. 23, article 3008. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.

5. Resheniye Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 15.04.2021 po delu № A40-18673/2021

[Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow Dated April 15, 2021 in the Case No. A40-18673/2021] *Access from Information Legal Portal “Garant”* (accessed 3 October 2021).

6. Federal'nyy zakon ot 26.03.2003 № 35-FZ «Ob elektroenergetike» (prinyat GD FS RF 21.02.2003) [Federal Law No. 35-ФЗ Dated March 26, 2003 “On Electric Power Industry” (Adopted by the State Duma of Russian Federation on February 21, 2003)]. Sobraniye zakonodatel'stva RF [Collection of the Russian Federation Legislation], 2003, March 31, no. 13, article 1177. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.

Information About the Author

Dmitry Yu. Skrypnik, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, scripnikkk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1005-0768>

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Скряпник, аспирант кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, scripnikkk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1005-0768>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.22>

UDC 346.26
LBC 67.404.9

Submitted: 07.12.2021
Accepted: 28.12.2021

PECULIARITIES OF THE REALIZATION OF THE RIGHT TO ENGAGE IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY BY MINORS

Victoria A. Usanova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: recently, the state has been taking serious steps to attract young people, i.e. the categories of persons aged from 14 to 35 years old, into an entrepreneurial activity. The most uncertain is the legal regulation of entrepreneurship by minors. The current legislation of the Russian Federation does not contain a direct indication of the minimum age at which it is possible for citizens to carry out an entrepreneurial activity. And in general, there are also no special rules and regulations pertaining to the peculiarities of entrepreneurship of minors in a systematic form. At the same time, their business activities have certain features that affect their status and relationships with counterparties and regulatory authorities. Accordingly, the development of youth entrepreneurship is only possible with the improvement of the current legislation regulating the entrepreneurial activity of this category of economic entities, the elimination of relevant gaps and problems. The **purpose** of the study: to identify the problems of the legal regulation of entrepreneurial activity of minors and to propose their solutions. **Methods:** in the course of the conducted research, various scientific methods are used, including the statistical and formal-legal ones, analysis, and synthesis. **Results:** the current system of the legal regulation of determining the age of entrepreneurial capacity requires clearer regulation. The principles and possibilities of bringing minors to legal responsibility when they carry out entrepreneurial activities are not unambiguous and lead to a certain extent to their irresponsibility, which should be recognized as unacceptable and requiring correction. **Conclusions:** it is necessary to make in Par. 1 of Article 23 of the Civil Code of the Russian Federation an amendment as follows: "The implementation of entrepreneurial activity by minors aged from 14 to 18 years (in the absence of full legal capacity) is carried out from the moment of state registration as an individual entrepreneur with the notarized consent of parents, adoptive parents or a trustee". In addition, it is necessary to amend the Code of Administrative Offences in terms of establishing the possibility of bringing minors to administrative responsibility for offenses in the field of entrepreneurial activity.

Key words: minor, entrepreneurial activity, legal capacity, emancipation, state registration, individual entrepreneur, self-employed, professional income tax, legal liability.

Citation. Usanova V.A. Peculiarities of the Realization of the Right to Engage in Entrepreneurial Activity by Minors. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 152-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.22>

УДК 346.26
ББК67.404.9

Дата поступления статьи: 07.12.2021
Дата принятия статьи: 28.12.2021

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Виктория Александровна Усанова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в последнее время государством делаются серьезные шаги для привлечения в предпринимательскую деятельность молодежи, то есть категории лиц от 14 до 35 лет. Наиболее неопределенным является правовое регулирование осуществления предпринимательства именно несовершеннолетними лицами. В действующем законодательстве РФ не содержится прямого указания о минимальном возрасте, с которого воз-

можно осуществление предпринимательской деятельности гражданами. И вообще специальных норм и правил, посвященных особенностям предпринимательства несовершеннолетних в систематизированном виде также нет. Вместе с тем осуществление ими предпринимательской деятельности имеет определенные особенности, влияющие на их статус и взаимоотношения с контрагентами и контролирующими органами. Соответственно развитие молодежного предпринимательства возможно только при совершенствовании действующего законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность данной категории хозяйствующих субъектов, устранении соответствующих пробелов и проблем. **Цель** исследования: обозначить проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности несовершеннолетних и предложить варианты их решения. **Методы:** в процессе проведенного исследования использованы различные научные методы, в том числе статистический, анализ, синтез, формально-юридический. **Результаты:** действующая система правового регулирования определения возраста предпринимательской дееспособности требует более четкой регламентации. Принципы и возможности привлечения к юридической ответственности несовершеннолетних при осуществлении ими предпринимательской деятельности не однозначны и ведут в определенной степени к их безответственности, что следует признать недопустимым и требующим корректировки. **Выводы:** необходимо внести в п. 1 ст. 23 Гражданского кодекса РФ дополнение следующего содержания: «Осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетними с 14 до 18 лет (при отсутствии полной дееспособности) возможно с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя с нотариально заверенного согласия родителей, усыновителей или попечителя». Кроме того, необходимо внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях в части установления возможности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: несовершеннолетний, предпринимательская деятельность, дееспособность, эмансипация, государственная регистрация, индивидуальный предприниматель, самозанятый, налог на профессиональный доход, юридическая ответственность.

Цитирование. Усанова В. А. Особенности реализации права на занятие предпринимательской деятельностью несовершеннолетними // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 152–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.22>

Введение

Специальных официальных сведений о зарегистрированных несовершеннолетних индивидуальных предпринимателях нет, но согласно статистике, озвученной в рамках одной из сессий ПМЭФ-2021 руководителем ФНС России Д. Егоровым, «в качестве самозанятых уже зарегистрировано более 30 000 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет включительно» [4]. «Ведомости» приводят статистику о том, что на январь 2019 г. «в России зарегистрировано 387 несовершеннолетних индивидуальных предпринимателей, 145 из них – моложе 17 лет» [1]. В действительности несовершеннолетних предпринимателей гораздо больше, так как они зачастую «работают» без официальной регистрации и соответственно налоги не платят. Таким образом, в настоящее время в данной сфере имеет место четко сформированный социально-психологический правообразующий фактор [2, с. 21], требующий соответствующей реализации.

В ст. 34 Конституции РФ гарантируется, что каждый вправе использовать свои способ-

ности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В действующем Гражданском кодексе РФ (ст. 2) субъектами гражданского оборота признаются физические лица, юридические лица, публично-правовые образования (РФ, субъекты РФ).

В соответствии со ст. 23 ГК РФ физические лица вправе осуществлять предпринимательскую деятельность с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением отдельных видов предпринимательской деятельности, для которых законом предусматривается возможность ее осуществления без регистрации в данном качестве. Соответственно возможность реализовать конституционное право на осуществление предпринимательской деятельности возникает при выполнении определенных условий, которые предусмотрены законом: во-первых, достижение минимального возраста предпринимательской дееспособности, во-вторых, государственная регистрация в случаях, предусмотренных законом.

Исследованию особенностей осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними, в том числе возрастных критериев, посвящены работы М.Г. Галактина, С.С. Казихановой [3], Г.В. Станкевич [6], В.В. Тихонова [7], М.Д. Шапсуговой [8], К.Б. Ярошенко и др. Однако единства подходов к критериям реализации права на осуществление предпринимательской деятельности указанной категорией субъектов в научных исследованиях пока нет, а также не предпринимаются попытки по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Возраст предпринимательской дееспособности

Гражданское законодательство не содержит прямого и точного указания о возрасте, с которого возможна государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя. Возрастной ценз на осуществление предпринимательской деятельности можно логически вывести из понятия гражданской дееспособности.

Полная дееспособность, то есть способность своими действиями приобретать гражданские права и нести обязанности (ст. 21 ГК РФ) у физических лиц возникает, в отличие от правоспособности, не с момента рождения, а при достижении совершеннолетия, то есть с 18 лет. Естественно, при достижении полного совершеннолетия физическое лицо вправе подать документы, предусмотренные ст. 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» для регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или начать осуществлять предпринимательскую деятельность в качестве самозанятого – плательщика налога на профессиональный доход в соответствии с Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Недостижение 18 лет не означает, что до этого времени законодательством для несовершеннолетних установлен полный запрет на участие в гражданском обороте. Во-первых, от имени несовершеннолетних действуют их законные представители. Во-вторых, имеются

возможности, предусмотренные ст. 26 и 28 ГК РФ, предполагающие участие в гражданском обороте лиц с 14 до 18 лет (дееспособность несовершеннолетних) и соответственно с 6 до 14 лет (дееспособность малолетних).

В соответствии с п. 2 ст. 26 ГК РФ малолетние вправе самостоятельно совершать: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

Несовершеннолетние (с 14 до 18 лет) помимо гражданских возможностей малолетних могут также: 1) распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами; 2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; 3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими. Остальные сделки указанные лица совершают с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя.

Предусмотренная подп. 1 п. 1 ст. 26 ГК РФ возможность несовершеннолетних с 14 до 18 лет распоряжаться своими доходами корреспондирует со ст. 34 Конституции РФ и дает право на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя. Дополнительным требованием для таких лиц является необходимость предоставления при государственной регистрации нотариально удостоверенного согласия родителей, усыновителей или попечителя на осуществление предпринимательской деятельности (п. «з» ч. 1 ст. 22.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

В-третьих, участие в гражданском обороте несовершеннолетних может быть обусловлено приобретением полной дееспособности ранее 18 лет: 1) при вступлении несовершеннолетнего в брак (п. 2 ст. 21 ГК РФ) или 2) в связи с эмансипацией (п. 1 ст. 27 ГК РФ).

Итак, первый вариант реализации права на осуществление предпринимательской дея-

тельности несовершеннолетними, то есть до достижения 18 лет – это вступление в брак. Несмотря на то что, по общему правилу, брачный возраст наступает, как и совершеннолетие, с 18 лет (п. 1 ст. 13 Семейного кодекса РФ), по заявлению лиц брак может быть зарегистрирован с несовершеннолетним, достигшим 16 лет, при наличии уважительных причин с разрешения органа местного самоуправления, на территории которого проживают данные субъекты. Уважительные причины, позволяющие вступить в брак несовершеннолетним с 16 лет, Семейным кодексом РФ не установлены. Они указываются в правовых актах субъектов России. Например, в соответствии с Административным регламентом предоставления государственной услуги «Выдача предварительного разрешения на вступление в брак несовершеннолетним гражданам, достигшим 16-летнего возраста» (утв. Постановлением администрации Камышинского муниципального района Волгоградской области от 11.12.2012 № 1725-п) документами, подтверждающими уважительность причин для вступления в брак, считаются:

– медицинская справка о беременности несовершеннолетней невесты, которая выдается учреждением здравоохранения по месту нахождения несовершеннолетней на учете по беременности;

– документ, подтверждающий призыв жениха в ряды Вооруженных сил, выдается в военном комиссариате по месту призыва жениха.

Регистрация брака возможна и для лиц, не достигших 16 лет, при наличии особых обстоятельств. Перечень особых обстоятельств приводится в п. 1 ст. 11 СК РФ. К ним относятся: беременность, рождение ребенка, непосредственная угроза жизни одной из сторон (например, это может быть наличие какого-либо заболевания или травмы, о чем выдается учреждением государственной или муниципальной системы здравоохранения соответствующий документ) и другие особые обстоятельства, которые определяются законом субъекта РФ. Однако зачастую акты субъекта РФ повторяют перечень п. 1 ст. 11 СК РФ. Например, в соответствии со ст. 2 Закона от 30.04.2008 г. № 61/2008-ОЗ Московской области «О порядке и условиях вступления в брак на территории Московской области лиц, не

достигших возраста шестнадцати лет» особыми обстоятельствами, дающими право на получение разрешения на вступление в брак лицу (лицам), не достигшему возраста шестнадцати лет, являются беременность, рождение общего ребенка (детей) у граждан, желающих вступить в брак, непосредственная угроза жизни одной из сторон.

Семейным кодексом РФ не предусмотрено в качестве обязательного условия для регистрации брака с несовершеннолетним лицом наличие согласия родителей. Однако в региональном законодательстве, как правило, установлена необходимость предоставления письменного согласия одного из родителей (законного представителя) несовершеннолетнего, желающего вступить в брак (например, подп. 5 п. 2.6.1 Постановления администрации городского округа – г. Волжский Волгоградской обл. от 05.09.2017 № 5391 (ред. от 26.04.2021) «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги “Выдача разрешения на вступление в брак несовершеннолетним лицам, достигшим возраста шестнадцати лет”»).

Министерство юстиции разъясняет, что «в случае если оба лица, желающие заключить брак, являются несовершеннолетними, разрешение на вступление в брак должно быть получено каждым из них» (Письмо Минюста России от 29.03.2013 № 16/28398-ЕБ «О направлении Рекомендаций по государственной регистрации заключения и расторжения брака»).

Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме даже в случае расторжения брака до достижения 18 лет. Однако при признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом (п. 2 ст. 21 ГК РФ).

Второй вариант приобретения полной дееспособности до достижения 18 лет – это эмансипация, которая возможна при выполнении следующих условий. Во-первых, она возможна только при достижении 16 лет. Во-вторых, несовершеннолетний должен работать по трудовому договору (контракту) или осуществлять предпринимательскую деятельность (на основании нотариально заверенного согласия родителей или иных законных представителей).

Эмансипация осуществляется органами опеки и попечительства при согласии родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия – по решению суда (п. 1 ст. 27 ГК РФ). Представляется возможной эмансипация в связи с осуществлением предпринимательской деятельности не только путем регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, но и путем уплаты налога на профессиональный доход (самозанятость). В связи с неопределенностью и фактически отсутствием понятия «самозанятый» в действующем законодательстве, неясностью его правовой природы возможны трудности в признании эмансипированным гражданина – плательщика налога на профессиональный доход. В связи с этим считаем необходимым внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство в целях четкого и ясного признания лиц, являющихся плательщиками налога на профессиональный доход субъектами предпринимательской деятельности.

Таким образом, в целях легализации предпринимательской деятельности не полностью дееспособных несовершеннолетних установлены следующие возможности:

- 1) регистрация в качестве индивидуального предпринимателя при достижении 14 лет при наличии нотариально заверенного согласия родителей или иных законных представителей;
- 2) возможность осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности, предусмотренных Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» путем оплаты налога на профессиональный доход.

Содержание предпринимательской дееспособности несовершеннолетних

Предпринимательская дееспособность несовершеннолетних имеет общие ограничения, установленные по сделкоспособности правилами п. 1 ст. 26 ГК РФ, а также возрастными, квалификационными, образовательными цензами, требованиями к опыту работы для отдельных, в том числе лицензируемых видов деятельности.

Например, в соответствии со ст. 6 Закона РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» лицензию на осуществление частной детективной деятельности может получить только гражданин РФ, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя и достигший 21 года. Установлен возрастной ценз и для патентных поверенных – 18 лет (ст. 2 Федерального закона от 30.12.2008 № 316-ФЗ «О патентных поверенных»).

Если опираться на практику, то, конечно, чаще всего несовершеннолетние в настоящее время реализуют свои способности в сфере предпринимательства с использованием современных компьютерных технологий, Интернета, робототехники, либо с использованием личных навыков и способностей (няни, сиделки, репетиторы, тренеры по бальным и иным танцам и др.), то есть в тех сферах, для которых пока законодательством не установлены специальные возрастные и образовательные требования [5, с. 45].

Кроме того, имеются факторы, непосредственно влияющие на предпринимательскую деятельность несовершеннолетних. Например, они вправе открывать расчетные счета в банках, но распоряжаться денежными средствами самостоятельно им затруднительно, так как банки зачастую требуют каждый раз письменного одобрения распоряжения средствами от его законных представителей, ссылаясь на п. 1 ст. 26 ГК РФ.

Осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетними затруднительно в связи с необходимостью ее сочетания с процессом обучения в школе или в ином образовательном учреждении. Кроме того, молодым людям при достижении 18 лет, скорее всего, придется прекратить осуществление предпринимательской деятельности в связи с призывом в Вооруженные силы РФ. Статус военнослужащего не допускает совмещения с предпринимательской деятельностью.

В случаях, когда законом не предусмотрены какие-либо ограничения для осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними соответственно, как и для иных «совершеннолетних» физических лиц, осуществляющих предпринимательскую де-

тельность без образования юридического лица, применяются нормы Гражданского кодекса РФ, которые регулируют деятельность коммерческих юридических лиц, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения (п. 3 ст. 23 ГК РФ).

Юридическая ответственность несовершеннолетних предпринимателей

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет в соответствии с п. 3 ст. 26 ГК РФ самостоятельно несут имущественную ответственность по сделкам, совершенным ими в соответствии с п. 1 и 2 ст. 28 ГК РФ. За причиненный ими вред такие несовершеннолетние несут ответственность в соответствии с Гражданским кодексом РФ.

Родители и иные законные представители будут привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам несовершеннолетнего предпринимателя только в случае отсутствия у него имущества и доходов, при этом должно быть доказано в суде, что вред причинен по вине родителей или иных законных представителей (ст. 1074 ГК РФ). О наличии вины свидетельствует безответственное отношение к воспитанию несовершеннолетнего и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т. п.) (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»).

В ситуациях, когда несовершеннолетний, желающий зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, обращается к родителям за получением нотариально заверенного согласия на осуществление предпринимательской деятельности, а родители отказывают в этом, государственная регистрация уполномоченным органом произведена быть не может. В таком случае осуществление предпринимательской деятельности несовершеннолетним без государственной регистрации содержит признаки незаконного предпринимательства (ст. 14.1 КоАП РФ). Если

такое деяние совершает несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет, то он или его родители (законные представители) не могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ. Родителям может быть вменена только ст. 5.35 КоАП (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних). Несовершеннолетний предприниматель (с 14 до 16 лет) не может быть привлечен к административной ответственности и за совершение иных проступков, предусмотренных гл. 14 КоАП РФ «Правонарушения в сфере предпринимательской деятельности», поскольку не достиг возраста, предусмотренного ст. 2.3 КоАП РФ.

Вывод

Таким образом, возможность осуществления предпринимательской деятельности лицами с 14 до 16 лет без введения изменений и дополнительных гарантий на законодательном уровне, имеет очень большие риски для контрагентов, в целом нормального гражданского оборота и правопорядка, поскольку строится фактически на юридической безответственности рассматриваемого хозяйствующего субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранкова, В. Как подростки добиваются успеха в бизнесе / В. Гранкова // Ведомости. – 2019. – 31 января. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/01/31/792965-podrostki-dobivayutsya-uspeha-biznese>. – Загл. с экрана.
2. Зайцева, Е. С. Факторы установления пределов правового регулирования / Е. С. Зайцева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 18–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.3>.
3. Казиханова, С. С. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних / С. С. Казиханова, М. Г. Галахтин // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9 (70). – С. 81–92.
4. Ключевская, Н. Молодежное предпринимательство: проблемы и решения / Н. Ключевская. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1468805> (дата обращения: 18.06.2021). – Загл. с экрана.

5. Матыцин, Д. Е. Опыт судебного правоприменения по корпоративным спорам, связанным с истребованием акций из незаконного чужого владения и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2020. – № 10. – С. 43–47.

6. Станкевич, Г. В. Предпринимательская правосубъектность несовершеннолетнего индивидуального предпринимателя / Г. В. Станкевич // *Гуманитарные и юридические исследования*. – 2014. – № 4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-pravosubektnost-nesovershennoletnego-individualnogo-predprinimatelya> (дата обращения: 07.12.2021). – Загл. с экрана.

7. Тихонов В. В. Возрастной ценз современного российского предпринимателя / В. В. Тихонов // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2017. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnoy-tsenz-sovremennogo-rossiyskogo-predprinimatelya-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 07.12.2021). – Загл. с экрана.

8. Шапсугова, М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации : дис ... канд. юрид. наук / Шапсугова Мариетта Дамировна. – М., 2012. – 205 с.

REFERENCES

1. Grankova V. Kak podrostki dobivayutsya uspekha v biznese [How Teenagers Succeed in Business]. *Vedomosti*, 2019, January 31. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/01/31/792965-podrostki-dobivayutsya-uspeha-biznese>.

2. Zaytseva Ye.S. Faktory ustanovleniya predelov pravovogo regulirovaniya [Factors for Establishing the Limits of Legal Regulation]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 18-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/ic.jvolsu.2021.3.3>.

3. Kazikhanova S.S., Galakhtin M.G. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' nesovershennoletnikh [Entrepreneurial Activity of Minors]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2016, no. 9 (70), pp. 81-92.

4. Klyuchevskaya N. *Molodezhnoye predprinimatel'stvo: problemy i resheniya* [Youth Entrepreneurship: Problems and Solutions]. URL: <https://www.garant.ru/news/1468805/> (accessed 18 June 2021).

5. Matycin D.E. Opyt sudebnogo pravoprimereniya po korporativnym sporam, svyazannym s istrebovaniem akcij iz nezakonno go chuzhogo vladeniya i cifrovye tekhnologii [Experience of Judicial Enforcement in Corporate Disputes Related to the Reclamation of Shares from Illegal Alien Ownership and Digital Technologies]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 10, pp. 43-47.

6. Stankevich G.V. Predprinimatel'skaya pravosubyeektnost' nesovershennoletnego individual'nogo predprinimatelya [Entrepreneurial Legal Personality of a Juvenile Entrepreneur]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* [Humanities and Law Research], 2014, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-pravosubektnost-nesovershennoletnego-individualnogo-predprinimatelya> (accessed 7 December 2021).

7. Tikhonov V.V. Vozrastnoy tsenz sovremennogo rossiyskogo predprinimatelya [Qualification of Modern Russian Entrepreneur]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasian Law Bulletin], 2017, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastnoy-tsenz-sovremennogo-rossiyskogo-predprinimatelya-pravovoy-aspekt> (accessed 7 December 2021).

8. Shapsugova M.D. *Pravovoye polozheniye individual'nykh predprinimateley po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Status of Individual Entrepreneurs Under the Legislation of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2012. 205 p.

Information About the Author

Victoria A. Usanova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Financial and Business Law, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, fip@vlgr.ranepa.ru, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

Информация об авторе

Виктория Александровна Усанова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового и предпринимательского права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, fip@vlgr.ranepa.ru, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.23>

UDC 347.452
LBC 67.404.212

Submitted: 12.12.2021
Accepted: 10.01.2022

THE AGREEMENT FOR THE EXCHANGE OF RIGHTS CERTIFIED BY THE CONSTRUCTION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND ITS TYPES

Vitaly A. Sadkov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the circulation of rights certified by the construction of digital financial assets makes it necessary to make various transactions with such rights, including paid transactions that mediate the exchange of these rights for other objects of civil rights. The **purpose** of the study is to identify the features characteristic of the agreement for the exchange of rights, certified by the construction of digital financial assets, allowing distinguishing this agreement from related legal categories, to define this agreement and identify its varieties. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization, and comparative jurisprudence. The **results** of the study have made it possible to formulate a position on the need to introduce the structure of an exchange agreement into the system of contract law and apply this structure to relations arising from the exchange of rights certified by the construction of digital financial assets. **Conclusions:** it is proposed to include the definition of the agreement for the exchange of rights certified by the construction of digital financial assets in Russian legislation, stating it as follows: "Under the agreement for the exchange of rights certified by the construction of digital financial assets for other objects of civil rights, one party that is the owner of digital financial assets, through the intermediary of the operator of the exchange of digital financial assets, undertakes to transfer to the other party of the agreement its own property rights, certified by the construction of digital financial assets, in exchange for the transferred equivalent items (except for cash and currency) or other property rights". Depending on the specifics of the subject of the agreement, the need to distinguish three types of the rights exchange agreement certified by the construction of digital financial assets is defended.

Key words: digital rights, digital financial assets, contractual obligations, rights exchange agreement, information technologies.

Citation. Sadkov V.A. The Agreement for the Exchange of Rights Certified by the Construction of Digital Financial Assets and Its Types. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 159-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.23>

УДК 347.452
ББК 67.404.212

Дата поступления статьи: 12.12.2021
Дата принятия статьи: 10.01.2022

ДОГОВОР ОБМЕНА ПРАВ, УДОСТОВЕРЕННЫХ ПО КОНСТРУКЦИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ, И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ

Виталий Андреевич Садков

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: оборот прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, осуществляется путем совершения различных сделок с такими правами, в том числе и возмездных сделок, которые опосредуют обмен этих прав на другие объекты гражданских прав. **Целью** исследования является выявление признаков, характерных для договора обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, позволяющих отличать данный договор от смежных правовых категорий, разработка дефиниции данного договора и выявление его разновидностей. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты** проведенного исследования позволили

аргументировать позицию о необходимости введения в систему договорного права конструкции договора обмена и применения этой конструкции к отношениям, возникающим при обмене прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов. **Выводы:** предлагается включить дефиницию договора обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, в российское законодательство, изложив ее следующим образом: «По договору обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, на другие объекты гражданских прав одна сторона, являющаяся обладателем цифровых финансовых активов, при посредничестве оператора обмена цифровых финансовых активов обязуется передать другой стороне договора принадлежащие ей имущественные права, удостоверенные по конструкции цифровых финансовых активов, в обмен на передаваемые равноценные вещи (за исключением наличных денег и валюты) или другие имущественные права». В зависимости от специфики предмета договора обоснована необходимость выделения трех разновидностей договора обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, договорные обязательства, договор обмена прав, информационные технологии.

Цитирование. Садков В. А. Договор обмена прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, и его разновидности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 159–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.23>

Введение

Сегодня мы являемся свидетелями того, как информационно-телекоммуникационные технологии активно проникают в каждый сегмент нашей жизни, что является следствием неоиндустриального переворота, составляющего базу для четвертой промышленной революции, именуемой также «Индустрия 4.0» [18, с. 57].

Использование новых цифровых информационных технологий требует соответствующего правового обеспечения. Ответом на вызовы времени можно считать введение в российское гражданское законодательство категорий «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» (далее – ЦФА). Определение категории «цифровые права» содержится в нормах ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а особенности выпуска и обращения ЦФА устанавливаются в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). В соответствии с логикой российского законодателя ЦФА являются одной из разновидностей цифровых прав.

Исследование

Системный анализ положений ст. 141.1 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что цифровые права – это не какие-то новые

объекты гражданских прав, а уже известные цивилистической доктрине имущественные права, для фиксации которых используются оригинальные цифровые способы [6, с. 113; 14, с. 137]. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении категории ЦФА. Поэтому мы отстаиваем позицию, в соответствии с которой корректнее говорить не о цифровых финансовых активах, как о новой категории объектов гражданских прав, а о правах, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов [16, с. 194]. Учитывая, что ЦФА являются одним из сегментов имущественных прав, базой для регулирования оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, являются нормы, опосредующие оборот имущественных прав.

Проблематика оборота имущественных прав отражена в работах таких ученых-цивилистов, как: В.А. Белов [2], С.Н. Братусь [5], Ю.В. Виниченко [7], А.И. Гончаров [11], С.П. Гришаев [8], Т.В. Дерюгина [9], А.О. Иншакова [10], А.А. Карцхия [12], Л.В. Криволапова [13], А.С. Яковлев [20] и др. Однако исследований, раскрывающих специфику обмена имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на настоящее время нет.

Имущественная природа прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, бесспорна. По смыслу ч. 2 ст. Закона о ЦФА ценностным содержанием таких прав выступают: обязательственные денежные требования; имущественные права, зафиксированные в эмиссионных ценных бумагах, и право требовать пе-

редачи таких эмиссионных ценных бумаг; корпоративные права участия в капитале непубличного акционерного общества. Регламентация фиксации и учета таких прав в распределенных реестрах и их оборотоспособность легли в основание обособления прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от другого имущества, относящегося к объектам гражданских правоотношений.

По мнению Л.В. Криволаповой, в качестве содержания гражданского оборота следует рассматривать систему волевых действий, элементами которой являются действия, выступающие причиной перехода благ, и действия, опосредующие такой переход [13, с. 37]. Учитывая, что ЦФА – это определенная совокупность имущественных прав, удостоверенных особым образом с помощью цифровых технологий и электронных средств, оборот этих прав должен строиться по конструкции перехода требований от одного лица к другому, что в цивилистической доктрине именуется как «цессия» [3].

Мы солидарны с позицией тех авторов, которые утверждают, что «договором является не цессия, как нередко полагают, а та сделка, на которую опирается переход, составляющий сущность цессии» [13, с. 112]. Следует отметить, что проблематика отсутствия разграничения самой уступки права и сделок, которые лежат в основании такой уступки, порождает использование в правовом лексиконе такого «юридического фантома», как «договор цессии (уступки)» [13, с. 113].

Думается, что сделки, совершаемые с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, могут классифицироваться на две группы: 1) сделки, совершаемые с целью бесповоротной смены обладателя таких прав; 2) сделки, совершаемые с целью передачи вышеуказанных прав другому лицу на определенный срок.

Учитывая товарный характер гражданского оборота, несомненно, что наиболее востребованными сделками, относящимися к первой группе, следует считать сделки по купле-продаже прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и сделки, предусматривающие обмен таких прав на другие имущественные права и иные объекты гражданских правоотношений. Следует отметить, что к отноше-

ям по возмездной передаче имущественных прав (в том числе удостоверенных по конструкции ЦФА), где в качестве встречного предоставления рассматриваются денежные средства, вполне применима конструкция договора купли-продажи, что достаточно четко отражено в нормах ст. 454 ГК РФ.

Что касается меновых отношений, где в качестве менового товара выступают имущественные права, то конструкция договора мены (ст. 567 ГК РФ) не предполагает рассмотрения в качестве обмениваемого товара ничего иного, кроме вещей, так как право собственности – это категория вещного права и к обязательствам и корпоративным правам (составляющим суть ЦФА) применяться не может.

Выделяя разновидности сделок по обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, можно отграничить сделки: во-первых, направленные на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие права, удостоверенные по конструкции ЦФА, в том числе и на права, удостоверенные по конструкции ЦФА, другого вида; во-вторых, сделки по обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права, не относящиеся к категории прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; в-третьих, сделки по обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав.

Сделки по обмену прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, согласно ст. 10 Закона о ЦФА должны осуществляться через оператора обмена ЦФА, путем формирования заявки на обмен прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и размещения этой заявки в информационной системе, в которой был осуществлен выпуск прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, при помощи сервисов личного кабинета пользователя информационной системы.

Характеризуя специфику договорных отношений, касающихся обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права, следует отметить, что сегодня в качестве разновидности цифровых прав, отличающихся от прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует рассматривать только утилитарные цифровые права. Такой вывод следует из анализа норм ст. 141.1 ГК РФ, где четко сказано, что к цифровым

правам относятся только те имущественные права, которые названы цифровыми в специальных законодательных актах. В настоящее время в РФ существуют только два вида имущественных прав, именуемых законодателем как «цифровые». К таким правам относятся права, удостоверенные по конструкции ЦФА (что четко установлено нормами закона о ЦФА), и утилитарные цифровые права, правовой режим которых регламентируется нормами Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ [11, с. 108]. Следовательно, когда мы говорим об обмене прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права (для фиксации которых не используется конструкция ЦФА), то говорим о сделках обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на утилитарные цифровые права, сутью которых являются: 1) требования по передаче вещей (за исключением требований по передаче имущества, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) требований по передаче имущества, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению); 2) требования по передаче исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) требования, касающиеся выполнения работ и (или) оказания услуг.

Полагаем, порядок обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на утилитарные цифровые права должен быть аналогичен правилам обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на права, удостоверенные по конструкции ЦФА другого вида, с учетом того, что утилитарные цифровые права учитываются по правилам инвестиционной платформы, а удостоверение принадлежности утилитарных цифровых прав их владельцам может осуществляться посредством оформления цифрового свидетельства [19].

Рассматривая целевой и волевой аспекты сделки обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав, в том числе на вещи, результаты выполнения работ, оказание услуг, следу-

ет отметить, что такие сделки необходимо относить к категории непоименованных договоров. Далее, исходя из принципа свободы договора, зафиксированного в нормах ст. 421 ГК РФ, и принципа свободного приобретения и осуществления гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав, установленного в нормах п. 2 ст. 1 ГК РФ, можно утверждать, что какого-либо запрета на совершение подобных действий нет.

Несомненно, что договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие оборотоспособные объекты гражданских прав должен осуществляться в письменной форме, а если предметом договора обмена помимо прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, выступают объекты, сделки с которыми подлежат нотариальному удостоверению или государственной регистрации, то и к договору обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на такие объекты гражданских прав следует применять нормы ст. 163 и 164 ГК РФ.

Прогресс в развитии науки и техники, необходимость правового регулирования общественных отношений, возникающих относительно новых явлений, объективно существующих в окружающем нас мире, обуславливает необходимость обращения специалистов все чаще и чаще к категории «непоименованность» [17, с. 322]. Проявляя солидарность с А.Я. Ахмедовым относительно критериев разграничения непоименованных и смешанных гражданско-правовых договоров [1, с. 11], мы полагаем, что договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие оборотоспособные объекты гражданских прав следует относить к непоименованным договорам. Думается, что, несмотря на общую схожесть конструкции договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав и договора мены, предусмотренного нормами гл. 31 ГК РФ, эти договоры необходимо считать разными. В соответствии с нормами ст. 567 ГК РФ по договору мены стороны передают друг другу один товар в обмен на другой в собственность. В отличие от сказанного, к правам, удостоверенным по конструкции ЦФА, понятие «право собственности» применяться не может. Именно на это обратил внимание Высший арбитражный суд РФ,

анализируя договор, по которому осуществлялась передача товара в обмен на уступку права требования имущества от третьего лица [15]. Некорректность применения конструкции договора мены к отношениям, связанным с имущественными правами, отмечает и Ю.Ф. Беспалов [4].

Налицо несовпадение специфики передаваемых полномочий при заключении сделки в рамках классического договора мены и договора обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав. Именно поэтому мы отстаиваем позицию, в соответствии с которой для разграничения сделок мены вещами и сделок по обмену другими объектами гражданских прав, не относящимися к объектам «вещи», все сделки между контрагентами, во исполнение которых осуществляется встречный обмен объектами гражданских прав, не являющихся вещами, либо осуществляется встречный обмен вещей на объекты гражданских прав, не относящиеся к объектам «вещи», следует именовать «договор обмена».

Выводы

Полагаем, что дефиниция договорного отношения обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав должна трактоваться следующим образом: «По договору обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав одна сторона, являющаяся обладателем ЦФА, при посредничестве оператора обмена ЦФА обязуется передать другой стороне договора принадлежащие ей имущественные права, удостоверенные по конструкции ЦФА в обмен на передаваемые равноценные вещи (за исключением наличных денег и валюты) или другие имущественные права». Такое определение должно включаться в текст ст. 10 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закрепление данной дефиниции в Законе о ЦФА поможет уяснить суть меновых отношений, возникающих в рамках оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, а также бу-

дет способствовать выработке оператором обмена ЦФА правил, обеспечивающих стабильный и бесконфликтный оборот цифровых финансовых активов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов, А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук / Ахмедов Арсен Ярахмедович. – Саратов, 2014. – 199 с.
2. Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 6–77.
3. Белов, В. А. Частное право. Материалы для изучения в 3 т. Т. 2. Проблемы обязательственного и договорного права : учеб. пособие для вузов / В. А. Белов. – М., 2021. – 359 с.
4. Беспалов, Ю. Ф. Договорное право / Ю. Ф. Беспалов. – 2021. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://be5.biz/pravo/d001/10.html> (дата обращения: 10.12.2021). – Загл. с экрана.
5. Братусь, С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 11. – С. 70–72.
6. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.
7. Виниченко, Ю. В. О соотношении гражданского и экономического оборота / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 5. – С. 879–887. – DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).879-887.
8. Гришаев, С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав / С. П. Гришаев. – М., 2015. – 249 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Дерюгина, Т. В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий / Т. В. Дерюгина, А. О. Иншакова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 6 (июнь). – С. 31–34.
10. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая

парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>.

11. Иншакова, А. О. Правовое регулирование инвестиционных платформ в условиях интенсификации цифровых технологий на рынке ценных бумаг / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Право и практика. – 2020. – № 1. – С. 107–115.

12. Карцхия, А. А. Цифровые права и правоприменение / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46. – DOI: 10.21681/2226-0692-2019-2.

13. Криволапова, Л. В. Гражданский оборот имущественных прав: теория и практика / Л. В. Криволапова. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2010. – 239 с.

14. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 136–140.

15. Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 24 сентября 2002 г. № 69. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12028883/> (дата обращения: 10.12.2021). – Загл. с экрана.

16. Садков, В. А. О дуализме понимания категорий «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» / В. А. Садков // Власть Закона. – 2020. – № 4. – С. 188–196.

17. Сулова, С. И. Непоимованность в гражданском праве / С. И. Сулова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 48. – С. 322–347.

18. Тарасов, И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития / И. В. Тарасов // Стратегии бизнеса. – 2018. – № 6 (50). – С. 57–63.

19. Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Яковлев, А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Яковлев Андрей Сергеевич. – Воронеж, 2003. – 25 с.

REFERENCES

1. Ahmedov A.Ya. *Nepoimenovannyye dogovory v grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Unnamed Contracts in Russian Civil Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2014. 199 p.

2. Belov V.A. Obyekt subyektivnogo grazhdanskogo prava, obyekt grazhdanskogo pravootnosheniya i obyekt grazhdanskogo oborota: sodержanie i sootnoshenie ponyatij [The Object of Subjective Civil Law, the Object of Civil Legal Relations and the Object of Civil Turnover: The Content and Correlation of Concepts]. Rozhkova M.A., ed. *Obyekty grazhdanskogo oborota: sb. st.* [Objects of Civil Turnover. Collection of Articles]. Moscow, Statut Publ., 2007, pp. 6-77.

3. Belov V.A. *Chastnoe pravo. Materialy dlya izucheniya v 3 t. T. 2. Problemy obyazatel'stvennogo i dogovornogo prava: ucheb. posobie dlya vuzov* [Private Law in 3 Vols. Materials for Study. Vol. 2. Problems of Obligation and Contract Law. Textbook for Universities]. Moscow, 2021. 359 p.

4. Bupalov Yu.F. *Dogovornoe pravo* [Contract Law], 2021. URL: <https://be5.biz/pravo/d001/10.html> / (accessed 10 December 2021).

5. Bratus' S.N. O ponyatii grazhdanskogo oborota v sovetskom grazhdanskom prave (doklad na zasedanii Sektora grazhdanskogo prava Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk) [On the Concept of Civil Turnover in Soviet Civil Law (Report at a Meeting of the Civil Law Sector of the All-Union Institute of Legal Sciences)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law], 1949, no. 11, pp. 70-72.

6. Vasilevskaya L.Yu. Token kak novyy obyekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii cifrovogo prava [Token As a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 5 (102), pp. 111-119.

7. Vinichenko Yu.V. O sootnoshenii grazhdanskogo i ekonomicheskogo oborota [On the Correlation Between Civil and Economic Circulation]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 2015, vol. 25, no. 5, pp. 879-887. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).879-887.

8. Grishaev S.P. Evolyuciya zakonodatel'stva ob obyektah grazhdanskikh prav [Evolution of Legislation on Objects of Civil Rights]. Moscow, 2015. 249 p. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

9. Deryugina T.V., Inshakova A.O. Oborotospособnost' i pravovoj rezhim obyektov grazhdanskikh prav: sootnoshenie ponyatij [Turnover and Legal Regime of Civil Rights Objects: Relation of Concepts]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2019, no. 6 (June), pp. 31-34.

10. Inshakova A.O. Oborot obyektov grazhdanskikh prav imushchestvennogo kharaktera: osnovnyye ponyatiya, vidy, tendentsii zakonodatel'nogo razvitiya [The Circulation of Property Objects of Civil Law Rights: Basic Concepts, Types,

Trends of Legislative Development]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>.

11. Inshakova A.O., Goncharov A.I. Pravovoe regulirovanie investicionnyh platform v usloviyah intensivatsii cifrovyyh tekhnologiy na rynke cennyh bumag [Legal Regulation of Investment Platforms in the Context of the Intensification of Digital Technologies in the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 1, pp. 107-115.

12. Karckhiya A.A. Cifrovye prava i pravoprimerenie [Digital Rights and Law Enforcement]. *Monitoring pravoprimereniya* [Law Enforcement Monitoring], 2019, no. 2 (31), pp. 43-46. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-2.

13. Krivolapova L.V. *Grazhdanskij oborot imushchestvennyh prav: teoriya i praktika* [Civil Turnover of Property Rights: Theory and Practice]. Orenburg, Izd. centr OGAU, 2010. 239 p.

14. Matytsin D.E. Cifrovye tekhnologii realizatsii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Transactions: A Repo Agreement for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 2, pp. 136-140.

15. *Obzor praktiki razresheniya sporov, svyazannyh s dogovorom meny: informacionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego arbitrazhnogo suda RF ot 24 sentyabrya 2002 g. № 69* [Review of the Practice of Dispute Resolution Related to the Barter Agreement. Information Letter of the Presidium of the Supreme

Arbitration Court of the Russian Federation No. 69 Dated September 24, 2002]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12028883/> (accessed 10 December 2021).

16. Sadkov V.A. O dualizme ponimaniya kategorij «cifrovye prava» i «cifrovye finansovye aktivy» [On the Dualism of Understanding the Categories of “Digital Rights” and “Digital Financial Assets”]. *Vlast' Zakona* [The Rule of Law], 2020, no. 4, pp. 188-196.

17. Suslova S.I. Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave [Non-Naming in Civil Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2020, iss. 48, pp. 322-347.

18. Tarasov I.V. Industriya 4.0: ponyatie, koncepcii, tendencii razvitiya [Industry 4.0: Concept, Concepts, Development Trends]. *Strategii biznesa* [Business Strategies], 2018, no. 6 (50), pp. 57-63.

19. Federal'nyj zakon «O privlechenii investitsij s ispol'zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 2 avgusta 2019 g. № 259-FZ [Federal Law “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

20. Yakovlev Andrej Sergeevic. *Imushchestvennye prava kak obyekty grazhdanskikh pravootnoshenij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Property Rights As Objects of Civil Legal Relations: Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Voronezh, 2003. 25 p.

Information About the Author

Vitaly A. Sadkov, Police Major, Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

Информация об авторе

Виталий Андреевич Садков, майор полиции, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>

UDC 347.961
LBC 67.76

Submitted: 20.12.2021
Accepted: 26.01.2022

MODERN NOTARY IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

Elena N. Agibalova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Angelina A. Ryzhova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the impact of digitalization on the institution of the notary. The hypothesis of the impact of digital transformation on both the formal side of the existence of the institution in question and its substantive aspect is taken as the basis for the study. The **purpose** of the study: to identify the significant consequences of the impact of digital transformation on the institution of the notary. **Methods:** in the study, the authors use the hermeneutical method, the system and logical methods, analysis, synthesis, comparison. **Results:** the conducted research allows confirming the hypothesis about the impact of digital transformation on the notary in two directions: substantive and formal. The main driver of the changes is the introduction of a Unified Notary Information System. However, not all identified examples of changing practices within the institution of notaries can be evaluated positively. **Conclusions:** the authors conclude that from the formal side, the activity of the notary becomes more dynamic and accessible. From the substantive side, the digital transformation of the notary contributes to the unity of spaces: legal, geographically determined, and virtual ones.

Key words: notary, digitalization of law, legal space, unified notary information system.

Citation. Agibalova E.N., Ryzhova A.A. Modern Notary in the Era of Digital Transformation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 166-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>

УДК 347.961
ББК 67.76

Дата поступления статьи: 20.12.2021
Дата принятия статьи: 26.01.2022

СОВРЕМЕННЫЙ НОТАРИАТ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Елена Николаевна Агибалова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Ангелина Александровна Рыжова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассмотрено влияние цифровизации на институт нотариата. В качестве основы для исследования берется гипотеза о влиянии цифровой трансформации как на формальную сторону существования рассматриваемого института, так и на содержательный его аспект. **Цель исследования:** выявить существенные следствия влияния цифровой трансформации на институт нотариата. **Методы:** в настоящем исследовании авторы использовали герменевтический, системный и логический методы, анализ, синтез, сравнение. **Результаты:** проведенное исследование позволило подтвердить гипотезу о влиянии на нотариат цифровой трансформации по двум направлениям: содержательному и формальному. Основным драйвером измене-

ний является внедрение единой информационной системы нотариата. Однако не все выявленные примеры изменения практик в рамках института нотариата могут быть оценены положительно. **Выводы:** авторы делают вывод, что с формальной стороны деятельность нотариата становится более динамичной и доступной. С содержательной стороны цифровая трансформация нотариата способствует единству пространств: правового, географически обусловленного и виртуального.

Ключевые слова: нотариат, цифровизация права, правовое пространство, единая информационная система нотариата.

Цитирование. Агибалова Е. Н., Рыжова А. А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 166–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.24>

Введение

Научно-технический прогресс скорректировал возможности познания нашего мира, предоставив разработки для исследований недоступных ранее пространств – микромира и космоса, более подробного изучения физических явлений. Существующий уровень науки и техники предполагает развитие не только в технических науках: описанные изменения имеют последствия для гуманитарных наук и социальных практик. Для юриспруденции эти изменения выражаются в виде интереса к цифровизации в праве. Цифровизация затронула многие фундаментальные институты права. Она проникла в осуществление правосудия, сделав возможным проведение судебных заседаний в форме видеоконференции. В последние годы также претерпел влияние цифровизации институт нотариата.

Сущность нотариата заключается в легитимации фактических обстоятельств. Поскольку юридический факт имеет значение не для одного лишь бенефициара признания этого факта, но также может влиять на права и обязанности других людей, он должен быть публично зафиксирован. Осуществление этой функции необходимо для правопорядка и для граждан. Чтобы производить такие действия на постоянной основе нужны процессуальные нормы осуществления описанной нотариальной функции. Отсюда видно 2 аспекта нотариальной деятельности: содержательный и формальный. Поэтому цифровая трансформация права может затронуть современный нотариат по аналогичным направлениям: содержательному и формальному.

Влияние цифровизации на институт нотариата

Основной причиной, предопределяющей дискурс о нотариате в эпоху цифровой транс-

формации, является внедрение цифровых технологий в практики органов нотариата. К таким относится единая информационная система нотариата (далее – ЕИС). Положения о ней были введены в 2013 г. с дополнением Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) гл. VII.1 [5]. В соответствии со ст. 34.1 Основ, ЕИС нотариата признается автоматизированная информационная система, предназначенная для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всех видов информационного взаимодействия. Видится, что внедрение этой системы не могло пройти бесследно.

Последствием для формальной стороны вопроса является придание большей динамичности совершению нотариальных действий и гражданскому обороту. ЕИС нотариата использует электронные каналы связи и хранилища, которые становятся средствами для совершения нотариальных действий. Например, созданный в рамках ЕИС реестр наследственных дел позволяет оперативно искать уже существующие наследственные дела, которые ведет другой нотариус [8, с. 340]. Если ранее такой поиск осуществлялся силами самого нотариуса и его помощников, то сейчас все взаимодействие нотариуса сводится к взаимодействию с системой.

Идентификация признака динамичности позволяет нам также обнаружить еще одну черту – реализацию принципа публичности нотариальной деятельности [1, с. 10]. Внедрение ЕИС нотариата позволило обычным гражданам без обращения к нотариусу узнавать первичные сведения о совершенных нотариальных действиях и юридических фактах, которые с ними связаны. Например, с помощью

обращения к реестру наследственных дел человек может узнать об открытых наследственных делах и нотариусах, которые открыли такие дела. Благодаря обращению к сервису для проверки доверенностей человек может проверить доверенность своего контрагента [7]. Это делает систему нотариата и ее деятельность доступной для широкого круга лиц, которые узнают о нотариальной деятельности и получают к ней доступ еще до обращения к нотариусу [3, с. 73].

Однако такая доступность образует конфликт с ценностями, закрепляемыми законодательством о персональных данных. Так, под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу [10]. Принцип работы реестра наследственных дел основывается на открытом доступе персональных данных наследодателей (фамилии, имени и отчестве и дате смерти). Например, становятся доступными персональные данные лиц, сведения о которых хранятся в сервисе проверки доверенностей. Указанные опции, с одной стороны, удобны для пользователя этих сервисов информационной системы нотариата, но с другой, противоречат положениям законодательства о персональных данных.

С содержательной стороны мы видим в качестве последствия консолидацию системы органов нотариата. Для примера возьмем ст. 53.1 Основ. Она позволяет удостоверять сделки, когда стороны, их заключающие, находятся в разных частях Российской Федерации. Когда стороны сделки обращаются к нотариусам, те связываются посредством защищенных каналов связи единой системы. Используя единую систему, нотариусы удостоверяют такую сделку [4, с. 849].

Нововведения, касающиеся ЕИС, коснулись также вопросов взаимодействия органов нотариата и государственных органов по поводу исполнения своих функций. К таковым относятся, например, органы записи актов гражданского состояния и регистрационные органы. В 2019 г. в структуру Основ была введена ст. 34.6, которая предусмотрела взаимодействие информационной системы нотариата с другими информационными системами для получения или направления сведений, не-

обходимых для совершения нотариальных действий. Такие функции оказались особенно востребованными в период пандемии коронавирусной инфекции, когда прием граждан указанными ведомствами был ограничен, а необходимость отправления документов в их адрес оказалась неизменной [2, с. 650].

Перечисленные соображения наводят на мысль, что ЕИС нотариата существенно повлияла и на общеправовые параметры – правовое пространство Российской Федерации. Правовое пространство предстает как протяженность, в границах которой существуют правовые явления [6, с. 15–17]. Оно может быть изменчивым в зависимости от места и времени реализации правовых предписаний, но важно, чтобы это пространство оставалось единым. В противном случае будут созданы условия для существования партикулярного права, которое будет устанавливаться не централизованно, едино и прозрачно «сверху», а складываться на местах. Из таких соображений следуют принимаемые меры по обеспечению единства правового пространства в Российской Федерации [9]. Мы заключаем, что внедрение единой информационной системы нотариата не просто обеспечило более оперативное взаимодействие по совершению нотариальных действий, но и создало единое правовое пространство для указанных юридических практик.

Сделаем еще одно замечание касательно правового пространства, которое было преобразовано цифровой трансформацией нотариата. Исследователи часто затрагивают вопрос о соотношении границ правового пространства применительно к территории государства и к виртуальному пространству [6, с. 31–33]. Иными словами, существуют 2 пространства, которые регулируют право: территориальное, обусловленное географически, и цифровое, обусловленное существованием компьютерных сетей. Удваивание ставит перед нотариатом дополнительные задачи по осуществлению нотариальных действий не только с документами и фактами, происходящими в территориальных границах, но и в виртуальных. Этот вызов был воспринят, и в 2013 г. Основы были дополнены новыми видами нотариальных действий: удостоверение равнозначно-

сти документа на бумажном носителе электронному документу и наоборот [5]. Эти нотариальные действия позволяют объединить пространства территориальное и цифровое, которые в своем исходном состоянии не пересекаются. Указанные нотариальные действия устанавливают референт для цифрового пространства в территориальном пространстве через установление равнозначности документов и так связывают их.

Заключение

Нам удалось установить, что нотариат в эпоху цифровой трансформации претерпевает существенные изменения. Изменения по форме делают нотариальную деятельность более динамичной и доступной для граждан. Однако такая доступность образует противоречие с законодательством о персональных данных. Содержательные изменения касаются консолидации нотариусов и государственных органов посредством ЕИС нотариата и схожих систем государственных органов, тем самым способствуя воплощению единства правового пространства. Кроме того, появление новых нотариальных действий по установлению равнозначности электронного и бумажного документа позволяет связать виртуальное пространство и пространство, обусловленное географически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бегичев, А. В. Нотариат : учеб. для бакалавров / А. В. Бегичев. – М. : Проспект, 2018. – 288 с.
2. Лынов, А. А. Цифровизация нотариальной деятельности в период пандемии / А. А. Лынов // StudNet. – 2020. – № 7. – С. 648–654.
3. Матыцин, Д. Е. Неоиндустриальный инструментарий оборота бездокументарных ценных бумаг: цифровые технологии реализации и защиты прав инвесторов и эмитентов / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 73–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10>.
4. Никитенко, А. М. Электронный нотариат в России / А. М. Никитенко, А. С. Чернышева // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 845–852.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – № 49.
6. Правовое пространство: границы и динамика : монография / Ю. А. Тихомиров [и др.] ; отв.

ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – 240 с.

7. Сервис проверки доверенностей Федеральной нотариальной палаты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.reestr-dover.ru/> (дата обращения: 18.12.2021). – Загл. с экрана.

8. Тарасова, Е. А. Современный нотариат = Электронный нотариат? (цифровизация нотариальной деятельности) / Е. А. Тарасова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 337–344.

9. Указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3356.

10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.

REFERENCES

1. Begichev A.V. *Notariat: ucheb. dlja bakalavrov* [Notaries. Textbook for Bachelors]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 288 p.
2. Lynov A.A. Tsifrovizatsiia notarialnoi deiatelnosti v period pandemii [Digitalization of Notary Activities is a Key Issue During the Pandemic]. *StudNet*, 2020, no. 7, pp. 648-654.
3. Matytsin D.E. Neoindustrial'nyj instrumentarij oborota bezdokumentarnyh cennyh bumag: cifrovyte tekhnologii realizacii i zashchity prav investorov i emitentov [Neoindustrial Tools for the Turnover of Non-Documentary Securities: Digital Technologies for the Implementation and Protection of the Rights of Investors and Issuers]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 73-83. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10>.
4. Nikitenko A.M., Chernysheva A.S. Elektronnyi notariat v Rossii [Electronic Notary in Russia]. *Voprosy rossijskoi iustitsii*, 2021, no. 15, pp. 845-852.
5. Osnovy zakonodatelstva Rossijskoi Federatsii o notariate, utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1 [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the Notariate No. 4462-I Dated February 11, 1993]. *Rossijskaia gazeta*, 1993, no. 49.
6. Tikhomirov Yu.A., Golovina A.A., Pliugina I.V. [et al.], ed. by Tikhomirov Yu.A. *Pravovoe prostranstvo: granitsy i dinamika: monografiia* [Legal Space: Boundaries and Dynamics. Monograph]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2019. 240 p.
7. *Servis proverki doverennostei Federalnoi notarialnoi palaty* [Attorney Verification Service of the Federal Notary Chamber]. URL: <https://www.reestr-dover.ru> (accessed 18 December 2021).

8. Tarasova E.A. *Sovremennyi notariat = Elektronnyi notariat? (tsifrovizatsiia notarialnoi deiatelnosti)* [The Modern Notariat = Electronic Notaries? (Notary Digitization Activities)]. *Permskii iuridicheskii almanakh* [Perm Legal Almanac], 2019, no. 2, pp. 337-344.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 10.08.2000 № 1486 «O dopolnitelnykh merakh po obespecheniiu edinstva pravovogo prostranstva Rossiiskoi Federatsii»

[Presidential Decree No. 1486 Dated August 10, 2000 “On Additional Measures to Ensure the Unity of the Legal Space of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2000, no. 33, article 3356.

10. Federalnyi zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personalnykh dannykh» [Federal Law No. 152-FZ Dated July 27, 2006 “On Personal Data”]. *Rossiiskaia gazeta*, 2006, no. 165.

Information About the Authors

Elena N. Agibalova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, agibalovaen76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3920-3561>

Angelina A. Ryzhova, Master Student, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, linaryzhova1999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5191-9733>

Информация об авторах

Елена Николаевна Агибалова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. им. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, agibalovaen76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3920-3561>

Ангелина Александровна Рыжова, магистрант, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. им. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, linaryzhova1999@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5191-9733>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.25>

UDC 347.77
LBC 67.404.3

Submitted: 05.01.2022
Accepted: 27.01.2022

THE SCOPE OF PATENT RIGHTS FOR SERVICE INVENTIONS, SERVICE UTILITY MODELS, SERVICE INDUSTRIAL DESIGNS

Elizaveta V. Zaitseva

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Alexander A. Molchanov

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: the paper considers the study of the specifics of patent rights for official results of intellectual activity in the scientific, technical, artistic, and design spheres. **Methods:** the methodological framework for the research is the dialectical method of cognition, as well as such general scientific methods as analysis, synthesis, induction, and deduction. Among the specific scientific research methods, comparative-legal, normative and dogmatic methods are used. **Results:** the study analyzes the features of patent rights for service inventions, service utility models, service industrial designs, as guarantees provided by the state for the performance of legally significant actions concerning these objects. The list of patent rights for service developments, their main characteristics is defined. Special attention is paid to the personal non-property rights of the author; the current legislation and the opinions of civilists on the scope of the right to a name are analyzed. **Conclusions:** it is established that the issue of ownership of the right to the name of the author of the invention, utility model, and industrial design is not regulated at the legislative level, which may entail the infringement of legal authorities exercised by the author of official decisions. As a result of the study, the legislative consolidation of the right to a name in the list of patent rights is proposed, as an absolute subjective legal authority of the author of an invention, utility model, industrial design, whose scope should be considered equally as a legally secured opportunity for the author to require the indication of his name, and the ability to remain anonymous in publications about the protected decision.

Key words: patent rights, service inventions, service utility models, service industrial designs, exclusive right, right to name, author, employer.

Citation. Zaitseva E.V., Molchanov A.A. The Scope of Patent Rights for Service Inventions, Service Utility Models, Service Industrial Designs. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 171-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.25>

УДК 347.77
ББК 67.404.3

Дата поступления статьи: 05.01.2022
Дата принятия статьи: 27.01.2022

СОДЕРЖАНИЕ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ НА СЛУЖЕБНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ, СЛУЖЕБНЫЕ ПОЛЕЗНЫЕ МОДЕЛИ, СЛУЖЕБНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБРАЗЦЫ

Елизавета Владиславовна Зайцева

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Александр Александрович Молчанов

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию специфики патентных прав на служебные результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической и художественно-конструкторской сферах. **Методы:**

методологической основой исследования выступает диалектический метод познания, а также такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция. В числе частнонаучных методов исследования использованы сравнительно-правовой и нормативно-догматический. **Результаты:** в исследовании проанализированы особенности патентных прав на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы как обеспеченные государством гарантии совершения в отношении указанных объектов юридически значимых действий. Определен перечень патентных прав на служебные разработки, их основные характеристики. Особое внимание уделено личным неимущественным правам автора, проанализировано действующее законодательство и мнения цивилистов по поводу содержания права на имя. **Выводы:** установлено, что на законодательном уровне не урегулирован вопрос о принадлежности права на имя автору изобретения, полезной модели, промышленного образца, что может повлечь ущемление реализуемых автором служебных решений правомочий. В результате исследования предлагается законодательное закрепление права на имя в перечне патентных прав как абсолютного субъективного правомочия автора изобретения, полезной модели, промышленного образца, содержанием которого следует считать в равной степени как юридически обеспеченную возможность для автора требовать указания своего имени, так и возможность оставаться анонимным в публикациях об охраняемом решении.

Ключевые слова: патентные права, служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы, исключительное право, право на имя, автор, работодатель.

Цитирование. Зайцева Е. В., Молчанов А. А. Содержание патентных прав на служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 171–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.25>

Введение

Специфика патентных прав весьма значительна и позволяет ограничивать их от других категорий гражданских прав. Патентные права, равно как и другие категории субъективных гражданских прав, принято разделять на имущественные, личные неимущественные и иные права. В качестве патентных прав на служебные результаты интеллектуального труда законодателем в п. 2, 3 ст. 1345 и в ст. 1370 ГК РФ определены исключительное право, право авторства, право на получение патента, а также право на вознаграждение.

Исключительное право на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы

Основополагающее место в системе патентных прав на служебные решения в технической и художественно-конструкторской сферах занимает исключительное право, под которым принято понимать совокупность преимущественных перед третьими лицами правомочий гражданина или юридического лица использования служебного объекта, а также законодательно обеспеченная возможность для правообладателя разрешать или запрещать использование служебного результата творчества в течение срока действия удос-

товеряющего принадлежность исключительного права охранного документа.

Имущественный характер исключительного права обуславливает его оборотоспособность посредством гражданско-правовых сделок и по иным основаниям [10, с. 265]. Кроме этого, законодательством предопределена абсолютность исключительного права, предусмотрена его срочность в зависимости от вида охраняемого объекта, а также ограниченность территорией действия. Исключительное право на служебную разработку не зависит от права собственности на выраженные в объективной форме изобретения, полезные модели, промышленные образцы и не тождественно ему [16, с. 8].

Основанием возникновения исключительного права на служебное решение выступает юридический акт признания государством охраноспособности служебного объекта патентного права [13, с. 19].

Принадлежность исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец, признанные служебными по смыслу п. 3 ст. 1370 ГК РФ, установлена за работодателем автора результата творческой деятельности, в отсутствие договора между субъектами об ином. Законодателем, в силу абз. 2 п. 4 ст. 1370 ГК РФ, также предусмотрен обратный переход исключительного права – от работодателя к сотруднику (работни-

ку), осуществление которого гарантирует наделение работодателя правомочием использовать запатентованный служебный объект в своем производстве на условиях лицензионного договора с выплатой патентообладателю вознаграждения [7, с. 117].

С момента получения патента на служебную разработку правообладатель может распоряжаться принадлежащим ему исключительным правом по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, в том числе вовлекая его в гражданский оборот посредством заключения договора об отчуждении исключительного права (договор об отчуждении патента), а также лицензионного договора (исключительная или простая неисключительная лицензия) [4, с. 58].

Осуществление исключительного права, которое принадлежит нескольким лицам совместно, по правилам п. 5 ст. 1358, п. 2 и 3 ст. 1348, п. 3 ст. 1229 ГК РФ, происходит в соответствии с заключенным между правообладателями соглашением, в отсутствие которого каждый из них может использовать результат творчества по своему усмотрению, однако распоряжение исключительным правом на такой объект осуществляется правообладателями совместно, при этом отчуждение исключительного права или предоставление лицензии возможны только с согласия других правообладателей [11, с. 321].

Личные неимущественные права авторов служебных разработок

Как единственное правомочие, входящее в комплекс личных неимущественных прав на служебные объекты промышленной собственности, законодателем предусмотрено право авторства, представляющее собой не только юридически обеспеченную возможность считаться создателем объекта права, но и требовать, в силу этого, признания своего авторства. Право авторства индивидуализирует его обладателя [15, с. 67], объективно связано с творческой деятельностью, имеет высшую степень исключительности и обладает абсолютным характером.

Принадлежность права авторства на служебное изобретение, полезную модель, промышленный образец установлена только для

физического лица, то есть сотрудника (работника), непосредственно участвовавшего в разработке научно-технического или дизайнерского решения и внесшего личный творческий вклад в его создание [12, с. 67].

Основанием возникновения права авторства у сотрудника (работника), по смыслу п. 5 ст. 8 ГК РФ, признается юридический факт создания служебной разработки. При этом, следует отметить, что право авторства находится вне зависимости от выдачи патента и может быть осуществлено правообладателем еще до государственной регистрации служебной разработки [8, с. 455] при реализации прав на получение патента и на вознаграждение.

Право авторства не может участвовать в рыночных отношениях, оно не обладает экономической ценностью и лишь сопровождает имущественные права. В связи с чем право авторства на служебную разработку неотчуждаемо и непередаваемо, отказ от него не влечет юридических последствий; оно не зависит от срока действия исключительного права, а также его перехода по закону к работодателю автора, прекращается в связи со смертью автора, после чего охраняется бессрочно и защищается любым заинтересованным лицом, вне зависимости от сроков исковой давности.

Право авторства неразрывно связано с правом на имя, о сущности которого ведутся дискуссии в науке гражданского права. Для М.В. Гордона [2, с. 111, 120] и С.П. Гришаева [3, с. 225] право на имя неразрывно связано с правом авторства и является его проявлением, без которого реализация его невозможна. В свою очередь, В.А. Дозорцев [5, с. 63], Э.П. Гаврилов [1, с. 80], А.П. Сергеев [17, с. 197] признают право на имя и право авторства двумя самостоятельными правомочиями, различающимися объемом и характером возможностей. Следует согласиться со второй точкой зрения и уточнить, что право на имя взаимосвязано с правом авторства, однако реализуется в отдельности от него и позволяет связать конкретную личность автора с определенным результатом интеллектуальной деятельности.

В настоящее время право на имя легально не предусмотрено для создателей служебного изобретения, полезной модели, промышленного образца, в отличие от создателей слу-

жебных произведений. В противоположность мнению Э.П. Гаврилова о том, что объекты патентного права при использовании менее связаны с их автором, чем объекты авторского права [1, с. 43], необходимо обратить внимание на то, что авторы служебных научно-технических и дизайнерских решений в равной степени с авторами служебных произведений имеют право на имя.

Как и право авторства, право на имя относится к категории личных неимущественных прав, наделено абсолютным характером, является неотчуждаемым и непередаваемым. По смыслу ст. 1347 и абз. 2 п. 1 ст. 1385 ГК РФ, право на имя может быть определено как юридически обеспеченная возможность требования указания своего имени как создателя решения, либо права на анонимность [6, с. 15].

Однако право автора-сотрудника (работника) на анонимность в публикуемых сведениях о служебных разработках может быть ущемлено в связи с тем, что заявителем в большинстве случаев выступает работодатель, который по ряду причин может не удостоверить в материалах отказ сотрудника (работника) от указания своего имени как автора в публикуемых сведениях. Полагаем, этой ситуации можно было бы избежать, закрепить в гражданском законодательстве отдельные положения, касающиеся права на имя как одного из патентных правомочий.

Иные патентные права на служебные результаты интеллектуальной деятельности

Право на получение патента на служебный результат интеллектуальной деятельности представляет собой гарантированную государством возможность подачи заявки на получение охранного документа. Осуществление права на получение патента обусловлено его возникновением с момента создания служебного охраноспособного решения и до времени подачи заявочных материалов в федеральный орган государственной власти по интеллектуальной собственности. В науке гражданского права презюмируется смешанная правовая природа права на получение патента, которая не позволяет отнести его ни к

личным неимущественным, ни к имущественным правам. Однако predetermined оборотоспособность права на получение патента, выражающаяся в возможности перехода по законодательно установленным основаниям или передачи другому лицу, в том числе посредством договора, оформленного в письменной форме. Государственная регистрация такого перехода или передачи права не требуется, а его обладатель, в свою очередь, может распоряжаться правом на получение патента любым не противоречащим закону способом. Согласно п. 3 ст. 1370 ГК РФ право на получение патента на служебное изобретение, служебную полезную модель, служебный промышленный образец принадлежит работодателю, если договором между ним и автором разработки не установлено иное.

Своеобразным инструментом на пути достижения баланса интересов между сотрудниками (работниками) и работодателями выступает право на вознаграждение. Принадлежность права на вознаграждение закреплена за автором служебного результата интеллектуальной деятельности. Законодателем в п. 4 ст. 1370 ГК РФ установлены основания возникновения права на вознаграждение за служебную разработку.

Природа права на вознаграждение, ввиду его неразрывной связи с личностью автора, обуславливает его неотчуждаемость. В то же время, не являющееся исключительным, но относящееся также к числу имущественных прав, право на вознаграждение, как установлено законодателем в абз. 4 п. 4 ст. 1370 ГК РФ, может входить в состав наследства и переходить к наследникам правообладателя на основаниях, установленных гражданским законодательством РФ о наследовании на оставшийся срок действия исключительного права.

Размер, порядок и условия выплаты вознаграждения, в силу п. 4 ст. 1370 ГК РФ, утверждаются посредством заключаемого между автором и работодателем договора. Условия договора должны быть обоснованными и разумными для обеих сторон [9, с. 121].

При отсутствии договора, правила выплаты вознаграждения определяются в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 [14], в нормативном порядке устанавливающим минималь-

ные ставки, порядок и сроки выплаты вознаграждения за служебные объекты патентного права. Размер вознаграждения и срок его выплаты, в силу установленных правил, непосредственно зависит от объекта охраны, а также от оснований возникновения права автора на вознаграждение. При недостижении соглашения и наличии спора, вопросы выплаты авторского вознаграждения разрешаются в судебном порядке.

Выводы

Таким образом, в результате исследования содержания патентных прав на служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы, установлено, что на законодательном уровне не урегулирован вопрос о принадлежности права на имя авторам указанных объектов. В свою очередь, право на имя для авторов объектов промышленной собственности является самостоятельным правомочием, позволяющим связать конкретную личность создателя с определенным результатом творчества в научно-технической сфере и сфере дизайна, которое позволит избежать ущемления реализуемой автором возможности требовать указания своего имени, а также возможности оставаться анонимным в публикациях об охраняемом решении. В связи с этим предлагается законодательное закрепление права на имя в перечне патентных прав, как абсолютного субъективного правомочия автора изобретения, полезной модели, промышленного образца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов, Э. П. Комментарий к Закону об авторском праве и смежных правах / Э. П. Гаврилов. – М. : Фонд «Правовая культура», 1996. – 250 с.
2. Гордон, М. В. Советское авторское право / М. В. Гордон. – М. : Госюриздат, 1955. – 230 с.
3. Гришаев, С. П. Интеллектуальная собственность : учеб. пособие / С. П. Гришаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2009. – 364 с.
4. Джермакян, В. Ю. Объем прав определяется всей формулой изобретения, а не только ее независимым пунктом / В. Ю. Джермакян // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2016. – № 12. – С. 58–63.
5. Дозорцев, В. А. Авторские дела в суде : Научно-практический комментарий / В. А. Дозорцев. – М. : [б. м.], 1989. – 175 с.
6. Еременко, В. И. О личных неимущественных правах авторов изобретений, полезных моделей, промышленных образцов в соответствии с частью четвертой ГК РФ / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2008. – № 6. – С. 13–20.
7. Исключительное право правообладателя и интересы общества: пути достижения баланса / сост. С. Б. Кокина. – М. : Юрсервитум, 2019. – 258 с.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный, учебно-практический). Часть четвертая / под ред. А. П. Сергеева. – М. : Проспект, 2021. – 912 с.
9. Молчанов, А. А. Гражданско-правовые проблемы использования искусственного интеллекта в казенных учреждениях системы МВД России в контексте права интеллектуальной собственности / А. А. Молчанов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – С. 120–123.
10. Молчанов, А. А. Гражданское право (общая часть) : учебник / А. А. Молчанов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 356 с.
11. Молчанов, А. А. Гражданское право (особенная часть): учебник / А. А. Молчанов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 496 с.
12. Молчанов, А. А. Правовой статус субъектов патентного права в системе МВД России / А. А. Молчанов, Е. В. Зайцева // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 65–70.
13. Новоселова, Л. А. Об особенностях некоторых правопорождающих фактов в патентном праве / Л. А. Новоселова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2016. – № 12. – С. 19–23.
14. Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 г. № 1848 «Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 47. – Ст. 4578.
15. Ревинский, О. В. Право промышленной собственности : курс лекций / О. В. Ревинский. – 3-е изд., с изм. и доп. – М. : Юрсервитум, 2020. – 443 с.
16. Рожкова, М. А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности / М. А. Рожкова // Журнал российского права. – 2014. – № 9. – С. 5–11.
17. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев. – М. : Теис, 1996. – 694 с.

REFERENCES

1. Gavrilov Je.P. *Kommentarij k Zakonu ob avtorskom prave i smezhnyh pravah* [Commentary on the Law on Copyright and Related Rights]. Moscow, Fond «Pravovaja kul'tura» Publ., 1996. 250 p.
2. Gordon M.V. *Sovetskoe avtorskoe pravo* [Soviet Copyright]. Moscow, Gosjurizdat Publ., 1955. 230 p.
3. Grishaev S.P. *Intellektual'naja sobstvennost': ucheb. posobie* [Intellectual Property. Study Guide]. Moscow, Jurist Publ., 2009. 364 p.
4. Dzhermakjan V.Yu. Obyem prav opredeljaetsja vsej formuloj izobretenija, a ne tol'ko ee nezavisimym punktom [The Scope of Rights is Determined by the Entire Claim of the Invention, and Not Only by Its Independent Clause]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* [Intellectual Property Court Journal], 2016, no. 12, pp. 58-63.
5. Dozorcev V.A. *Avtorskie dela v sude: Nauchno-prakticheskij kommentarij* [Copyright Cases in Court. Scientific and Practical Commentary]. Moscow, s. n., 1989. 175 p.
6. Eremenko V.I. O lichnyh neimushhestvennyh pravah avtorov izobretenij, poleznyh modelej, promyshlennyh obrazcov v sootvetstvii s chast'ju chetvertoj GK RF [On the Personal Non-Property Rights of the Authors of Inventions, Utility Models, Industrial Designs in Accordance with Part Four of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i jekonomika* [Legislation and Economics], 2008, no. 6, pp. 13-20.
7. *Iskljuchitel'noe pravo pravoobladatelja i interesy obshhestva: puti dostizhenija balansa* [The Exclusive Right of the Copyright Holder and the Interests of the Company: Ways to Achieve a Balance]. Moscow, Jurservitum Publ., 2019. 258 p.
8. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj, uchebno-prakticheskij). Chast' chetvertaja* [Commentary to the Civil Code of Russian Federation (Article-by-Article, Educational and Practical). Part Four]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 912 p.
9. Molchanov A.A. Grazhdansko-pravovye problemy ispol'zovanija iskusstvennogo intellekta v kazjonnyh uchrezhdenijah sistemy MVD Rossii v kontekste prava intellektual'noj sobstvennosti [Civil Law Problems of the Use of Artificial Intelligence in State Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Context of Intellectual Property Law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia], 2018, no. 4 (80), pp. 120-123.
10. Molchanov A.A. *Grazhdanskoe pravo (obshhaja chast'): uchebnik* [Civil Law (General Part). Textbook]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. 356 p.
11. Molchanov A.A. *Grazhdanskoe pravo (osobennaja chast'): uchebnik* [Civil Law (Special Part). Textbook]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. 496 p.
12. Molchanov A.A., Zajtseva E.V. Pravovoj status subyektov patentnogo prava v sisteme MVD Rossii [The Legal Status of Subjects of Patent Law in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia], 2021, no. 1, pp. 65-70.
13. Novoselova L.A. Ob osobennostjah nekotoryh pravoporozhdajushhih faktov v patentnom prave [About the Peculiarities of Some Law-Generating Facts in Patent Law]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam* [Intellectual Property Court Journal], 2016, no. 12, pp. 19-23.
14. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.11.2020 g. № 1848 «Ob utverzhenii Pravil vyplaty voznagrazhdenija za sluzhebnye izobretenija, sluzhebnye poleznye modeli, sluzhebnye promyshlennye obrazcy» [Resolution of the Government of Russian Federation No. 1848 Dated November 16, 2020 "On Approval of the Rules for Payment of Remuneration for Work-Related Inventions, Work-Related Utility Models, Work-Related Industrial Designs"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 47, article 4578.
15. Revinskij O.V. *Pravo promyshlennoj sobstvennosti: kurs lekcij* [Industrial Property Law. A Course of Lectures]. Moscow, Jurservitum Publ., 2020. 443 p.
16. Rozhkova M.A. O nekotoryh voprosah oborota iskljuchitel'nyh prav i material'nyh nositelej obyektov intellektual'noj sobstvennosti [On Some Issues of Turnover of Exclusive Rights and Tangible Carriers of Intellectual Property Objects]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 9, pp. 5-11.
17. Sergeev A.P. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii* [Intellectual Property Law in Russian Federation]. Moscow, Teis Publ., 1996. 694 p.

Information About the Authors

Elizaveta V. Zaitseva, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Civil Procedure, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Letchika Pilyutova St, 1, 198206 Saint Petersburg, Russian Federation, liza.nasambaeva@mail.ru, civilistmvd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8138-1647>

Alexander A. Molchanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Letchika Pilyutova St, 1, 198206 Saint Petersburg, Russian Federation, alexmol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0790-7564>

Информация об авторах

Елизавета Владиславовна Зайцева, адъюнкт кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, ул. Летчика Пилютова, 1, 198206 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, liza.nasambaeva@mail.ru, civilistmvd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8138-1647>

Александр Александрович Молчанов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, ул. Летчика Пилютова, 1, 198206 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alexmol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0790-7564>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>

UDC 347.7:004.738.5

LBC 67.404.96

Submitted: 10.01.2022

Accepted: 28.01.2022

INTERNET SPACE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS OF ENTREPRENEURSHIP AND LAW ENFORCEMENT¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
International Law Institute (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the author investigates the problems of carrying out a special type of entrepreneurial activity – advertising goods and services by public-media individuals on the Internet, through their personal accounts in social networks. Formally, these individuals are not individual entrepreneurs they mention certain goods and services indirectly, in the process of communicating with other users of social networks. Such an advertising business is based on the analysis and accumulation of user search queries, because of which special computer algorithms are launched, and instantly give this user numerous answers and suggestions about goods and services. In the current period, such remote services in the information and communication network Internet are provided to users with the help of artificial intelligence. **Methods:** a number of problems of using artificial intelligence are highlighted, the features of the legal responsibility of the person who owns this computer-software resource, as a person who is an employer from the standpoint of labor law, are revealed. **Results:** it is proposed to legislate the special entrepreneurial status of “self-employed in the information and telecommunications network Internet”. A variant of a special tax regime for such entrepreneurial activity is proposed too. The **conclusion** is substantiated that public-media individuals who have continuous Internet communications with other persons in the number of at least 1 million persons on average per year should, by virtue of the law, be given a special entrepreneurial status, provided that they do not have a written refusal from advertising activities. Compliance with such a refusal and the actual non-implementation by a public media person of advertising activities in social networks is also controlled by artificial intelligence.

Key words: media personality, Internet, artificial intelligence, advertising, account, users, entrepreneurship, legitimation, taxation.

Citation. Matytsin D.E. Internet Space and Artificial Intelligence: Problems of Entrepreneurship and Law Enforcement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 178-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>

УДК 347.7:004.738.5

ББК 67.404.96

Дата поступления статьи: 10.01.2022

Дата принятия статьи: 28.01.2022

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Международный юридический институт (Волжский филиал), г. Волжский, Российская Федерация

Введение: автор исследует проблематику осуществления особого вида предпринимательской деятельности – рекламирования товаров и услуг публично-медийными физическими лицами в Интернете через их личные аккаунты в социальных сетях. Формально, указанные физические лица не являются индивидуальными предпринимателями, упоминают те или иные товары и услуги косвенно – в процессе общения с другими пользователями социальных сетей. Такой рекламный бизнес основан на анализе и накоплении поисковых запросов пользователей, в результате реагирования на которые запускаются специальные компьютерные алгоритмы и мгновенно выдают данному пользователю многочисленные варианты ответов и предложений о товарах и услугах. В текущий период

такие дистанционные услуги в информационно-коммуникационной сети Интернет оказываются пользователям при помощи искусственного интеллекта. **Методы:** выделен ряд проблем использования искусственного интеллекта, раскрывают особенности юридической ответственности лица, владеющего данным компьютерно-программным ресурсом, как лица, являющегося работодателем с позиций трудового права. **Результаты:** предлагается законодательно закрепить специальный предпринимательский статус «самозанятый в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Представлен вариант специального налогового режима для такой предпринимательской деятельности. **Выводы:** обосновано, что публично-медийные физические лица, имеющие непрерывные интернет-коммуникации с другими лицами в количестве не менее 1 млн человек в среднем за год, должны в силу закона наделяться специальным предпринимательским статусом при условии отсутствия их письменного отказа от рекламной деятельности. Соблюдение такого отказа и фактическое неосуществление публично-медийным лицом рекламной деятельности в социальных сетях должен контролировать также искусственный интеллект.

Ключевые слова: медийная личность, интернет, искусственный интеллект, реклама, аккаунт, пользователи, предпринимательство, легитимация, налогообложение.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Интернет-пространство и искусственный интеллект: проблемы предпринимательской деятельности и правоприменения // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 178–185. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>

Introduction

Virtual property that exists only in a “digital format” has economic value as well as material things [8]. For example, VKontakte LLC has a website with a domain name <http://www.vk.com>. However, let us ask ourselves whether the actions of vk.com are upon registration of its new user by entrepreneurial activity. Although the procedure for registering a user on this website (creating an account) can be considered as an option for concluding a gratuitous contract for the provision of information services. In the process of registering a user, VKontakte LLC does not make a profit, that is, it is problematic to consider this process as an entrepreneurial activity [5].

Considering the same question from the perspective of the account user, we see that at the same time potential advertisers may be interested in a new user (especially if it is a public media personality). After that, they can systematically conclude commercial contracts with them for advertising in their account. Here the question: what is the legal characteristic of the actions of those very public media personalities who “unobtrusively” advertise services and goods through their accounts on social networks, that is, contextual mentioning that they use goods (services) of a particular manufacturer (service provider) in the course of their daily life.

Using this simplest example, it can be noted that at the present stage, the signs of entrepreneurial activity carried out on the Internet are not defined; therefore, the allocation of such

signs is significant [6]. The main problems in the field of legal regulation of civil turnover carried out on the Internet are related to the fact that for the current period:

1) the circle of subjects that carry out property turnover, entrepreneurial activity is not defined (except for mass media and bloggers registered as mass media);

2) the essential features of contractual practice and entrepreneurial activity on the Internet have not been disclosed, as well as an approximate list of activities (for example, the provision of a domain name differs in legal characteristics from advertising);

3) the issue of targeted advertising and “unobtrusive” advertising – contextual mention by public media personalities of goods (services) of a particular manufacturer (service provider) has not been settled;

4) the specifics of providing consumer loans and financial services are not regulated (for example, these are the activities of financial organizations on the Internet, Qiwi wallet, Yandex Money, which do not fall under the legal field of public relations that regulate the activities of credit organizations). At the same time, many microfinance organizations provide loans online.

Materials and Methods

As part of the regulatory framework, the Labor Code of the Russian Federation No. 197 of 30.12.2001, Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 “On Protection of Competition”, Law of the

Russian Federation No. 2300-1 of 07.02.1992 “On Protection of Consumer Rights” were studied. Judicial acts were also analyzed in terms of the issues under study. The study of doctrinal sources covers the scientific works of a number of Russian scientists, among these are A.A. Frolov, D.S. Silnov, A.M. Sadretdinov, E.V. Kiseleva et al.

The development of the content of the study as a whole was carried out based on the materialistic worldview and the universal scientific method of historical materialism. General scientific methods of cognition are applied: dialectical, hypothetical-deductive method, generalization, induction and deduction, analysis and synthesis, empirical description. The research also uses private scientific methods: dogmatic, comparative-legal, hermeneutic, structural-functional, etc.

Results

Public regulation of competition in the market of goods and services at the present stage is also relevant, due to the high cost of advertising in general, as well as the constant emergence of new methods and types of advertising that require legal regulation. The latter include, in particular, targeted advertising, which allows you to broadcast ads about goods and services in which this audience is interested to a certain target audience. The interests of the audience are analyzed and systematized based on publicly available information from the profiles of Internet users by artificial intelligence algorithms [12]. The difference between targeted advertising and “unobtrusive” (contextual) advertising placed on social networks is that when creating targeted advertising, user data is used, and in the case of contextual advertising, keywords that the user enters into the search bar.

Currently, the main legal problems with the use of targeted advertising seem to be the following.

1. The use of conditional personal data of users (since advertising is formed based on analyzed user requests). At the same time, such personal data, although illustrating the peculiarities of the user’s interests, do not fall under protection as personal data. At the same time, in the context of the development of cybercrime, the free use of search query data by third parties can lead to an increase in the number of cases of fraud, as

well as intrusive advertising. This implies the need to regulate the access of third parties to search queries (the exception is the access of law enforcement organs).

2. The use of other people’s names, trademarks, brand names, etc. when creating advertising, since it is based on user requests (appeals to goods or services of a specific type and specific economic entities) that targeted advertising is developed [7]. In fact, targeted advertising implies the use of information about those goods and services (and the economic entities providing them) that are most interesting to the user, potential consumer, that is, direct use of information about the popularity of goods and services of a particular type or manufacturer with the consumer.

This feature of targeted advertising at the present stage seems to require regulation, since the creation of such advertising is based on the use of information about other advertised goods and services. Thus, other people’s trademarks are used as an “information source” when creating targeted advertising. At the same time, in the legislation and practice of applying the norms, this feature is not considered as a sign of unfair competition, which seems to be some omission, this causes difficulties in law enforcement practice [10; 11].

For example, targeted advertising that contains the brand name of another organization (someone else’s trademark) is recognized in one of the definitions of the Federal Antimonopoly Service as not conforming to the norms of legislation [3]. In the case under consideration, the Federal Antimonopoly Service received a complaint about the fact that a legal entity uses part of a trademark in targeted advertising.

Considering the issue of using targeted advertising, the Federal Antimonopoly Service, in particular, indicated that based on paragraph 1 of Article 14.6 of the Federal Law “On Protection of Competition” unfair competition in this way is not allowed. In a way that may mislead a potential consumer when mixing services provided by an economic entity with goods and services provided by another economic entity or a competitor when using a similar trademark, commercial designation, country of origin or brand name [4]. In particular, the Federal Antimonopoly Service pointed out the impossibility of using trademarks and other designations and names in the Internet information

and telecommunications network, including placement in a domain name and when using other addressing methods, when organizing advertising activities. The last reservation of the law enforcement officer indicates the actual impossibility of using targeted advertising, because the concept of “other ways of addressing” introduced by the Federal Antimonopoly Service itself is rather vague.

It should be noted that the decision of the Federal Antimonopoly Service in the above case was influenced by the use of someone else’s trademark, and not by the fact of using targeted advertising. A similar situation occurs in the materials of the Decision of the Arbitration Court of the Perm Territory dated 03/19/2020 in case No. A50-32717/2019, during the preparation of which the case of illegal use of the trademark “system vector psychology” in targeted advertising was analyzed. In this case, there was also a reference specifically to the illegal use of the trademark, and not to the use of targeted advertising tools as such [15]. Therefore, the indication of the impossibility of advertising in the domain name clearly indicates that the use of targeted advertising by the Federal Antimonopoly Service equates to one of the methods of unfair competition.

In the practice of judicial law enforcement, various contradictions arise that require the development of a unity of approaches. In this regard, the analysis of the specifics of the practice of judicial enforcement, in particular, electronic evidence and their accounting by the court is quite relevant. In court procedures, witness testimony is not taken into account in case of non-compliance with the simple written form of the transaction, provided that this form of transaction is established in the law for the simple written form of deals [16].

The fact of committing any actions under the transaction, if there is a need for compliance with a simple written form for its type, will not be established by the court only based on testimony alone when presenting written evidence that refutes this fact [2]. In particular, the borrower’s receipt, promissory note or other document certifying the transfer of a certain amount of money (thing) from the lender to the borrower, they serve as such written evidence that confirms the conclusion of the loan agreement and regulates its terms [1].

Article 162 of the Civil Code of the Russian Federation provides for the recognition of a transaction as invalid only if it is directly specified in the law or contract (direct instructions, in particular, are contained in Articles 331, 362, 820, 940, 1028 of the Civil Code of the Russian Federation, etc.). Failure to comply with a simple written form of the transaction, executed in the form of a contract, entails the invalidity of the deal. This agreement is considered null and void. In addition, it is within this framework that electronic evidence can be presented to the court in the event of a dispute – for example, an electronically executed contract, or a correspondence agreeing on the terms of the parties for a specific contract or deal. For example, the court found that the invalidation of one part of the disputed clause of the contract will not affect the fulfillment by the parties of their obligations under the contract, and the recognition of this contract as invalid does not entail the nullity of other terms of the contract [13]. The norm of paragraph 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation assumes the main legal consequence of the invalidity of transactions: each of the parties is obliged to return to the other party all the property received under the transaction. That is, if the transaction is declared invalid, the parties return to the property position that was before the deal.

When resolving disputes over the above-mentioned deals, the following requirements have been formed for the acceptance of electronic documents as written evidence:

- accessibility to human perception (readability, ability to understand the meaning);
- reliability of the method of preparation, storage and transmission of electronic evidence;
- reliability of the method of identification of the originator of the evidence;
- the correctness of the form and features of the information fixation procedure [9].

As part of the assessment of Russian judicial practice in the field of intellectual property rights protection in the conduct of business activities on the Internet, including copyright for advertising, a number of the following main problems can be identified.

1. The complexity of proving the fact of infringement of the right within the framework of the fact that many symbols, letters, drawings, ideas

are used by different copyright holders and somehow have elements of similarity, and multimedia products may structurally include intellectual property products for which copyrights have already been registered.

2. Problems of evaluation of individual evidence in court (for example, the failure of the court to accept video recordings as evidence, the lack of evaluation of individual evidence, etc.).

3. Insufficient volume of court decisions in practice [12].

Development of machine-readable law, the concept of which was approved in 2021. By the Government of the Russian Federation, it could significantly increase the level of law enforcement in controversial cases. At the same time, business entities, thanks to digital platforms based on this technology, could automatically check whether legal documents, including contracts and contracts, are drawn up correctly. Currently, the technology of machine-readable law is partially used in the operation of video recorders on the roads. Here it is necessary to clarify that a machine-readable right is implemented and created, among other things, by means of artificial intelligence.

Note that the Labor Code of the Russian Federation regulates the relationship between an employee and an employer; however, if an artificial intelligence acts as an “employee” who produces goods (services) for his “employer”, a situation arises in which it is problematic to consider the relationship as labor [17]. Artificial intelligence from an economic standpoint can be considered as a kind of means of production; however, from the standpoint of labor law it is impossible to accurately answer the question whether artificial intelligence is an object or a subject of labor relations. The features of artificial intelligence that indicate the possibility of considering it as a subject of labor relations are the performance of socially useful activities (production of goods, provision of services that are consumed in society), as well as the ability to self-study, improve their activities. At the same time, the fact that artificial intelligence does not have a biological life and a strong-willed human personality as such does not allow us to consider artificial intelligence as a subject of labor relations.

In the process of property turnover, the transition of artificial intelligence from one employer to another becomes a significant problem. For example, if one employer has created a program

that produces services, which is transferred to another employer for use, and the latter has significantly improved the quality and increased its profit from the services provided due to the self-learning properties of artificial intelligence. Here it is quite problematic to assess the scope of the rights of one and the second employer to these improvements. Artificial intelligence itself is an object of intellectual property, and at the same time, it independently produces intellectual property – for example, it creates new algorithms, technologies, etc. In this regard, the problem is the assessment of the possibility of artificial intelligence to act as a “subject” of copyright for the technologies, know-how or elements created by it, which is regulated by civil legislation. From this point of view, artificial intelligence, which itself is the property of its “employer”, produces an object of intellectual property.

From the point of view of formal logic, this implies the automatic right of the “employer” of artificial intelligence to the objects of intellectual property created by the latter, since this result of intellectual activity can be considered as official. However, if an individual employee acts instead of artificial intelligence, then he can alienate the rights to the created technology or know-how only voluntarily and for remuneration. Undoubtedly, artificial intelligence is not a subject of civil law will.

Within the framework of quality control of functions and created electronic-virtual and information products and services by artificial intelligence, the following problem can be identified. In particular, in accordance with civil law, the employer is responsible for the harm caused by his employee. The problem of regulating these relations is that the distribution of responsibility of the organization and the employee is regulated not only by the norms of administrative law, but also by the norms of civil and labor law.

The liability of a legal entity or a citizen (individual entrepreneur) for harm caused by its employee is regulated in general by Article 1068 of the Civil Code of the Russian Federation [14]. At the same time, there are quite a large number of regulations that somehow relate to the issue of regulating the liability of legal entities for the actions of their employees (first of all, these are laws regulating the financial sphere, for example, the work of banks, insurance companies, etc.).

In addition, it should be noted that the offense of a legal entity in all cases is a specific individual – the head, chief accountant, ordinary employee, the sanction for which is somewhat lower, since the legislation on administrative offenses provides for lighter penalties for misconduct of individuals.

Within this framework, the institute of administrative responsibility of legal entities differs in that one of the legal problems in it is the problem of distinguishing the responsibility of an individual and a legal entity. In addition, it is quite a difficult task that a legal entity is not actually protected from the actions of its employees in any way, unless it is proved that the employee committed an offense for personal purposes, and not for providing additional benefits to the legal entity.

For example, it is quite problematic to prove the fact that the chief accountant of a commercial organization, having decided to get personal benefits, used his position as an employee of the organization, and at the same time the head of the organization did not know about his actions. In such cases, quite often legal entities are wrongfully held liable. It is also quite difficult to prove the part of the offense that is interpreted as an action or inaction. In fact, an organization cannot have an expression of will, and it is possible to characterize its action or inaction only in relation to a specific individual – as a rule, the head or chief accountant. At the same time, it is also quite difficult to prove that, for example, the head actually instructed his colleague, the chief accountant, to perform the action prescribed by law (to submit documents or appear in the case of a tax audit, etc.). Quite often, the manager can shift the blame to his employees, which implies their punishment, and not the punishment of the organization.

With regard to artificial intelligence, the employer does not exclude an unlawful “shifting” of blame on it, such as, for example, a reference to a technical error that led to violations of the rights of consumers of products or services [18]. However, the question arises as to how significant the degree of the employer’s guilt is. If, in the event of such a situation with an individual employee, the court determines the employee’s guilt and the amount of damage (for example, in the framework of a recourse claim from the employer to the employee after the employer reimburses the damage). In case of harm caused due to an artificial intelligence error, the employer has the opportunity to evade

responsibility. At the same time, the courts in such cases can fully consider only the employer’s fault, which also violates his rights.

The situation is caused by the fact that the employee actually carries out the activity (hence, the activity that caused harm) at the direction and (or) under the control of the employer, i.e. fulfills his will. Within the framework of the judicial claim practice on the liability of legal entities for the actions of their employees, it often does not matter whether the employment relationship is properly formed. However, artificial intelligence, although it fulfills the will of the employer, has no human will, unlike an individual, and therefore it is problematic to consider it as a potential subject capable of bearing responsibility in labor and civil law. There is also no clarity in solving the problem of dividing the responsibility of the employer and artificial intelligence if, during the functioning of the latter, due to a technical error, consequences corresponding to the composition of an administrative or criminal offense have arisen.

For example, if, as a result of violation of the established rules, environmental damage was caused, which turned out to be so significant that it provides for criminal liability for the head of the organization and persons responsible for compliance with the relevant norms and rules. Alternatively, in case of violation of safety regulations, fire safety, if it caused harm to health, caused the death of other persons, the mechanism of bringing such persons to responsibility is not fully understood. Since their own guilty behavior (a mandatory feature of the *corpus delicti* in accordance with criminal law) is absent in this case. There is only a “conditionally guilty” behavior of artificial intelligence, which cannot be the subject of a criminal offense.

It is assumed that the employer and other responsible persons should be responsible for the actions of artificial intelligence. At the same time, the functioning of artificial intelligence and its “behavior” may not be controllable, and the fault of the head of the organization, if he followed all the established rules and regulations, will be absent.

Conclusion

There are a number of problems with the use of artificial intelligence; there are features of

the legal responsibility of a person who owns such a complex intellectual computer-software resource as a person who is an employer from the standpoint of labor law. At the same time, a number of problems of law enforcement are highlighted both by executive authorities and in courts when resolving disputes.

It is reasonable to single out a special type of entrepreneurial activity – advertising of goods and services by public-media individuals, in the information and communication network Internet, through their personal accounts on social networking websites. Despite the fact that these individuals are not legally individual entrepreneurs, they systematically and for making a profit mention certain goods and services indirectly, in the process of communicating with other users of social networking websites. Advertisers base such an advertising business on the analysis and accumulation of user search queries, because of which special computer algorithms are launched, and instantly give the next user numerous answers and suggestions about goods and services. Such mass remote services in the information and communication network Internet are provided to an unlimited number of users mainly by artificial intelligence.

According to the authors, public-media individuals who have continuous Internet communications with other persons through a personal account on a social network website in the number of at least 1 million persons on average for 1 year should, by virtue of the law, be given a special entrepreneurial status, provided that they do not have a written refusal from advertising activities. Compliance with such a refusal and the actual non-implementation by a public media person of advertising activities in social networks, as well as the implementation of activities, should also be controlled by artificial intelligence. Counting and monitoring the actual availability of the number of users within 1 million persons or more on average for 1 year is also artificial intelligence. The authors propose to fix a special entrepreneurial status in the law for the designated public-media individuals – “self-employed in the Internet information and telecommunications network”. It is also necessary to fix in the law the option of a special tax regime for such business activities. According to the authors, this should be an imputed tax regime: 1 kopeck for 1 regular

user per year in each account of a “self-employed person on the Internet information and telecommunications network”.

The use of artificial intelligence and the allocation of this new type of entrepreneurial activity of individuals in the Internet information and telecommunications network, the legitimization of this business, including its taxation, will correspond to the high level of legal regulation of public relations and communications of the modern society of the Russian jurisdiction.

NOTE

¹ The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00314 “Transformation of Public Relations in the Context of Industry 4.0: Legal Prevention”).

REFERENCES

1. *Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32-KG 13-8 Dated December 24, 2013*. URL: <https://rospravosudie.com/court-zilairskij-rajonnyj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-561858716>.
2. *Definition of the Moscow City Court No. 33-12882/14 Dated April 18, 2014*. URL: <https://rospravosudie.com/court-zilairskij-rajonnyj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-561858716>.
3. *Determination of the Federal Antimonopoly Service on the Initiation of Case No. 83/R-2017 Dated August 9, 2017*. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/kemerovskoe-ufas-rossii/83-r-2017-8bca7ee5-28d1-4899-b369-da64262a7bef>.
4. Federal Law No. 135-FZ Dated July 26, 2006 (As Amended on July 2, 2021) “On Protection of Competition” (With Amendments and Additions, Which Entered into Force on January 1, 2022). *Rossiyskaya gazeta*, 2006, July 27 (no. 162).
5. Frolov A.A., Silnov D.S., Sadretdinov A.M. Analysis of Mechanisms for Detecting Prohibited Content on the Internet. *International Journal of Open Information Technologies*, 2019, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mehanizmov-obnaruzheniya-zapreschen-nogo-soderzhimogo-v-seti-internet>.
6. Goncharov A.I., Matytsin D.E., Inshakova A.O. Preventive and Proactive Measures to Protect the Rights of Consumers of Entertainment Services. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2022, pp. 209-221.

7. Goncharov A.I., Matytsin D.E., Inshakova A.O. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors. Inshakova A.O., Frolova E.E., eds. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2022, pp. 199-209.
8. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Matytsin D.E. The Neo-Industrial Paradigm of Protecting Business Entity's Rights on Means of Individualization in the EAEU. Inshakova A.O., Frolova E.E., eds. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2022, pp. 383-392.
9. Kiseleva E.V. Electronic Document As Evidence in Civil Proceedings. *Molodoy uchenyi*, 2016, no. 23 (1), pp. 31-33.
10. Matytsin D.E. Retail Investment Financing Via Remote Digital Computer Algorithm. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 150-158. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.20>.
11. Matytsin D.E. The Internet As a Special Information Space for Attracting and Implementing Investments. Inshakova E.I., Inshakova A.O., eds. *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth: Perception, Challenges and Opportunities*. Singapore, Springer, 2022. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_20.
12. Matytsin D.E. The Strategy of Quality Management in Industry 4.0. and Building a Cognitive Economy Based on Production and Technological Factors in the Russian Federation and the EU. *Right. Economy. Psychology*, 2021, no. 2, pp. 40-51.
13. *Resolution of the Court of the Volga District No. F06-9135/14 Dated October 27, 2011 in Case No. A 12-3253/2014*. URL: <https://rospravosudie.com/court-zilairskij-rajonnyj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-561858716>.
14. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ Dated January 26, 1996 (Edition of July 1, 2021 (As Amended on July 8, 2021) (With Amendments and Additions, Which Entered into Force on January 1, 2022). *Rossiyskaya gazeta*, 1996, February 6 (no. 23); February 7 (no. 24); February 8 (no. 25), February 10 (no. 27).
15. *The Decision of the Arbitration Court of the Perm Region Dated March 19, 2020 in Case No. A50-32717/2019*. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/37687520-0811-4060-a13f-78ad0aee7faf/4e89abb3-6773-442d-886a-83e302dee7d2/A50-32717-2019_20200617_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.
16. *The Decision on the Case 2-156/2016 ~ M-79/2016-X (November 30, 2017, Zilairsky District Court (Republic of Bashkortostan))*. URL: <https://rospravosudie.com/court-zilairskij-rajonnyj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-561858716>.
17. The Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ Dated December 30, 2001 (Ed. November 22, 2021) (With Amendments and Additions, Intro. Effective from November 30, 2021). *Rossiyskaya gazeta*, 2001, December 31 (no. 256).
18. The Law of the Russian Federation No. 2300-1 Dated February 7, 1992 (Edition of June 11, 2021) "On Protection of Consumer Rights". *Rossiyskaya gazeta*, 1996, January 16 (no. 8).

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute (Volzhsky Branch), Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Международный юридический институт (Волжский филиал), ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на II полугодие 2022 года 1382 руб. 50 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 2nd half of 2022 is 1382.50 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
